

МИРЧА
ЭЛИАДЕ

ГАДАЛЬЩИК НА КАМЕШКАХ

ImWerdenVerlag
München 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Двенадцать тысяч голов скота. <i>Перевод Т. Ивановой</i>	3
Дочь капитана. <i>Перевод Т. Свешниковой</i>	10
Гадальщик на камешках. <i>Перевод Т. Свешниковой</i>	21
На улице Мынтулясы. <i>Перевод Ю. Кожевникова</i>	38
Змей. <i>Перевод М. Кожевниковой</i>	89
<i>Вяч. Вс. Иванов.</i> Мирча Элиаде и фантастический реализм XX века	150

© Мирча Элиаде. Гадальщик на камешках.
Спб., «Азбука», 2000.

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. 2005
OCR и вычитка: Хиггинс, higgins@russianlondon.com
<http://imwerden.de>

Двенадцать тысяч голов скота

Человек поднял над столом пустую бутылку и, глядя на трактирщика, многозначительно потряс ею в воздухе, — мол, пора принести еще вина. Потом вынул из кармана пестрый платок и стал рассеянно вытирать лоб. Человек был не старый, ладно сложенный, хоть и полноватый, с круглым, налитым кровью невыразительным лицом.

Трактирщик, приволакивая ногу, двинулся к нему.

— Коли до сих пор их нет, видно, уж ничего не будет, — сказал трактирщик, ставя графин перед посетителем. — Уже почти двенадцать...

Человек вертел в руках пестрый платок и озадаченно улыбался.

— Видно, уж ничего не будет, — чеканя каждое слово, повторил трактирщик.

Будто только тут расслышав его слова, человек торопливо отыскал часы и, откинув назад голову, долго издали разглядывал стрелки, сдвинув брови и не мигая.

— Без пяти двенадцать, — вымолвил он наконец с расстановкой, будто не веря собственным глазам.

И вдруг быстрым движением отстегнул часы от толстой золотой цепочки на поясе и с загадочной улыбкой протянул их трактирщику:

— Ты только возьми их в руки. Ну что? Как думаешь, сколько они стоят?

Трактирщик долго размышлял, взвешивая часы то в одной, то в другой руке.

— Тяжелые, — наконец произнес он. — Видать, не золотые. Для золотых слишком тяжелые.

— Царские часы! — сообщил посетитель. — Я купил их в Одессе. Они принадлежали царю.

Трактирщик изумленно покачал головой и собрался вернуться к стойке, когда человек удержал его за руку и представился:

— Я — Горе. Бери бокал и приходи со мной выпить, — продолжал он. — Янку Горе — человек надежный и с будущим, — друзья так говорят обо мне.

В окне зазвенело единственное уцелевшее стекло: мимо проехал тяжело груженный грузовик. Горе сидел подперев подбородок и с улыбкой следил за трактирщиком. Трактирщик вытащил из-под стойки бокал, долго стряхивал его, потом старательно разглядывал — достаточно ли чистый. С бокалом в руке, все так же приволакивая ногу, направился к столу, молча сосредоточенно налил себе из графина, и тут Горе, понизив голос, спросил:

— Ты такого Пэунеску знаешь?

— Из Министерства финансов? — живо откликнулся трактирщик.

Он поднес бокал к губам, но не выпил, будто в последнюю минуту вспомнил о чем-то.

— Из Министерства финансов, — подтвердил Горе.

Трактирщик опрокинул бокал и отер губы тыльной стороной ладони.

— Он жил здесь рядом, в доме четырнадцать, но теперь переехал. После бомбежки, — прибавил он и насмешливо подмигнул. — Говорят, получил приказ из министерства.

И он снова хитро подмигнул. Но Горе не заметил. Он протянул руку и, нащупав на столе свой пестрый платок, стал снова рассеянно и будто нехотя утирать лоб и щеки, а потом вдруг сказал:

— Мне он ничего не говорил. Сказал только, что, если чего понадобится, не искать его в министерстве, а идти прямо на улицу Красавицы. Но в доме четырнадцать уже никто не живет. Ни души...

— Он переехал после бомбежки, — повторил трактирщик, снова неспешно возвращаясь к стойке. — Сколько же тогда погибло людей!

Вошли два шофера и молча уселись у неразбитого окна. Вид у них был мрачный. Горе, держа часы в вытянутой руке, разглядывал циферблат.

— Десять минут первого, — тяжело вздохнув, сообщил он.

— Теперь уж, видно, не будет. Сегодня пронесло. С Божьей помощью пронесло...

Горе торопливо засунул в карман жилетки часы, хлопнул по столу и крикнул:

— Счет, начальник, я тороплюсь! Потом не без усилия встал, взял шляпу и нетвердыми шагами подошел к стойке.

— У меня дела. Тороплюсь, — несколько раз повторил он громко, будто обращаясь ко всем в трактире.

Отсчитал несколько банкнот, не дожидаясь сдачи, крепко пожал руку хозяину и со словами: «Ты еще услышишь обо мне, ты еще услышишь о Янку Горе» — вышел.

Улица обдала его ласковым теплом майского полдня. Пахло шиповником и горячей щепенкой. Горе нахлобучил шляпу и медленно пошел прочь.

— Мошенник! — прошипел он сквозь зубы, проходя мимо дома номер четырнадцать.

Это был ничем не приметный дом с потрескавшейся штукатуркой, каких много в предместье.

— Жулье! Меня кормит обещаниями, а сам смылся. Трус и жулик! Сгинул, укрывшись в безопасном месте с моими тремя миллионами! Оставил меня здесь под бомбежкой.

От злости Горе быстро дошагал до конца улицы и вдруг остановился как вкопанный, несколько раз выругался и почти бегом вернулся назад. Перед домом четырнадцать он снял шляпу и всей ладонью надавил на кнопку звонка. Он долго стоял так, держа в одной руке шляпу, а другой давя на звонок и прислушиваясь к долетавшему из пустого дома одинокому, зловещему звуку. На лице у него выступили капли холодного пота, но что-то мешало ему снять руку со звонка и сгинуть. Может, все та же злость.

И тут — невероятно! — пронзительный звук сирены. Горе почувствовал: сейчас обмякнут ноги — и в отчаянии поднял глаза к небу. По выцветшей его голубизне беспорядочно сновали белесые облака, точно еще не решив, куда держать путь. «Совсем спятили! Уже больше двенадцати, и чего им нейметя?» — пронеслось у него в голове. Ему показалось, будто в соседних домах захлопали двери, кто-то переговаривался, и молодой женский голос истошно крикнул:

— Ионикэ! Где ты, Ионикэ!

Горе испуганно огляделся по сторонам и вдруг, решительно наклонившись вперед, бросился бежать вверх по улице. Сирена испустила длинный истошный вопль и стихла. «Шесть тысяч голов скота, и притом отборного качества, — внезапно подумал Горе. — У меня и разрешение на экспорт есть. Вот только бы Министерство финансов утвердило...» И в эту минуту увидел пришпиленное к забору знакомое объявление с черным указующим пальцем: «Противовоздушное убежище в 20 метрах».

Кровь прилила к его лицу, и он припустился еще быстрее. Он был уже у калитки и открыл ее, когда услышал где-то рядом короткий свисток постового.

Ведомый черным указующим пальцем объявления, Горе направился к какому-то погребку в глубине двора. На двери его большими буквами значилось: «Убежище для 10 человек». «Не успели еще набежать. Найдется местечко», — подумал Горе и открыл дверь. Пол комнаты был цементный, окно наглухо заштукатурено. С потолка свисала грязная лампочка. По стенам стояли несколько мешков с песком и ведро воды. В центре комнаты — деревянные скамьи. Когда он вошел, старик и две женщины устремили на него любопытный взгляд.

— Доброе утро, — сказал Горе, с трудом переводя дух и тем не менее заставляя себя улыбнуться. — Ну и бежал же я, — добавил он, утирая щеки платком. — А я думал — сегодня они не прилетят.

— Говорю я вам, эта тревога не настоящая, — вступил старик неожиданным басом. — Я сегодня утром слышал по радио: сейчас устраивают учебные тревоги. Вот и вчера вечером объявляли... Это учебная!

Он говорил явно распаляясь. Это был благородного вида старец с еще красивым лицом и густой, почти совсем поседевшей шевелюрой; он то и дело мигал от набегавшей слезы. Одна из женщин раздраженно на него глянула. Возраст ее было определить трудно, но скорее всего она была стара. На широкоскулом нечистом лице выделялся большой, почти бесформенный рот с неровными пожелтевшими зубами. Наградив старика насмешливым взглядом, она резко вернулась к своей соседке:

— Я, барышня, здесь не останусь! Не нравится мне в погребе. Сегодня у меня с утра левый глаз так и дергается. Не к добру это...

— Елисавета! — попыталась осадить ее соседка.

— По мне, барышня, лучше нам вернуться домой, — снова затараторила Елисавета. — У нас-то дома лучше. По мне...

— Елисавета! — вдруг прикрикнула «барышня». — Не серди меня, у меня кровь бросается в голову, того и гляди, опять станет дурно!

«Барышне» было лет пятьдесят. Сухая, с длинным носом и холодными выцветшими глазами, одетая скромно, но не без кокетства, она нервно куталась в бледно-розовую шаль. Горе вдруг понял, что перед ним знатная дама, закивал головой и попросил разрешения сесть рядом со стариком. Никто не удостоил его ответом.

— Я из Питешти, — заговорил он, немного смешавшись. — Сюда приехал по делам. Двенадцать тысяч голов породистого скота. И разрешение на экспорт у меня есть... Я — Горе, Янку Горе! — представился он уже тише, оглядел всех по очереди, и плутовская улыбка вспыхнула на его губах.

Но похоже, никто его не слушал. На него смотрели как на пустое место. Елисавета без конца крестилась и шептала молитвы.

— Ты соли взяла? — раздраженно спросила хозяйка.

Елисавета, продолжая шептать молитву, покачала головой.

— Да перестань ты молиться, вот накличешь беду! — прикрикнула хозяйка.

Горе, который тоже собрался было перекреститься, не посмел, только сказал:

— Может, на наше счастье, пролетят мимо, к Плоешти. Может, они только так, поугатать нас. Их ведь Плоешть интересуется, буровые скважины. Нефть...

Никто не отозвался.

— Я собственными ушами слышал сегодня утром по радио, что будет учебная тревога, — настаивал старик, снова раздражаясь.

Он вскочил и ринулся к дверям, склонил набок голову, прислушался. Горе будто ненароком снова вынул часы, долго взвешивал их в правой руке, потом в левой. И когда старик легкими осторожными шагами вернулся на середину комнаты, сказал, обращаясь к нему:

— Царские часы. Купил их по случаю в Одессе. Они принадлежали царю. Вы только возьмите их в руки — не поверите!

И он хотел отцепить часы от толстой золотой цепочки, но тут старик, который будто ничего и не слышал, обратился к даме и с саркастической усмешкой спросил:

— У вас были известия от Пэунеску, уважаемая госпожа Попович?

— А вам-то какое дело? — обиженно вскричала Елисавета. — Лучше бы заплатили за квартиру!..

— Елисавета, прошу тебя, не вмешивайся, — перебила ее хозяйка.

Она бросила взгляд на старика и пожала плечами. При упоминании этого имени Горе разволновался, хоть продолжал играть часами и делал вид, что не слышит разговора.

— Я предупредил, что человек он несерьезный, — обиженно заметил старик. — У меня ведь тоже есть связи. Я говорил, чтобы вы не верили...

Горе захлестнула злоба. Да будь Пэунеску честным человеком, будь он человеком слова, он бы давно добыл ему, Горе, разрешение Министерства финансов, за которое получил уже три миллиона. И он, Горе, был бы теперь с товаром на границе; шутка ли: шесть тысяч голов скота, чистой прибылью сорок миллионов! А не терял бы времени в Бухаресте под бомбежками...

— Вы знаете Пэунеску? — обратился он к старику, не в силах больше молчать. — Пэунеску из Министерства финансов?

Старик не удостоил его взглядом, только пожал плечами, улыбнулся и произнес:

— Лучше бы мне его не знать... Но в конце концов, я выполнил свой долг, вовремя предупредил вас...

— Вы хорошо его знаете? Что он за человек? — шепотом переспросил Горе.

Но старик снова сделал вид, будто не слышит, проследовал мимо Горе и сел на свое место. «Да они сумасшедшие!» — подумал Горе, отвернулся, плюнул и вытер платком губы.

— Барышня, я ухожу! — закричала Елисавета, вскакивая. — У меня опять глаз дергается!

— Сумасшедшая, — сказала мадам Попович, хватая ее за руку.

Горе перекрестился и снова, отвернувшись, сплюнул.

— Коли тревога учебная, так зачем вы пришли? — обратилась Елисавета к старику. Ее пронзительный голос почти срывался на крик. — И зачем здесь сидите? Нарочно, чтобы нам досадить?

И тут как раз Горе услышал отбой и со словами «пронесло!» встал.

— Я тоже живу в этом доме и имею право пользоваться убежищем, — с достоинством возразил старик.

— Слава Богу, пронесло! — повторил Горе и перекрестился. Потом, обратившись к старику, добавил: — Вы были правы, тревога ненастоящая. Не было ни одного выстрела. Сколько она продолжалась? — Он быстро вынул часы и стал издали, нахмурившись, разглядывать циферблат. — И пяти минут не прошло.

— Ты меня с ума сведешь, перестань креститься! — Мадам Попович схватила Елисавету за руку.

Горе обвел взглядом всю компанию и улыбнулся.

— Может, Господь услышал твои молитвы и потому не было бомбежки, — весело сказал он Елисавете.

И пошел к выходу. Но у двери остановился в нерешительности и снова оглядел всех по очереди. Старик пристально смотрел в потолок.

— Вы еще остаетесь? Вам не надоело?

Но так как никто ему не ответил, распахнул дверь и с порога прошипел сквозь зубы:

— Чертовы психи!

На улице его ослепило солнце, и он шагал наобум, не разбирая, куда ступает. Ох уж этот жулик Пэунеску! Испортил ему все удовольствие. «Шесть тысяч голов скота», — то и дело вспоминал Горе, эта мысль не давала ему покоя: чистая прибыль — сорок миллионов. «Задурил мне голову. Поиздевался надо мной. Надул Янку Горе!» Он пошел быстрее, но гнев не унимался. Он шел держа в руках шляпу, рассеянно утирая лицо. И вдруг очутился перед домом номер четырнадцать. Приостановился, плюнул через забор далеко в глубь двора, крикнул «ворюги!», нахлобучил шляпу и направился в трактир. Приятно было снова погрузиться в его сырую прохладу. Горе сел за тот же стол, за которым сидел полчаса назад. Трактирщик, встретившись с ним взглядом, улыбнулся и спросил:

— Пообедаем?

— Принеси для начала вина и два бокала, — сказал Горе.

Он ждал, нетерпеливо барабаня пальцами. А когда трактирщик наполнил оба бокала, спросил:

— Послушай, начальник, что за человек этот Пэунеску? Ты что о нем знаешь?

Трактирщик пил нехотя и, опорожнив наконец бокал, сообщил:

— Он съехал после бомбежки.

— Ладно, это я знаю, — перебил его Горе. — Ты мне уже говорил. Я спрашиваю, хорошо ли ты его знал. Я слышал, что вроде он жулик. Обжужливал людей.

Трактирщик поставил бокал на поднос и покачал головой:

— Не слыхал. Ко мне он не больно навевался...

— А я тебе говорю, — перебил его Горе. И опять ему ударило в голову: «Шесть тысяч голов скота! Я был бы сейчас на границе...»

— Я вот что еще тебе скажу, — начал он, снова распаляясь. — Я скажу тебе, что никому не удастся потешаться над Янку Горе. Это ты запомни. Деньги тут серьезные. Двенадцать тысяч голов скота. Разрешение было, было все, что надо. И я не позволю себя дурачить, как эта сумасшедшая мадам Попович!

Трактирщик вздрогнул и удивленно поднял на него глаза.

— Откуда вы знаете мадам Попович? — спросил он. — Кто вам о ней рассказал?

— Это мое дело, кто рассказал, — произнес Горе и растянул рот в загадочной улыбке. — Речь идет о том, что я не такой дурак, как эта мадам Попович...

— Бедная мадам Попович, да простит ее Господь! — прошептал трактирщик и благочестиво осенил себя широким крестным знамением.

Горе воззрился на него с суровым недоумением и вдруг крикнул:

— Ты что? Ты с чего это вздумал креститься?

— Да ведь как раз сорок дней, как она погибла во время бомбежки. И некому ее, беднягу, помянуть, — сказал трактирщик как-то вдруг устало.

Горе отпрянул и мрачно исподлобья поглядел на трактирщика.

— Значит, не та. Я о мадам Попович, женщине лет пятидесяти. Длинноногая такая Дама. Живет здесь поблизости, над этим мошенником Пэунеску. У нее служанка тоже малость полоумная, Елисавета.

— Бедная Елисавета! — печально улыбнулся трактирщик. — Я знаю ее с тех пор, как она приехала из Констанцы, лет эдак двенадцать-тринадцать. С тех пор, как овдовела мадам Попович. Я всех их знал. Они приходили к нам вечерами, когда у нас в саду был ресторан.

— Ну а с этой что случилось? — испуганно прервал его Горе.

— И она погибла во время бомбежки. Тогда, четвертого апреля, помните, когда думали, что тревога учебная, — будто так объявляли по радио.

— Бросьте, пожалуйста, не погибла она! — прервал его Горе. — Говорю я вам, я только что видел их, я своими ушами слышал, как они разговаривали...

Трактирщик покачал головой и недоверчиво ухмыльнулся.

— Значит, то были не они. Да простит их Господь! — повторил он. — Бомба упала прямо в убежище во дворе. Дом тоже разрушен взрывной волной, но бомба попала в убежище, где было полно народу. Сровняла его с землей. Сколько же тогда погибло душ! — добавил он, испуганно понизив голос.

Горе слушал трактирщика, недоуменно открыв рот, а дослушав до конца, помрачнел, вытащил платок и стал нервно утирать лицо.

— Послушай, хозяин, — начал он серьезно. — Ты, видно, решил надо мной посмеяться. Думаешь, если я выпил натошак два литра вина, то не соображаю. Но ты меня не знаешь. Если вино хорошее, я и ведро выпью. У меня, хозяин, много миллионов. Жаль, связался я с этим жуликом Пэунеску. У меня ведь было все, что нужно, полный порядок...

Трактирщик робко улыбнулся и сказал как бы извиняясь:

— Может, вы чего перепутали...

— Говорю я тебе, я только что слышал, как мадам Попович и Елисавета препирались со своим жильцом...

— С господином судьей? — испуганно прервал его трактирщик. — С господином Протопопеску? Вы и с ним познакомились?

— Они все были в убежище. И я понял, о чем шла речь. Он не платил за квартиру.

Трактирщик уставился на Горе:

— А вы с чего это отправились в убежище?

— Услышал сигнал тревоги и пошел. Как все. Не сказать, что испугался, просто для порядка.

— Сегодня и тревоги-то не было, — тихо заметил трактирщик и виновато отвел глаза.

Горе беспокойно забарабанил по столу, но овладел собой и спросил:

— Вы чем сегодня кормите?

— Мясом с капустой.

— Принеси мне двойную порцию.

Трактирщик скрылся на кухне. Вспомнив, как он осенял себя крестным знаменем, Горе стал хохотать, повторяя свистящим шепотом:

— Чертовы психи!

В этот момент в трактир вошла компания работяг, расселась за столом у невыбитого окна и занялась беседой. Трактирщик внес на подносе дымящееся блюдо и полбуханки хлеба.

— Сегодня пронесло, господин Костикэ, — обратился к нему один из работяг. — Всем по цуйке!

— Это была просто учебная, — вступил в разговор Горе. — Она и пяти минут не длилась. Говорят, и по радио объявляли, что учебная. Если бы я знал, не стоило и ходить в убежище.

Трактирщик вернулся за стойку и аккуратно разлил по рюмкам цуйку.

— Этот господин говорит, что сегодня была тревога, — решился он поддержать разговор.

— Учебная! — с полным ртом крикнул Горе.

— Не было, — разом сказали несколько человек. — Учебная была на прошлой неделе. Сегодня ничего не было.

— Он говорит, будто видел мадам Попович и Елисавету из большого дома с решеткой. И господина Протопопеску, жильца мадам Попович. Из того дома, где бомба упала в убежище.

Посетители стали глядеть на Горе, который, отложив до поры все свои огорчения, уплетал мясо с капустой.

— Я работал всю неделю на расчистке улицы, — заметил один работяга. — Там стоит только решетка.

— Он что-то перепутал, — сказал его товарищ.

Горе, чтобы лучше разглядеть всю компанию, повернулся к ним вместе со стулом. Потом, утерев рот и все лицо салфеткой, с сердцем кинул ее на стол и крикнул, решительно вставая:

— С кем побиться об заклад на три литра цуйки?

— Да о чем спор идет? — переспросил кто-то.

— Я покажу вам убежище, покажу мадам Попович и Елисавету, — не унимался Горе. — Зайду к ним в дом, объясню, в чем дело, и попрошу их показаться в дверях или хотя бы в окне и поговорить с вами.

Раздался смех.

— Далековато идти, — проворчал кто-то.

— Ну что, трусите? — крикнул Горе торжествующе.

— А я согласен на пари, — сказал один парень, встал и поспешно опрокинул рюмку цуйки. — Я работал в доме четырнадцать, там, где решетка.

Горе вышел на середину трактира и, улыбаясь, схватил руку парня обеими руками, — пускай все видят, что пари заключено. Потом поспешно вернулся к своему столику, взял шляпу и направился к выходу. Несколько работяг с шумом поднялись из-за своего стола и последовали за ним.

— Готовь кофе, мы сейчас вернемся! — крикнул Горе трактирщику с порога.

Как-то слишком жарко оказалось на улице. Еще только середина мая, а тротуар полыхает, как летом, думал он. И все же шел быстро и с такой мрачной решимостью, что миновал дом Пэунеску, даже на него не глянув. Рабочие хоть и догнали его, но остановить не решились. И он все шел вперед, а они — за ним, посмеиваясь. Только минут через пять молодой рабочий догнал его со словами:

— Пришли!

Горе резко остановился и бросил взгляд через плечо. Копья решетки на широком цементном постаменте устояли. Но от дома остались только каменные ступени входа; они терялись в бесформенной массе кирпича, бревен и строительного мусора.

— Это не тот дом, — сказал Горе, качая головой, и двинулся дальше.

— Дом четырнадцать здесь, — возразил молодой рабочий. — Вот и решетка...

— Мне до этого нет дела, — мрачно заявил Горе. — Я заключил пари, что покажу вам мадам Попович. Идите за мной, — прибавил он. — Уже недалеко.

И пошел дальше. Но, сделав несколько шагов, растерянно огляделся по сторонам. В воздухе пахло гарью и строительным мусором. Тротуар был разбит, а в иных местах и вовсе отсутствовал. На этой стороне улицы в радиусе десяти метров не уцелело ни одного дома. Кое-где только из остатков стен торчали обнажившиеся бревна или непонятно как висел над развалинами нелепый кусок лестницы. В досаде Горе глянул на другую сторону. Там сохранились еще несколько домов, но почти все стояли без стекол. Окна до половины были забиты досками.

— Здесь бомбы падали сплошняком, — заметил кто-то.

Горе быстро шагал вперед, а рабочие весело попевали сзади. Так продолжалось, пока тот же молодой человек снова не схватил его за руку со словами:

— Улица Красавицы кончилась... Это — Садовая. В конце ее — трамвайная остановка.

— А мне что?! — огрызнулся Горе.

И, сделав еще несколько шагов, торжествующе остановился перед объявлением с черным указующим пальцем. Однако палец указывал туда, откуда они пришли. Надпись большими буквами по-прежнему гласила: «Противовоздушное убежище — в 100 метрах». Но кто-то добавил чернильным карандашом: «Улица Красавицы, 14».

— Там он и есть, где я вам показывал, — сказал молодой рабочий, прочитав надпись через плечо Горе.

Горе обернулся и снова оглядел пустынную улицу, по которой они только что прошли. Одни руины — кучи кирпича и строительного мусора, из которых вдруг торчит искалеченное бревно. Все беды из-за этого жулика Пэунес-ку, рассуждал он. Сейчас уже можно было бы быть на границе и с шестью тысячами голов скота...

— Чертовы психи, — снова прошептал он. И двинулся на другую сторону улицы, когда за спиной его раздался смех и крики:

— Эй, господин хороший, а цуйка?! Договорились на трехлитровую бутылку!

Несколько секунд он шел не оборачиваясь. Но молодой рабочий сложил руки рупором и закричал что было мочи:

— Хоть трактирщику заплатили? Или хотите и его надуть?

Тут Горе встал как вкопанный. Кровь бросилась ему в голову, с пылающими щеками он повернулся, вынул бумажник и сказал:

— Вы не знаете, каков Янку Горе. Не слышали о Янку Горе и не знаете, что он человек надежный и с будущим. Но вы еще услышите о нем, — добавил он. — Вы еще услышите о Янку Горе.

И стал нервно, с натужной улыбкой отсчитывать банкноты. Какой-то ребенок перешел улицу, и молодая женщина, завидев его, крикнула:

— Ионикэ! Где тебя носит, Ионикэ? Битый час тебя разыскиваю, дьявол!

Париж, декабрь 1952 года

Дочь капитана

Все собрались, как обычно, у самого обрыва поглазеть на встречные поезда. Каждый раз, когда брашовский скорый трогался в путь, с противоположной стороны уже лениво подходил пассажирский из Бэйкоя. Оба паровоза издавали протяжный гудок, а Носатый вопил:

— Слушайте эхо!

Но не все его слышали и не всегда... А пока скорый не дошел до станции, все терпеливо ждали. Оставшиеся несколько минут казались особенно долгими, и никому не хотелось разговаривать. Здесь, наверху, солнце еще не зашло, а внизу давно уже наступил вечер. Прахова утратила свой серебристый блеск, вдруг превратившись в мрачный свинцовый поток.

— К станции подошел! — объявил Носатый.

В этот миг у них за спиной послышались быстрые шаги, словно кто-то сбежал вниз по тропинке, и раздался хриплый женский голос:

— Брындуш! Денщик господина капитана...

Рыжий веснушчатый мальчик лет двенадцати или тринадцати с жестким, словно щетка, ежиком недовольно обернулся. У него были огромные глаза, неожиданно глубокие и черные.

— Погоди, — сказал Носатый, — поезд вот-вот тронется.

Мальчик секунду колебался. Потом пожал плечами, сплюнул и, засунув руки в карманы брюк, медленно двинулся по тропинке. У самой дороги он услышал паровозные гудки и остановился, но эхо сюда не долетало.

Денщик поджидал на скамейке. Увидев его, сдвинул фуражку на затылок и улыбнулся.

— Эй, мусью, марш-марш, а то господин капитан осерчает!

Но мальчик и ухом не повел. Он шел медленно, засунув руки в карманы, рассеянно глядя по сторонам. Тогда солдат поправил фуражку и зашагал вперед. Так шли они в десяти шагах друг от друга среди зарослей ромашки и пыльных кустиков полыни. У дачи с колокольчиками на балконе денщик остановился и повернул голову.

— Небось страшно? — спросил он, когда мальчик приблизился к нему.

— Мне? — удивился Брындуш, снисходительно улыбаясь.

Потом пожал плечами и плюнул.

— Тогда поскорее, а то господин капитан ждет нас.

Но и на этот раз мальчик не ускорил шаг, и денщик был вынужден идти медленно, рядом с ним. Через некоторое время он снова поправил фуражку и прошептал:

— Скорее, бегом, он нас заметил...

Капитан стоял у ворот в сорочке и подтяжках, нервно затягиваясь папиросой. Это был средних лет, плотный коротконогий человек. Лицо у него было круглое, брови редкие, волосы зачесаны с затылка на лоб. Казалось, он безуспешно пытается придать своему лицу саркастическое и свирепое выражение.

— Валентин! — крикнул он. — Можешь раздеваться.

Когда Брындуш вошел во двор, с крыльца сбежал смуглый мальчуган с черными прилизанными волосами. Он был в спортивных трусах и держал в руках две пары боксерских перчаток. Как бы не замечая его, Брындуш подошел к колонке в глубине двора и принялся снимать рубаху. Тщательно сложил ее и оставил на бревне. Потом, все так же размеренно, не спеша снял тапочки и долго вытирал ноги о траву. Засучил как можно выше короткие штаны. Несколько раз капитан кричал ему:

— Эй, мусью, поскорей, уж ночь на дворе!

Он надел на Валентина боксерские перчатки и дожидался, нетерпеливо помахивая другой парой. Наконец Брындуш, улыбаясь, подошел к нему и театральным жестом протянул обе руки, словно для того, чтобы ему надели наручники. Солдат, стоя на страже у ворот, с любопытством наблюдал за этими приготовлениями.

— Внимание! — вдруг провозгласил капитан. — Подойдите друг к другу, глядя прямо в глаза, и пожмите рыцарски руки!

Пока мальчики, неловко ступая, строго поглядывая друг на друга и стараясь не моргать, шли навстречу, снова прозвучал голос капитана, прерывающийся от волнения:

— Приготовиться к приветствию! Говорите четко, без запинки!

Мальчики остановились и, с большим трудом соединив руки в перчатках, несколько раз осторожно трянули ими, так чтобы перчатки не соскочили до следующей команды.

— Назовите свои девизы! — проговорил капитан еще более взволнованно. — После моей команды вызывайте друг друга на бой! Раз, два, три!..

— Virtuoso, — отчетливо, по слогам, произнес Валентин. — Хафиз.

— Остановитесь! — крикнул капитан, подняв правую руку и подходя к ним. — Какой у тебя девиз? — обратился он к сыну.

— Virtuoso, — ответил оробевший Валентин. — «Доблестный», Хафиз.

— Кто это? Я никогда о нем не слышал.

— Персидский поэт.

— Откуда ты знаешь?

— Мне рассказывала Агриппина.

— Хорошо, — кивком одобрил капитан. — По местам! Три шага назад, сходитесь, назовите свои девизы и вызывайте друг друга на бой. Раз, два, три!..

— *Virtuoso!* Хафиз! — что было мочи закричал Валентин.

Брындуш ничего не сказал и только поднес обе руки в перчатках к лицу, вероятно, чтобы скрыть свою широкую и странную улыбку. Валентин подождал и растерянно повернулся к отцу.

— Эй, мусью, твой девиз! — крикнул капитан. — Скажи что-нибудь! Любое слово, — настаивал он. — Это правило игры... Скажи хоть одно слово, какого черта?! Ты что, немой?..

— Не могу, — помедлив, прошептал Брындуш. — Я не могу произнести вслух. Это секрет.

Брындуш знал, что за этим последует. Как всегда, капитан подойдет к нему, положит руку на плечо и станет просить. Потом попытается задеть его самолюбие, называя неучем, невежей, мужланом. В конце концов, отчаявшись, отступит на несколько шагов и крикнет: «Без предупреждения, в бой!»... Однако на сей раз капитан не стал настаивать. Он многозначительно улыбнулся и взглянул на Валентина.

— Делай, как я тебя учил! — сказал он. Затем отступил назад все с той же загадочной улыбкой, видимо предвкушая удивление Брындуша. Но ему показалось, что Брындуш иронически поглядывает на него, и он внезапно скомандовал:

— Нападайте!..

Как всегда, Брындуш двинулся головой вперед, без предварительной стойки, держа кулаки у плеч, так что перчатки напоминали гантели для гимнастических упражнений. Валентин сосредоточенно выжидал, напрягая ноги в коленях. Он нанес один за другим два удара, видимо противника на расстоянии. Капитан наблюдал за борьбой с кислой улыбкой, застывшей в уголках губ. К счастью, вскоре он заметил мальчишку, который вскарабкался на забор, и, не оборачиваясь назад, мигнул денщику.

— Марин, — шепнул он, — хворостина!

Денщик поднял с земли прут и бросился к воротам. В ту же секунду дети с криками помчались в сторону церкви. Солдат сплюнул, сдвинул фуражку на затылок и снова подпер ворота, время от времени оглядываясь на забор.

— У него кровь! — вдруг закричал он и опять сплюнул яростно, сквозь зубы.

Ухватившись руками за подтяжки, в полном отчаянии капитан смотрел, как его сын, позабыв обо всем на свете, молотит Брындуша, а тот улыбается столь же невозмутимо, как и в начале матча, и только иногда вытягивает вперед обе руки, чтобы отстранить противника и сплюнуть кровь.

— Остановитесь! — крикнул капитан. — Хватит на сегодня!

Валентин, бледный и дрожащий, стиснув зубы, испуганно смотрел на окровавленное лицо Брындуша. Капитан подошел к нему и принялся стаскивать перчатки.

— Идите умойтесь, — произнес он с глубочайшей горечью.

Брындуш подставил лицо под струю воды. Время от времени он отворачивался, чтобы сплюнуть кровь. Капитан подошел к нему.

— Сегодня я дам тебе сто леев, хоть ты этого и не заслужил, — тихонько сказал он, вкладывая деньги в руку мальчика. — Я дал больше, чтобы подбодрить тебя. Но если ты и в следующий раз не будешь соблюдать правила игры, получишь только пятьдесят леев. А если будешь упрямиться, я поищу кого-нибудь другого. Понял?

— Да, господин капитан, — сказал Брындуш, глядя на него с уважением и симпатией и не решаясь вытереть кровь, текущую из носа.

Капитан хотел сказать что-то еще, но раздумал и смущенно отошел в сторону. Появился Валентин и тоже принялся умываться. Брындуш старался как можно дольше держать голову под краном, а Валентин из горсти поливал водой лицо, руки, грудь. Вдруг послышался голос денщика, кричавшего с улицы:

— Господин капитан, барыня и барышни возвращаются!..

Капитан с недовольным видом извлек из потайного карманка часы, которые спрятал перед началом матча.

— Беги за кителем! — крикнул он. И, повернувшись к мальчикам, добавил с преувеличенной серьезностью:

— Торопитесь, чтобы дамы не застали вас врасплох. И чтобы не заметили кровь, а то они очень чувствительны.

Брындуш молча оделся и стал приглаживать мокрые волосы. Встретившись глазами с Валентином, он вдруг ласково улыбнулся и сделал шаг к нему.

— Агриппина — это твоя сестра? — спросил он шепотом. — Правда, что она второгодница?

Валентин покраснел как рак и застыл на месте с рубашкой в руках.

— Неправда... — с большим трудом выдавил он из себя.

— Она второгодница! — повторил Брындуш все с той же ласковой улыбкой.

И, не сказав больше ни слова, не попрощавшись, пошел в глубь сада, к калитке, открыл ее и медленно двинулся по тропинке, держа руки в карманах и все так же улыбаясь. Он делал вид, что не замечает бегущих за ним мальчишек, не слышит их насмешливых голосов.

— Он опять избитый до полусмерти! До крови!..

Брындуш узнал голос Носатого, и ему вдруг стало весело. Он остановился и сплюнул несколько раз подряд, стараясь избавиться от вкуса крови, которая еще оставалась во рту. И побрел дальше, все так же медленно и лениво, удивляясь, что больше не слышит голос Носатого. Он еще должен был сказать: «Ну и лупил его капитанский сын, будто орехи колот! У него искры из глаз так и сыпались!» Брындушу нравилось выражение «искры из глаз так и сыпались», и он с тайным удовлетворением улыбался всякий раз, когда это слышал. Однажды Носатый сказал: «Валентин так ему врет, что он своих не узнает!» Брындушу понравилось и это выражение, хотя он не до конца понял его смысл. Но уже давно Носатый так не говорил...

Брындуш миновал дачу с колокольчиками, и никто его не окликнул, но он даже не обернулся, чтобы посмотреть. Он шел не торопясь, засунув руки в карманы, иногда останавливаясь, чтобы сплюнуть. Было слышно только стрекотание кузнечиков. И тут он понял, почему никто его не зовет, — он узнал тяжелый шаг денщика и услышал голос:

— Эй, мусью!

Брындуш остановился и медленно повернул голову. Марин подбежал к нему и схватил за руку:

— Господин капитан приказывает остановиться! Стой на месте и жди, он сейчас придет.

— Пусти, — сказал Брындуш, пытаясь вырвать руку.

— Нет, мусью! Мне приказано...

— Не бойся, не убеги, — перебил его Брындуш. — Я знаю, чего хочет господин капитан. Пусти!

— Нет, мусью, — ответил солдат, покачав головой.

Разговор был окончен, они стояли на обочине дороги и ждали. Вскоре показался капитан. Походка его была неровной, он напряженно смотрел вперед, словно не замечая их. Подойдя, он остановился и глубоко вздохнул.

— Марин, ступай домой и скажи барыне, чтоб не волновалась, я больше чем на четверть часа не задержусь.

Когда денщик скрылся из глаз, он подошел к Брындушу поближе.

— Кто сказал тебе, что Агриппина осталась на второй год? — спросил он тихо. — Во-первых, это неправда, это чистая клевета. Но кто тебе сказал?

— Мне никто не говорил, — спокойно ответил Брындуш. — Я сам догадался. Я знаю, что это неправда, а сказал просто так, чтобы посмотреть, как поступит Валентин...

— Брындуш, — перебил его капитан, — ты изрядный плут! Прикидываешься дурачком, чтобы посмеяться надо мной и моими близкими, но не думай, что я до бесконечности буду сносить оскорбления и намеки от такого соплика. Прежде всего, как ты мог подумать, что я, капитан Лопата, поверю, будто тебе просто так, ни с того ни с сего, пришло в голову, что моя дочь может остаться на второй год? Откуда ты это взял?! Почему именно это? Ну что ты стоишь как истукан? — закричал он, разъярясь оттого, что Брындуш молча смотрит ему в глаза. — Отвечай!

— Я думал, что вам ответить, — серьезно произнес Брындуш, — и вы меня прервали, когда я думал...

Капитан схватил его за руку и несколько раз потрянул. Но тут послышались голоса, — видимо, шумная компания высыпала на дорогу, и капитан усилием воли взял себя в руки.

— Мы с тобой разговариваем по-дружески, — сказал он, снова понизив голос, — ты можешь мне полностью доверять. Не бойся, я ничего тебе не сделаю.

— Я не боюсь, — ответил Брындуш, — но я не знаю, как вам объяснить. Чтобы вы все поняли, вы должны узнать одну тайну, и я именно об этом думал, когда вы меня перебили.

Капитан пристально посмотрел на него, стараясь угадать его мысли. Две молодые пары шли по дороге в их сторону, громко переговариваясь между собой.

— У меня тоже есть свои тайны, — внезапно произнес капитан уже совсем другим голосом, в котором сквозила даже некоторая симпатия, — но все связано одно с другим. Не знаю, понимаешь ли ты, что я имею в виду. К примеру, понял ли ты, что сегодня во время матча у меня был секретный уговор с Валентином. Еще раньше я выучил его делать свинг левой рукой, а вслед за этим — прямой удар правой, чтобы нокаутировать противника. Но, как видишь, этот секрет был связан с матчем.

Он умолк, закурил папиросу и сделал глубокую затяжку. Парочки прошли мимо, продолжая беседовать.

— Все секреты таковы, — вновь заговорил капитан, когда парочки удалились, — и все они между собой связаны. Но какое отношение имеют твои личные тайны к Агриппине? Как тебе пришло в голову сказать, что Агриппина осталась на второй год? Ты еще кому-нибудь об этом говорил?

— Нет. Я не мог этого сказать, потому что знал, что это неправда. Я сказал просто так, в шутку, хотел увидеть, что будет делать Валентин. Я думал, он рассердится и бросится на меня, и мы будем драться по-настоящему, без перчаток...

— А-а! — воскликнул капитан, видимо начиная понимать. — Я знаю, что ты хочешь сказать. Тебе нужен был какой-то предлог, чтобы вызвать Валентина, разозлить его...

— Да, — сказал Брындуш.

— Ты хотел его оскорбить!

— Да.

— Но как ты, деревенский парень, посмел оскорбить моих близких? — закричал капитан, снова впадая в ярость. — А если бы тебя кто-то услышал? Услышал, а завтра все бы кругом знали, что Агриппина осталась на второй год?

— Никто не мог услышать, — защищался Брындуш. — Я говорил очень тихо, чтобы слышал только Валентин.

— У тебя был против него зуб, потому что он тебя победил...

— Да.

Капитан молчал и в растерянности почесывал затылок. Слышны были только кузнечики.

— Ты, я вижу, мал, да удал, — сказал он. — Маленький, да удаленький. Когда у тебя на руках боксерские перчатки, ты не хочешь защищаться, даешь Валентину избить себя в кровь, а потом, когда судья уже давно объявил матч законченным, ты оскорбляешь моих близких и собираешься драться на кулачках, точно какой-нибудь хулиган и бездельник...

Брындуш по-прежнему молча глядел на него.

— Но как ты, чтоб тебе пусто было, мог подумать, что Агриппина, умная и образованная барышня, осталась на второй год? Как тебе такое пришло в голову? Почему ты не придумал что-нибудь другое?!

И на сей раз, не услышав ответа, капитан разразился угрозами:

— Чтобы я не слышал, что ты кому-нибудь об этом говоришь, а не то убью! Изобью хлыстом, до смерти забью, понятно? — повторил он отчетливо.

На другой день перед заходом солнца Брындуш не стал дожидаться встречных поездов. Он пошел по дороге, потом по тропинке — вверх по склону горы. Как всегда, шел он не торопясь и в то же время довольно быстро, засунув руки в карманы брюк и думая о своем. Вскоре он вышел на поляну и уселся на траву. Здесь уже побывали экскурсанты — всюду валялись газеты и масляная бумага. Брындуш внимательно все осмотрел, словно хотел запечатлеть в памяти. А когда солнце ушло и отсюда, он поднялся и хотел было спуститься по только что скошенному склону к городской ратуше, как вдруг услышал за спиной крик: «Эй, мальчик!» — и повернул голову. Какая-то девица шагах в десяти от него махала рукой, чтобы он подождал. Она была светло-волосая, бледная, очень высокая и сухощавая, с непомерно длинными руками. Когда она подошла поближе, Брындуш заметил, что глаза у нее голубые, но такие тусклые, что кажутся бесцветными. У нее был странных очертаний рот: длинная, тонкая, едва заметная нижняя губа и толстая, мясистая верхняя, что делало ее похожей на редкую экзотическую рыбу. Одета она была тоже странно: платье неопределенного розово-желтого цвета было слишком коротким, а рукава — слишком длинными.

Брындуш невозмутимо оглядел ее, улыбнулся и отправился дальше. Девочка ускорила шаг и вскоре догнала его и взяла за руку.

— Я Агриппина, — сказала она. — Мне хотелось с тобой познакомиться.

Она отпустила его руку и пристально поглядела ему в глаза, с жалостью и в то же время с иронией, почти с вызовом.

— Я знаю, что каждый вечер вы с Валентином боксируете, он избивает тебя до крови, а капитан платит тебе шестьдесят леев...

— Вчера он дал мне сто, — перебил ее Брындуш, довольно улыбаясь.

— Он платит тебе шестьдесят или сто леев и отправляет домой, — продолжала Агриппина. — Я хотела с тобой познакомиться, посмотреть, что ты за экземпляр человеческой породы... Если ты не все слова понимаешь, — быстро добавила она, — подними вверх два пальца, как в школе, и тогда я остановлюсь и объясню тебе, что я хочу сказать, другими, всем понятными словами...

— Ты ведь осталась на второй год! — вдруг сказал Брындуш.

Девочка посмотрела на него очень внимательно, с любопытством и скривила рот.

— Ты угадал, — сказала она, помолчав. — Поэтому я и хотела с тобой познакомиться, узнать, как ты догадался. Ведь это семейная тайна. Семейная, а не личная.

Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу сказать. Мне самой все равно, известны ли кому-нибудь мои личные тайны. Весь Бузэу знает, что я была трижды влюблена, и только сейчас — впервые по-настоящему люблю, и что мой жених далеко, очень далеко от меня во времени и пространстве... Ты, верно, угадал, что речь идет о человеке, который давно умер. О человеке? — воскликнула она с внезапной серьезностью, словно вдруг оказалась на сцене. — Разве это обыкновенный человек? О нет! Это поэт, гений, звезда! И я выбрала его. Только теперь я действительно люблю. Все в Бузэу знают об этом. Это не семейная тайна, как, например, мои школьные неудачи... Но как ты узнал? — спросила она, и голос ее зазвучал резко, неприятно. Так иногда разговаривают друг с другом девочки на улице. — Ты знаешь кого-нибудь из Бузэу?

— Нет, — ответил Брындуш.

— Мы ведь, как всегда, должны были ехать на воды, в Кэлимэнешть, но мама за одну неделю изменила все наши планы, потому что туда съезжается весь Бузэу и честь семьи оказалась бы под угрозой. Ты не знаешь маму! — воскликнула она. — Ах, мальчик, как жалко, что ты не читаешь книг, настоящих книг!.. Я имею в виду стихи и романы. Мама — оттуда, из книг, из романов. Капитан, мой отец, тоже в некотором роде герой романа, потому что он жертва семьи, а может статься, и общества. Он не хотел быть офицером. И не хотел быть нашим отцом, — надеюсь, ты понимаешь, что я хочу сказать. Не хотел жениться или, точнее, не хотел жениться на маме. Я узнала об этом, когда мне было пять лет. Это не было ни для кого тайной, мама рассказывала об этом каждое воскресенье в конце обеда, пока папа варил кофе. Сейчас она так не говорит, — быстро добавила Агриппина, понизив голос, — она так не говорит, потому что вот уже много лет у нее совсем другое на уме. Она частенько напоминает ему, что он три раза проваливался на экзамене и что он выйдет в отставку в чине капитана и умрет капитаном. Но все это семейные тайны, и я не должна была тебе о них говорить. Вероятно, теперь ты всем расскажешь, и завтра будет знать вся долина Праховы.

— Нет, — перебил ее Брындуш. — Если это тайна, я никому не скажу.

Агриппина посмотрела на него внимательно, с проблеском симпатии.

— Какая жалость, что ты не читаешь книг! — воскликнула она. — Ты похож на Валентина и нашу сестру Элеонору. Они оба отличники.

— Нет, — сказал Брындуш, пожав плечами. — Я никогда не был отличником. У меня нет памяти, — пояснил он, отвернулся и сплюнул.

Агриппина опять ухватила его за руку и потащила за собой.

— Пойдем сядем на траву, — сказала она. — Ты, вероятно, не знаешь слова «буколический», — продолжала она с сожалением и в то же время с иронией. — Нас окружает буколический пейзаж. А если тебе по душе изысканный стиль, ты можешь даже сказать: «аркадийский пейзаж». Научись любить слово, Брындуш. Любить слово, постоянно обогащать свой словарь... — И, не дав ему и рта раскрыть, внезапно спросила: — Как ты догадался, что я осталась на второй год?

Брындуш пожал плечами. Казалось, он колеблется.

— Я не могу тебе сказать, это не моя тайна...

Агриппина глубоко задумалась.

— Ты мне нравишься, Брындуш, — наконец произнесла она. — Если бы ты был на пять или шесть лет старше, если бы тебе было семнадцать, как и мне, вероятно, я бы в тебя влюбилась. Мне нравится, что у тебя есть свои тайны и в то же время нет памяти. А в дальнейшем у тебя должны появиться и признаки безумия. Когда тебе исполнится восемнадцать лет и ты станешь высоким, красивым и сильным, тебя коснется невидимое крыло, неясная и роковая тень безумия. И ты будешь бродить по свету с печально склоненным челом и откинутыми назад спутанными кудрями...

Она говорила, все более возбуждаясь, то жестикулируя, то, с испугом глядя, как сильно дрожат колени, накрывая их ладонями.

— О Брындуш, каким красивым ты станешь! — повторяла она с воодушевлением. — И пусть осенит тебя крыло безумия! Будь саркастичным и демоничным, оскорбляй, вызывай на дуэль, разрывай помолвки с богатыми невестами, красивыми и невежественными. Брындуш, мальчик мой! Не дай мне Бог услышать, что тебе по душе блистательные невежды! Прежде чем влюбиться, задай им разные вопросы, спроси о философии, словаре, поэзии, в первую очередь — о поэзии. Спроси у них... спроси: «Сударыня, вы любите Рильке? А Гёльдерлина?» И не целуй их, если не ответят... — Агриппина вздохнула и улыбнулась, хотя и видно было, что ей грустно. — А впрочем, скорее всего ты станешь таким же глупым и пошлым, как все. Влюбившись, будешь плакать и писать нелепые сентиментальные письма, вместо того чтобы оставаться чистым, байроническим романтиком. А совершать безумства станешь лишь под действием вина... Это ужасно! «Безумство» во множественном числе и в accusative! Коллективно обусловленное безумие!..

Она умолкла, словно внезапно почувствовала усталость, и разочарованно посмотрела на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал Брындуш. — Вероятно, Валентин рассказал тебе о проделках нашего кота, и ты, возможно, подумала, что я не в себе. Но и это тоже моя тайна, — улыбнувшись, пояснил он.

Агриппина нахмурила брови:

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Тебе, верно, брат рассказал про нашего кота, — снова начал Брындуш с тем же спокойствием в голосе, — я сам это ребятам рассказал, когда мы однажды спустились с горы. Но он не совсем понял, потому что я не все рассказал. Он, возможно, подумал, что это произошло недавно, ведь у нас и теперь есть кот и его тоже зовут Василием. Это и есть моя тайна: я им не сказал, что все это случилось, когда я был маленьким. Мне было тогда пять лет.

— Ничего не понимаю, — перебила Агриппина. — Говори яснее. И не робей, ведь ты не на экзамене.

— Я не робею, но я думал, что ты все уже знаешь от Валентина. Я думал, что он рассказал тебе историю с котом, поэтому ты и завела речь о безумии, тебе показалось, будто я не в своем уме, если мог видеть, как кот запускает лапу в котел с бельем и вытаскивает оттуда одну вещь за другой...

— Брындуш, дитя мое! — строго проговорила Агриппина. — Соберись с мыслями, прежде чем говорить, выражайся яснее, короткими, грамматически точными фразами, с подлежащим, сказуемым и всем, что за ними следует. Я все это не очень хорошо знаю, — быстро пояснила она, — потому что мне никогда не нравилась грамматика. Но ты мальчик, и к тому же тебе предстоит встретить жизнь под знаком безумия, поэтому ты должен быть точным и грамматически безупречным в своих речах, иначе безумие уже не так интересно.

— Если ты все время будешь меня перебивать, я не смогу ничего объяснить. Значит, Валентин тебе не рассказывал о нашем коте Василии.

— А что это за кот? — спросила Агриппина.

— Когда мне было пять лет, — начал Брындуш, отчетливо произнося слова, — когда мне было пять лет, я увидел однажды, как Василий влез в окно и прыгнул на раскаленную плиту. Там стоял огромный котел с бельем. И вдруг я увидел, как Василий засунул лапу в кипящую воду и стал вытаскивать белье. Вот о чем я рассказал ребятам. Но я рассказал и другое: как Василий карабкался по трубе, спускался в кухню через дымоход и вниз головой прыгал в пламя, потому что не боялся огня. Глаза у него горели, и он плевал в огонь.

— Мальчик! — воскликнула Агриппина, хватая его за руку и тихонько привлекая к себе. — Ты настоящее чудо, ты выдающееся явление! Ты живешь в мире фольклора, — надеюсь, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Ты не слушала меня, — перебил Брындуш, высвобождая руку. — В том и состояла моя тайна, что все это случилось давно, когда мне было пять лет, а они об этом не знали. Может быть, поэтому они и решили, что я не в своем уме. Но мне все равно, — добавил он, пожимая плечами. — Я тоже кое-что знаю.

Агриппина пристально глядела на него, точно пыталась усилием воли проникнуть в его мысли, потом отвернулась с печальной улыбкой.

— Жаль, что ты меня перебил, — сказала она шепотом, точно разговаривала сама с собой. — Я испытывала истинное вдохновение. Мне казалось, что я могу поведать тебе необыкновенные вещи, рассказать о мифах и легендах, открыть смысл твоего существования, неотделимого от мира сказок. Ничего, если ты сейчас меня не понимаешь. Позднее, когда тебе исполнится восемнадцать лет, ты вспомнишь, что встретил существо невиданное и неслыханное, что ты встретил Агриппину, и тогда ты поймешь...

Вечерело, и Брындуш то и дело поглядывал на вершину. Агриппина поджала под себя ноги и прикрыла их юбкой.

— Жаль! — печально сказала она. — Ты прошел рядом с откровением и закрыл глаза, ничего не желая видеть.

— Я говорил ясно и понятно, — ответил Брындуш, — а ты меня не слушала. Я сказал, что это случилось, когда мне было пять лет, я был маленьким, я был ребенком. Сейчас происходят другие, еще более прекрасные события, но я не могу тебе о них рассказать. Все, что случается со мной, и только со мной, — это моя тайна. Я не могу ее выдать.

— Ты просто невозможный! — всплеснула руками Агриппина. — Я-то думала, что единственным приключением, о котором ты будешь помнить всю жизнь, будет встреча со мной. Давно хотела я доставить тебе эту радость: помочь вырваться из окружения заурядных личностей, убежать от повседневности и банальности. Две недели я наблюдала за тобой издали, исследовала и реконструировала тебя, каждый вечер расспрашивала Валентина, ходила за тобой. Я старалась тебя понять, понять, почему ты не хочешь играть в бокс, почему разрешаешь Валентину избивать себя, а потом капитану — платить тебе. У тебя была тайна, а я ее не знала и не понимала. Ты скрывал свою тайну, как я — свою. Вот почему ты меня интересовал: ты был похож на героя романа. Ты заслуживал встречи с Агриппиной, заслуживал фантастического приключения. Потому что, мальчик, — вскричала она с внезапным воодушевлением, — я не такая, какой ты меня видишь, я совсем, совсем другая, чем все барышни, я существо вдохновенное, невиданное и неслыханное... И вдруг вчера вечером ты сказал Валентину... Это меня ужасает, я не могу понять, как ты угадал, что я осталась на второй год. Скажи честно, тебе написал кто-нибудь из Буззу?

Брындуш даже и не пытался ответить. Он продолжал отрешенно смотреть на нее.

— Потому что, — взволнованно продолжала она, — ты и представить себе не можешь, как меня баловали в школе и насколько я была не по летам развита. Я знала всех поэтов мира, в восемь лет читала наизусть «La chute d'un ange» *. Меня называли Юлией Хаждеу **. А потом что-то случилось... Брындуш! — воскликнула она и снова ухватила его за руку. — Произошло событие. Этого никто не знает, а если бы и знал, понять бы не смог. Это невыразимо, и позже ты узнаешь, что означает это слово. На-

* «Падший ангел» (фр.) — поэма А. Ламартина (1790 — 1869).

** Поэтесса, дочь известного румынского филолога XIX в. Б. П. Хаждеу. Рано умерла.

стоящая тайна, и она была открыта мне одной, открыта бескорыстно и щедро. Конечно, я была наказана, меня оставили на второй год, и об этом стало известно в Бузэу, только об этом, потому что истинная причина, причина причин, событие — непонятно другим... Но меня ужасает то, что я не могу понять, как ты об этом догадался, если действительно догадался, а не получил сведения из Бузэу. Будь искренним и признайся: тебе кто-нибудь написал?

— Уже поздно, — сказал Брындуш, снова поглядев на вершину. — Я должен идти.

— Ах, мальчик! — воскликнула Агриппина изменившимся голосом. — Когда-нибудь, когда я напишу все романы и повести, которые у меня в голове, я напишу повесть о нас с тобой, о том, как мы сидим на траве, наступает ночь, и тебе делается страшно, и ты украдкой поглядываешь в сторону леса...

— Мне не страшно, — сказал, улыбаясь, Брындуш.

— Пожалуйста, не перебивай меня, когда я рассказываю! — строго прикрикнула Агриппина. — Ты еще не отдаешь себе в этом отчета, но тебе страшно. А когда совсем стемнеет, ты просто умрешь от страха и будешь взглядом молить меня, чтобы я отпустила тебя домой.

— Неправда... — попытался возразить Брындуш.

— Но я не отпущу тебя, я продержу тебя здесь до полуночи. Потому что в этой повести я злая ведьма, мне нравится мучить деревенских парней, а когда возвращаюсь в город, я еще злее, я пишу подметные письма, потому что завидую красивым и богатым барышням, которые пользуются успехом, потому что в этой повести мне, дочери капитана, нравится любить и быть любимой. Ужасно нравится...

Она вдруг остановилась, обессиленно провела рукой по лбу.

— У меня в голове уже написан целый цикл — десятки романов и повестей. Например, цикл «Капитанская дочка». Это обо мне: Агриппина, дочь капитана Лопаты. Я использовала самые разные стили. В каждой повести или романе я другая, не похожая на предыдущую. И все же я остаюсь самой собой, Агриппиной, — произнесла она торжественно. — Первую повесть я написала в романтическом ключе, в духе Пушкина. Она начиналась так: «В городе Икс, на улице Объединенных Княжеств, неподалеку от городского сада, поселилось в тысяча девятьсот тридцать таком-то году одно странное семейство, которое вскоре сделалось притчей во языцех, — семейство капитана Лопаты...»

— Поздно, мне пора идти, — сказал Брындуш, пытаясь встать.

— Не уходи! — воскликнула Агриппина, удерживая его. — Эту повесть я написала давно. С тех пор я сочинила еще примерно сто, хотя и не изложила их на бумаге, если употребить выражение моего первого преподавателя румынского языка. О тебе я напишу по-другому. Я напишу фантастическую повесть. Потому что, согласишься, с нами происходит нечто фантастическое, мы оба переживаем необыкновенное приключение. У тебя была и есть своя тайна, и я из кожи лезу вон, чтобы ее разгадать. А ты, босоногий деревенский мальчик, неведомыми путями узнаешь мрачную тайну семейства капитана Лопаты. Но я отомщу тебе, Брындуш! В своей повести я буду пугать тебя, мучить... Я буду шипеть, как макбетовская ведьма: «Хвост ящерицы, хи, хи, хи! Жало змеи!.. Хи, хи, хи...» Правда страшно? Мы ведь одни в лесу, в любой миг может появиться привидение или оборотень...

— Мне не страшно, — сказал Брындуш. — Но я должен идти. Поздно.

— Почему ты должен идти? — спросила Агриппина, придвигаясь к нему, почти касаясь головой его головы. — Ты и правда думаешь, что я ведьма? Разве я такая уж уродливая и злая? Ты боишься меня? Отвечай, ты меня боишься?

— Нет.

— Ты боишься, потому что у меня большой рот, как у прожорливой лягушки, длинные острые зубы, готовые впиться в тебя, разорвать на части, проглотить кусочек за кусочком? Отвечай, ты боишься?

— Нет. Но я должен идти...

— Тогда это уже серьезно! — воскликнула Агриппина угрожающим тоном. — Ты меня не боишься, а жалеешь. Тебе стыдно оставаться со мной ночью, потому что я уродлива. Скажи прямо, я уродлива? Тебе ведь тоже нравятся красивые девушки, как и всем дуракам, а я уродлива, у меня длинные тонкие ноги, во мне нет привлекательности, я похожа на пугало. Знаю, знаю, мальчик: я невероятно уродлива. Но во мне есть то, чего нет даже в самой красивой девушке на свете, — у меня в жилах кровь русалки и ведьмы. Быть может, судьба даровала мне уродливое обличье, чтобы меня избегали глупцы. Но мой любимый сумеет оценить меня. Тот, кто поцеловал меня однажды, никогда не сможет меня позабыть. Он увидит меня такой, какая я есть: волшебницей, превратившейся в Золушку! Если бы ты был старше на несколько лет, ты бы тоже меня поцеловал, и тогда пелена спала бы с твоих глаз и ты увидел бы меня такой, какая я на самом деле: фея из фей, чудо из чудес. Я научила бы тебя любить и обнимать меня, я показала бы тебе все звезды так, как только я одна умею, открыла бы тебе всех поэтов мира, научила редким и неизвестным словам... Брындуш! — воскликнула она с жаром, сжимая его руку и привлекая к себе. — Я научила бы тебя произносить бесценные слова — греческие, персидские...

— Пусти меня! — вдруг сказал Брындуш.

— Я научила бы тебя произносить: «аподиктический»...

— Пусти меня! — вскрикнул Брындуш, вырвался из ее объятий и вскочил на ноги. — Ты говоришь уже целый час. Говоришь без умолку, как все барышни, многословно и непонятно. Женские слова. Напрасно ты их произносишь и повторяешь. Я не хочу их знать. Я знаю только то, что знаю, другого мне не надо.

Она сидела у его ног на траве, положив голову на колени, едва прикрытые короткой юбкой. И он улыбнулся.

— Ты думала, я поглядываю в сторону леса, потому что мне страшно. А я смотрю, потому что смеркается, а мне идти три часа. Луна взойдет только после полуночи, и мне надо успеть добраться до самой вершины, чтобы увидеть ее восход. Ты говоришь, мне страшно! — воскликнул он с сердцем и плюнул. — Если б я был трусом, я бы не дал Валентину избить меня до крови. Я уложил бы его одним ударом кулака. Но мне хотелось доказать, что я не боюсь боли и все могу вынести, он мог бы хлестать меня кнутом, а я даже и не скрипнул бы зубами. Я закаляю себя, готовлю, приучаю себя ко злу. Потому что я не такой, как все, я найденыш. И когда я вырасту, я стану необыкновенным человеком, великим, еще более великим, чем Александр Македонский. В один прекрасный день я покорю весь мир. Я кое-что знаю. И потому поступаю не так, как другие. Я сплю ночью в горах, и мне не страшно, карабкаюсь по деревьям так, что меня не слышат даже птицы, а в один прекрасный день я спрыгну с обрыва и останусь цел и невредим. Я найденыш, и родители у меня не такие, как у всех...

— Брындуш! Ваше величество! — вдруг вскричала Агриппина и обняла его колени. — Потомок знатного рода...

— Напрасно ты надо мной потешаешься, — сказал, улыбаясь, Брындуш, — меня трудно рассердить. Я привык к издевательствам и злобе, я не сержусь и не радуюсь, как другие.

— Ваше величество, — с пафосом повторила Агриппина, — позвольте поцеловать вам руку. По крайней мере я буду знать, что и мне привелось целовать царского сына...

— Ты говоришь не закрывая рта, — перебил ее Брындуш, — ты говоришь слишком много. Поэтому тебя и избегают мальчики. Ты несешь всякую околесицу, и они бегут от тебя. Они думают, что ты смеешься над ними, и начинают сторониться тебя.

Он умолк и опять с жалостью посмотрел на нее. Агриппина отпустила его колени, и руки ее устало лежали на траве. Она не решалась поднять голову.

— Если тебе хочется плакать, поплачь, — предложил Брындуш, — ведь ты девочка и тебе не стыдно плакать. Я — другое дело, — добавил он. — Во-первых, я мальчик, а мальчики не плачут. И потом, я найденый, я не такой, как все... А теперь я пойду, — сказал он, помолчав, — потому что идти мне три часа. Покойной ночи!

И пошел вверх по тропинке. Он слышал, как она заплакала, но не повернул головы, он продолжал идти вперед, по своему обыкновению, быстрым и размеренным шагом, засунув руки в карманы и думая о своем.

Тэги, июль 1955 года

Гадальщик на камешках

Его было видно издалека: он шел медленно по пляжу. У него была странная походка. Он ступал осторожно, опасливо, останавливался, пристально вглядывался в песок, словно что-то искал, потом вдруг менял направление и шел к морю, торопливо шагая по сырому песку, или резко сворачивал к дюнам, туда, где песок смешивался с глиной, а среди камней попадались колючие растения с бледно-голубыми цветами. Когда он подошел совсем близко, Эмануэль с изумлением понял, что это старик. На нем была летняя куртка, выцветшая, белесая, неопределенного цвета брюки, теннисные туфли и полотняная шляпа с загнутыми краями, издали похожая на матросский берет. Шагах в десяти от Эмануэля он остановился, провожая взглядом молодую пару: они только что встали со своего места и, набросив на плечи купальные халаты, шли вверх по берегу. Потом принялся ходить вокруг того места, где еще видны были следы лежавших тел, — осторожно, словно боясь разрушить что-то очень ценное. Наклонился, поднял камень, внимательно оглядел его, покачал головой и печально улыбнулся. Снова осмотрел следы тел на песке и нахмурился. Какое-то время он пребывал в нерешительности, играя камнем, подбрасывая его кверху, потом вдруг повернулся к морю и швырнул камень далеко поверх волн. Плюнул и направился к Эмануэлю.

— Вы их знаете? — спросил он, указывая рукой на уходящую парочку.

— Только в лицо. Это чета Вэлимэреску. Кажется, из Фокшень. Он, если не ошибаюсь, адвокат, а жена его учительница.

— Жаль их, они так молоды, а когда еще и радоваться жизни, коли не в молодости?

И он опять повернулся к морю и еще раз плюнул с досадой.

— А что? — спросил Эмануэль. — С ними что-нибудь случилось?

— Нет. Но непременно случится. Они пробудут здесь недолго. И уедут. Завтра-послезавтра...

Эмануэль выпустил из рук книгу и с улыбкой взглянул на него.

— Но ведь они только что приехали, — сказал он. — В прошлую субботу. И недели не прошло...

— Они уедут, — решительно повторил его собеседник. — Получат телеграмму и уедут.

— Какое-нибудь несчастье в семье, — равнодушным тоном произнес Эмануэль.

— Нет-нет, совсем другое. Видите ли, они уедут вместе, но очень скоро расстанутся, и дальше он поедет один. И долго пробудет вдали от всех. Он и представить себе не может, как долго он там пробудет. Очень жаль, потому что оба они молоды. Они будут очень редко видаться, — как говорится, раз в год по обещанию...

— Вот как! Возможно, вы и правы. Я заметил, когда разговаривал с ними, что он точно боится чего-то. Видимо, его пугает, что его призовут в армию.

— Вот-вот! — воскликнул старик. — Поэтому они и уезжают...

— Он говорил, что ему всегда и во всем везло. А вот с армией не посчастливилось. Он попал в противовоздушную оборону, и до поры до времени ему удавалось избегать призыва благодаря протекции и связям. Я почувствовал, что ему страшно...

— Теперь ему этого не миновать, — сказал старик.

— Два-три месяца в разлуке с женой... — улыбаясь, произнес Эмануэль.

Старик решительно покачал головой:

— Речь идет не о двух-трех месяцах. Я вам говорю: этот молодой человек долгие годы не сможет вернуться домой. Завтра-послезавтра начнется война, и, если он будет в противовоздушной обороне...

- Начнется война? — переспросил Эмануэль. - Впрочем, что тут удивительного? Все об этом знают. Сегодня, завтра, через год, через два, но войны не миновать...

— У него все гораздо хуже, потому что ему придется жить в разлуке с женой еще до наступления войны. И долго...

— Но откуда вам это известно? — спросил Эмануэль, резко вскинув голову и пристально глядя на него.

Человек снял с плеч куртку, аккуратно сложил ее, оглянулся вокруг и сделал несколько шагов в сторону большого красноватого камня. Положил куртку на песок возле камня, вернулся и сел лицом к Эмануэлю, спиной к морю. Эмануэль протянул ему пачку сигарет.

— Нет, спасибо, я давно не курю. А когда в молодости курил, то курил трубку. Я, знаете ли, долгое время был моряком, — добавил он. — Потом целых пять лет служил смотрителем на маяке в Тузле. А теперь я что-то вроде рантье. Но мне нравится жить здесь, между Тузлой и Мангалией. Я люблю Добруджу, — сказал он после короткой паузы. — Я Василе Бельдиман, внук Леонида Бельдимана, знаменитого Леонида Бельдимана, если это имя вам о чем-нибудь говорит.

— Нет, признаться, — ответил Эмануэль смущенно.

— Понимаю. Вы не из здешних мест. Семейство Бельдиманов — одно из самых старых в Добрудже. Знаменитый Леонида Бельдиман приходится мне дедом. Я еще застал и своего прадеда, Хаджи Антона. И должен вам сказать, этот дар был у всех в нашей семье, начиная с Хаджи Антона. Он был первым.

— Какой дар?

— Ах, — нерешительно произнес Бельдиман. — Как вам сказать? Это странный дар. Я говорю дар, потому что никто нас этому не учит. Просто так случается, что в двенадцать-тринадцать лет нам начинают нравиться камни. Так было и с моим отцом: в двенадцать лет он полюбил камни. Всякие камни — большие, маленькие, каменные глыбы, камешки... Камни всех видов. И однажды об этом узнал его отец, Леонида, и стал ему помогать. Но не могу сказать, что он учил его в полном смысле слова. Он просто научил его читать...

— Я не совсем понимаю, — сказал Эмануэль, напряженно улыбаясь.

— Да, согласен, это может показаться странным. Странный дар. Как вам сказать? Есть люди, которые гадают по звездам, или на кофейной гуще, или на кукурузных зернах. Мы, Бельдиманы, гадаем на камешках...

Гигантская волна с оглушительным ревом ударилась о берег и покатилась по пляжу. Бельдиман повернул голову, взгляд его задержался на детях, валявшихся в морской пене, он улыбнулся.

— Возьмите, к примеру, вашего приятеля Вэлимэреску и его жену, — сказал он. — Когда я их увидел, они показались мне молодыми и счастливыми, и мне захотелось узнать, что готовит им будущее. Я осмотрел место, где они сидели. Редко бывает, чтобы на песке не было ни единого камешка. А мне достаточно нескольких камней. На том месте, где сидел человек, или рядом. Иногда меченые камешки лежат довольно далеко от того места, которое избрал себе человек. Я ищу их глазами, а когда натыкаюсь на них, тотчас же угадываю, что случится. Угадываю по их форме, по остроте углов и их направлению, по цвету камня, потому что одна его часть темнее, другая светлее, ярче, третья состоит из разноцветных полосок. И вот я читаю по камешкам и узнаю, что ждет человека, который сел возле них или прямо на них. Потому что, как я понял, человек никогда не садится случайно. Каждый усаживается так, как ему на роду написано. Вы этого не замечали? Вот вы направляетесь к какому-то месту, вам кажется, что там красиво, и вы собираетесь там сесть, но вдруг замечаете, что рядом еще красивее. Вы садитесь, но вдруг понимаете, что вам там что-то не по душе, и вы пересаживаетесь на другое место, и вас вдруг охватывает радость, вы ложитесь на песок и чувствуете, что все прекрасно и весь мир принадлежит вам. Вы нашли себе место, которое было вам предназначено и которое ждало вас.

Эмануэль погасил сигарету, осторожно прижав ее к песку, и закопал окурочек.

— Хорошо, предположим, что так оно и есть, — сказал он, — и каждый ищет то место, которое ему по душе. Но как можно узнать будущее по камешкам?..

— Я не сумею вам объяснить. Это Божий дар. Вот я смотрю на камни и камешки и вдруг вижу что-то... Но я начал рассказывать о Вэлимэреску, увлекся разговором и позабыл о нем. Я сейчас расскажу вам, как все было. Осмотрев место, я вдруг увидел плохой камень, несчастливый камень. Он был наполовину засыпан песком, и по тому, что он зарылся в песок, обратив черный угол к югу и злобно ухмыляясь, я понял, что молодые люди недолго пробудут здесь. Но только когда я взял его в руки и оглядел со всех сторон, я понял, сколько зла в нем скрыто. Сегодня или завтра они получат телеграмму и уедут... Жаль! — вздохнул он, надвигая шляпу на лоб.

Эмануэль слушал сосредоточенно, пристально вглядываясь в глаза своего собеседника. Когда он замолчал, Эмануэль опустил обе руки в песок и стал играть и рыться в нем.

— Ужасно то, что можно догадаться о таких печальных и трагических вещах...

— Не всегда печальных, — перебил его Бельдиман. — Вот, например, сегодня утром, когда я гулял по пляжу, меня поразила фигура одной молодой женщины. Она сидела молча среди веселой и шумной компании, глядя на море, а временами поворачивала голову и украдкой посматривала на соседнюю семью, на детей. Я следил за ней больше часа, пока не заметил, что она встала и ушла одна. Тогда я подошел к тому месту, где она сидела, и осмотрел его. Я чувствовал, что остальные члены компании с любопытством разглядывают меня и делают знаки друг другу, но мне много лет, и я ко многому привык. И вдруг я все понял, словно прочитал по книге. Эта молодая женщина уже несколько лет была замужем, но детей у нее не было. Ей хотелось их иметь, но их не было. И недавно кто-то, может быть врач, сказал ей, что, возможно, у нее никогда не будет детей. Но они оба ошиблись, и она, и врач. У нее будут дети. И не один, и не два. Четверо... Так что, как видите, иногда я узнаю и хорошие вести.

— И вы не догнали ее и не сказали ей об этом? — спросил Эмануэль.

Бельдиман улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Так нельзя. Ведь я не профессиональный гадалщик. И я не должен вмешиваться в жизнь другого, неизвестного мне человека и сообщать ему вести, о которых он меня не просил. К тому же я могу и ошибиться. Я знаю, что ошибся однажды. Правда, это было в горах, у Горячего Камня. Скала, которая сотни лет не сдвигалась с места. Но я думал, что и там я смогу что-нибудь увидеть по тому, как сядет человек — лицом или спиной к скале. По правде говоря, я многое увидел, но самого главного прочитать не смог, и, значит, можно сказать, я ничего не понял. Я был с целой группой людей. Это не были мои друзья. Я встретил их на дороге...

Если бы он поднял глаза, то увидел бы, что Эмануэль его не слушает. Он то и дело менял положение и часто, глубоко затягивался сигаретой.

— Так что, как видите, я могу и ошибиться, — закончил свой рассказ Бельдиман.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы меня неправильно поняли, — вдруг сказал Эмануэль, — и подумали, что я любопытен и нескромен. Но, видите ли, со мной впервые происходит такая поразительная вещь — как вам сказать? — встреча с гадалщиком на камнях.

— Я знаю, чего вы хотите, — прервал его Бельдиман. — Вы хотите, чтобы я вам погадал.

— Совершенно верно.

— Да, но я не знаю, имею ли я на это право, — с вежливостью продолжал Бельдиман. — Я не могу вмешиваться в судьбу других. Такого права мне не дано. Я могу прочитать по камешкам, что случится с тем или иным человеком моего круга, но, кроме исключительных случаев, я никогда не говорил человеку то, что узнал.

— Быть может, это тоже исключительный случай, — настаивал Эмануэль. — Я пробуду здесь всего несколько дней. А потом уеду за границу. В Стокгольм. На консульскую службу. И кто знает, когда я вернусь обратно...

Бельдиман сдвинул шляпу на затылок и долго испытующе глядел на него.

— Хорошо, коли так... Но знаете, — добавил он быстро, — знаете, я скажу вам только начало.

— Что я должен сделать?

— Тихонько встаньте, пройдите вот здесь, — произнес он, рукой указывая направление, — и сядьте возле меня...

Когда он сел, Бельдиман встал на колени и, как только мог дальше, вытянулся, опершись на руки. Некоторое время он оставался в этой позе. Потом протянул руку и взял книгу.

— «Путь по воде», — прочел он вслух заглавие. — Что это за книга? — спросил он, обернувшись к Эмануэлю.

— Это роман. Мне нечего было читать, и я купил его в Констанце...

— Он не принесет вам удачи, — сказал Бельдиман, бросая книгу на песок.

— Но ведь вы говорили, что читаете только по камешкам...

— Это правда, но по тому, как лежала книга, по этой сломанной ракушке, которая смотрит на юг, и по камешкам, которые лежат на пути к счастью... Странно, — добавил он смущенно, потирая подбородок. — Я не совсем понимаю, что происходит. Я вижу двух девушек, которые должны принести вам беду, и не понимаю почему: ведь вам не суждено влюбиться ни в ту, ни в другую. Но эти девушки вам действительно принесут несчастье... И вот что странно, — продолжал он после паузы. — Одну из них вы должны встретить где-то на катке или на улице, покрытой льдом, она поскользнется, вы помчитесь ей на помощь, но тут как из-под земли появится другая девушка и поднимет ее. Вам захочется что-то сказать, а на вас нападет приступ смеха...

— Господин Бельдиман! — воскликнул Эмануэль, кладя ему руку на плечо. — Вы необыкновенный человек! Вы волшебник или ясновидец, это очевидно. Но вы никогда не сможете убедить меня, что все это прочли по камешкам и ракушкам на берегу...

Он замолчал, словно у него вдруг пропал голос, и начал судорожно глотать. Он слегка побледнел и машинально проводил рукой по волосам.

— ...Потому что все, что вы мне сейчас говорите, — наконец произнес он, — уже произошло...

— Это невозможно, — перебил его Бельдиман. — Совершенно невозможно. Если это уже произошло один раз, то произойдет и другой.

— Вы не поняли меня, — сказал Эмануэль, пытаясь улыбнуться. — Это произошло во сне, в моем воображении...

Бельдиман снова надвинул шляпу на лоб и, нахмурившись, с любопытством взглянул на него.

— Видите ли, — сказал Эмануэль, закулив новую сигарету. — Часа два или три тому назад, когда я пришел на пляж и стал читать этот роман, я вдруг поймал себя на том, что потерял нить повествования. Не знаю, действительно ли мне захотелось спать, но я растянулся на песке и закрыл глаза. И вдруг я увидел себя на хорошо знакомой улице, в Бухаресте, в разгар зимы, и у меня на глазах упала девушка. Это была молодая женщина в темно-синем пальто и берете, и, когда она упала, берет слетел с нее и покатился по тротуару. Я перешел улицу, чтобы ей помочь, но в тот же миг из какого-то двора вышла другая девушка и помогла ей встать. Я собирался в шутку сказать: «Вот падшая женщина», как вдруг услышал, что девушка произносит те же слова. На какой-то миг я потерял дар речи, потом рассмеялся... И вместе со смехом исчезло видение.

— Может быть, это и было видение, — сказал Бельдиман, — но вы его переживете и увидите наяву. И очень жаль, потому что эти девушки не принесут вам счастья.

Эмануэль пристально смотрел на него со странным выражением, словно не понимая.

— Это удивительно, — сказал он. — Вам удалось увидеть то, что я вообразил себе два или три часа тому назад. Каким чудом вы сумели увидеть все это, не понимаю. Но я не могу поверить, что вы угадали все это по песку и камешкам...

Бельдиман некоторое время молчал, словно пытался найти другие знаки.

— Дай Бог, чтобы я ошибся, — сказал он наконец. — Во всяком случае, если вам вскоре встретятся две девушки и одна из них будет помогать другой встать на ноги, бегите от них как можно скорее. Они не принесут вам счастья.

Он тихонько встал и пошел за своей курткой.

— Как вы сказали вас зовут?

— Эмануэль. Александру Эмануэль. Но домашние и друзья зовут меня Санди.

— Странно, — сказал Бельдиман, набросив куртку на плечи. И, ничего больше не сказав, не попрощавшись, медленно пошел к морю.

Эмануэль с грустью отворил окно. Небо серое и низкое, море теряется в дымке.

Он спустился в холл. Арон, племянник хозяина, помахал ему из-за своего стола.

— Вам телеграмма, — сказал он. — Только что принесли...

Эмануэль взял телеграмму, с волнением и недоверием прочел имя и адрес, повертел в руках и спросил:

— Только одна телеграмма? Я хочу сказать: не было ли еще телеграмм? Господину Вэлимэреску, например?

— Нет, я получил только эту телеграмму.

— А вчера вечером, — настаивал Эмануэль. — Быть может, господин Вэлимэреску получил телеграмму вчера вечером?

Арон на секунду задумался.

— Нет, — ответил он, — я не припомню.

Эмануэль сунул телеграмму в карман, сделал несколько шагов к двери, но тут же вернулся.

— Вы знаете господина Бельдимана? — спросил он.

— А, и вы тоже его встретили? Чудеса, да и только. Вообще-то он не любит разговаривать с дачниками. Сторонится людей. Он любит гулять один.

— А что он за человек? Я хочу сказать: что известно о нем? Что говорят люди?

Арон пожал плечами и стал играть карандашом, поднося его то к подбородку, то к нижней губе.

— Как вы понимаете, о таких людях, как он, ходит много всяких толков. Он странный человек. Одни говорят, что он убил свою жену, когда был смотрителем на маяке в Тузле. Другие, напротив, считают, что с тех пор, как у него утонула жена, он стал отшельником и живет как бы в мире ином...

— А что-нибудь еще о нем известно? — настаивал Эмануэль. — К примеру, нет ли у него какого-нибудь особого свойства, необычного дара?..

— Какого дара?

— Да не знаю! Ну, может быть, он умеет гадать на... Предсказывать будущее...

Арон решительно покачал головой:

— Нет, об этом я не слышал. Говорят разное: что он получил в наследство невероятное состояние и что у него денег куры не клюют, что женщина, которая утонула, будто бы не была его женой... Говорят самые разные вещи...

— Что-нибудь связанное с камнями? — перебил его Эмануэль.

— С камнями? Какими камнями? Драгоценными?

— Я и сам не знаю. Я просто спросил...

— Может быть, и с камнями, если правда, что он получил это огромное наследство за границей...

Эмануэль улыбнулся, закурил сигарету и направился к двери. Когда он ступил на тротуар, жара ударила ему в лицо. После минутного колебания он пошел по дороге в сторону пляжа. Пройдя метров двести, он опять остановился, пересек улицу и зашел к Видригину. И только после того, как выпил две чашки кофе и кончил читать газеты, вынул из кармана телеграмму и развернул ее. Лицо у него просияло, и он засмеялся. Телеграмма была от Алессандрини, из Констанцы. Он звал его сегодня вечером на ужин. Нетрудно догадаться почему. Наверняка из Бухареста неожиданно приехали друзья.

Когда он вернулся в гостиницу, начался дождь. Пыль тут же впитывала большие теплые капли. Он пообедал без всякого аппетита под шум дождя, который все усиливался. Автобус уходил в пять часов. Он поднялся к себе в комнату и лег.

Когда он опять спустился в холл, шел мелкий и частый осенний дождь. Чтобы не ждать под дождем автобуса, он сел на диван, положил плащ на колени и закурил. Он искал глазами пепельницу и вдруг увидел в дверях мальчика-почтальона, который отряхивал капли с плаща. «Значит, ужин отменили!» — подумал Эмануэль и подошел к портю.

— Нет-нет, это не вам, — сказал Арон. — Это для господина Вэлимэреску...

Эмануэль смотрел на него напряженно улыбаясь, потом вернулся к своему дивану и принялся курить с отсутствующим видом. Время от времени он поглядывал на настенные часы. Когда пробило пять, он облегченно вздохнул. Оставив плащ на спинке дивана, он подошел к столу, чтобы выбрать себе журнал среди старых номеров. Начало смеркаться, и Арон зажег большую лампу, которая висела как раз над столиком

с журналами. Холл озарился мрачным, печальным, пыльным светом. Мимо, не замечая его, прошел Вэлимэреску и направился к портье. Эмануэль застыл с журналом в руках, боясь пошевелиться.

— Я пришел сообщить вам, что должен уехать, — услышал он его голос.

Арон попытался что-то сказать, но Вэлимэреску прервал его громко, раздраженно:

— Знаю, знаю. Вы правы. Но это не по моей вине. Это исключительный случай. Я покажу вам телеграмму...

Эмануэль с целой кипой журналов вернулся на диван. Он принялся листать их, рассеянно вглядываясь в некоторые снимки, не понимая ничего. Вдруг он с шумом опустил на диван всю кипу журналов и подошел к портье.

— Если бы я знал сегодня утром, — ворчал раздосадованный Арон. — Я отказал пятерым клиентам. Телеграмма могла бы прийти на шесть-семь часов раньше.

— Повестка о призыве, — произнес Эмануэль с важностью.

— Не понял!

— Я сказал: он получил повестку...

— Нет, это было что-то другое. Телеграмма из суда. Срочно явиться двадцатого августа в восемь утра в суд. Значит, послезавтра утром...

— В восемь утра в суд, — повторил изумленно Эмануэль. — А я думал, что суды распущены на лето, — добавил он. — В таком случае он уедет один...

— Нет, они оба уезжают, — раздраженно ответил Арон.

Эмануэль наблюдал, как он кладет левую руку на книгу записей, погружает перо глубоко в чернильницу и начинает каллиграфически выводить букву за буквой.

— Вы что-нибудь хотели? — спросил он, подняв голову.

— Ах, да, — спохватился Эмануэль, словно очнувшись ото сна. — Я хотел спросить, не знаете ли вы, где я могу найти господина Бель-димана.

— В это время? — удивился Арон, взглянув на часы. — Ума не приложу.

Эмануэль вернулся к дивану, взял журналы, плащ и пошел к себе в номер. Но, сделав несколько шагов по лестнице, раздумал, положил журналы на стол, надел плащ и вышел на улицу. Дождь продолжал мелко сеять, фонари были зажжены. Эмануэль направился к пляжу. Море тонуло в густом тумане, но волны накатывались на берег одна за другой еще быстрее, чем раньше. Он был не один. На молу гуляли две пары, удрученные плохой погодой. Какой-то молодой человек только что вышел из воды и надевал дождевик поверх мокрого купального костюма. По пустынному пляжу, твердо ступая, шагал человек. Засучив брюки, он шел босиком по самой кромке берега, омываемой волнами. Эмануэль остановился, быстро разулся, закатал брюки и побежал следом за ним. Когда он был уже в нескольких шагах, человек вдруг обернулся.

— Ах! — воскликнул Эмануэль, не в силах сдержать разочарования. — Я думал, что вы господин Бельдиман. Издалека я принял вас за господина Бельдимана.

Человек улыбнулся, но ничего не сказал.

— До свидания! — Эмануэль.

Снова очутившись на молу, он отряхнул песок с ног, опустил брюки и, держа ботинки в руках, пошел к Видригину. Терраса и обе залы были битком набиты дачниками. Кое-кто из посетителей с улыбкой наблюдал, как он идет по ресторану босиком, в плаще поверх элегантного костюма и с черными туфлями в руке. Не было ни одного свободного столика, и Эмануэль направился к стойке, сел на табурет и носовым платком принялся вытирать ноги. Обувшись, он снял плащ, положил его на край стойки и спросил кофе. Он пил его, сидя на табурете, задумчиво покуривая, наблюдая, как с плаща стекают капли.

— На террасе освобождается столик, — шепнул ему Видригин, проходя мимо. — Что-нибудь еще?

— Принесите мне коньяку.

За соседним столиком, на террасе, кто-то из сидящей там компании сделал ему знак рукой. Эмануэль, улыбаясь, поздоровался, но не двинулся с места, ожидая Видригина.

— Вы знаете господина Бельдимана? — спросил он, вынимая бумажник и расплачиваясь.

— Знаю, но не очень близко, — сказал Видригин. — Он здесь не бывает. Сотрудничает с моим конкурентом. Надеюсь, вы поняли, кого я имею в виду, — добавил он, подмигивая. — Это клиент Трандафира. Вы найдете его у Трандафира.

Эмануэль быстро выпил коньяк и вышел. Совсем стемнело, и свет фонарей казался не таким зловещим под холодным и мелким дождем. У Трандафира народу было мало, и почти одни местные жители. Там не было радио, но был граммофон. Когда он вошел, Трандафир как раз поставил новую пластинку «Голубое небо». Эмануэль остановился посреди зала и стал один за другим осматривать столики.

— Я ищу господина Бельдимана, — сказал он официанту, который подошел, чтобы принять заказ.

— Сегодня я его не видел. В очень плохую погоду он к нам не приходит. Отправляется к себе на виллу... Что вам принести? — спросил он.

— Коньяк.

Он поискал глазами столик в стороне и задумчиво сел.

— Да, — объяснил ему Трандафир спустя несколько минут, — когда идет дождь или снег или плохая погода, особенно зимой, господин Бельдиман уезжает на большую виллу. В остальное время его можно найти или дома, то есть в доме его первой жены, возле примэрии, или здесь у нас, или на пляже...

— Но где находится его вилла? Может быть, я заеду туда?

— Ах, — ответил Трандафир, качая головой, — это далеко, у Тузлы. А сейчас, в такой дождь, ни одна машина не повезет вас. Дороги плохие, фонарей нет... Там, на вилле, полное запустение, — добавил он.

— А как же он туда добирается?

— Ну, это совсем другое дело. Он всегда знает, когда наступит плохая погода, пойдет дождь или разразится буря, и уезжает вовремя. Иногда пешком, а иногда и на автобусе, который подвозит его совсем близко...

— А как он определяет, что наступит плохая погода?

— А, это долгая история. Он был моряком. И смотрителем на маяке в Тузле. Он знает погоду, знает, чего ждать...

— Вы хорошо с ним знакомы? — спросил Эмануэль после небольшой паузы.

— Я знал его, когда еще жива была его первая жена. Значит, больше тридцати лет.

— Что это за человек? — допытывался Эмануэль. — Это правда, что у него есть особый дар, что он умеет угадывать будущее?

— Ах, — произнес Трандафир с многозначительной улыбкой. — Господин Бельдиман знает все. Я говорю, он был моряком.

Уже перевалило за полночь, когда он решил наконец вернуться в гостиницу. Дождь несколько поутих, но мол и пляж давно опустели. Напрасно прогуливался он по молу, ожидая, что появится кто-нибудь, с кем можно будет поговорить. Слышен был лишь шум волн, все более яростных, и временами поскрипывание буйка. Когда от Видригина выходили посетители, до мола доносились обрывки джазовой музыки, молодые голоса, смех.

Перед гостиницей остановилась машина, и Эмануэль ускорил шаг.

— Нет, — отказал ему шофер. — Я из Констанцы. Привез одного господина и еду обратно.

— Это-то мне и нужно! — воскликнул Эмануэль, сильно волнуясь. — Отвезите меня в Констанцу.

Шофер взглянул на него с любопытством. И, как ему показалось, ответил с некоторым усилием.

— Это будет вам стоить целое состояние, — сказал он. — В какую часть города?

— К господину Алессандрини. На улицу...

— Я знаю, — сказал шофер, распахивая дверцу. — Пожалуйста.

Когда они доехали до Констанцы, дождь прекратился. Огни порта сверкали необычайно ярко, на улицах сильно пахло морем и мокрой травой. Дом Алессандрини еще был освещен. Эмануэль расплатился с шофером, взбежал по каменным ступенькам и сильно нажал на кнопку звонка. Спустя долгое время голос старой женщины спросил с недоверием, кто ему нужен.

— Это я, господин Санди, Санди Эмануэль.

Кухарка повернула ключ и открыла.

— Они ждали вас до недавнего времени, — сказала она. — А теперь все пошли в «Альбатрос».

— Кто они? Из Бухареста?

— Нет. Артисты. Сдается мне, что среди них есть и художники. Они приплыли из Балчика на яхте, сегодня утром.

— А сколько среди них дам? — быстро спросил Эмануэль.

— Две или три.

— Подумайте хорошенько, — настаивал Эмануэль. — Две или три?

— Три, — ответила кухарка после непродолжительного молчания. — Сначала пришли две, потом еще две, но одна из барышень ушла перед обедом. Я и не знаю, когда она ушла...

— Так, значит, три. Хорошо! — И быстро сбежал по ступенькам.

Перед «Альбатросом» он в нерешительности прогуливался некоторое время, засунув руки в карманы плаща. Когда он решился войти, дверь внезапно распахнулась и швейцар вытолкнул на тротуар двух пьяных матросов. Эмануэль быстро повернулся спиной и перешел улицу. Но через несколько минут вернулся, вошел внутрь, оставил плащ в гардеробе и купил пачку «Лаки Страйк».

— Выступает мадемуазель Одетт, — сказал ему швейцар.

Он закурил и стал ждать у двери окончания песни. Когда раздались аплодисменты, он на цыпочках вошел в зал. Алессандрини восседал на почетном месте в окружении мужчин и дам всех возрастов; некоторые из них были одеты небрежно и пестро, как на пляже, другие подчеркнута корректно, даже элегантно. Увидев его, Алессандрини встал из-за стола.

— Ваше превосходительство! — закричал он, размахивая рукой.

Но Эмануэль вдруг повернулся, вышел из зала, спросил в гардеробе свой плащ и, подойдя к швейцару, вложил ему в руки деньги и предложил сигарету «Лаки Страйк».

— Я пришел повидать господина Бельдимана, — прошептал он, — но я его не вижу. Может быть, он ушел?

— Не думаю, — сказал швейцар. — Мариэтта, — крикнул он гардеробщице, — ты не видела случайно господина Бельдимана?

— Он ушел, — ответила гардеробщица. — Ушел часа в два. Он не пьет и не курит, — добавила она, значительно улыбаясь. — Он приходит ради представления.

— Я имею в виду господина Василе Бельдимана, — пояснил Эмануэль.

— Мы его хорошо знаем, — сказал швейцар. — Когда ему становится скучно на вилле, он приезжает в Констанцу, в свой дом на Порумбари, и примерно раз в два-три дня заходит к нам. Ради представления...

Алессандрини распахнул дверь и картинно застыл на пороге, раскрыв объятия, готовый расцеловать его.

— Ваше превосходительство! — воскликнул он. — Наконец-то!..

— Я сейчас вернусь, — сказал Эмануэль, направляясь к выходу. — Мне надо увидеть Бельдимана.

— Он был здесь с нами, за нашим столом, — сообщил Алессандрини, отдельно и с некоторым затруднением выговаривая слова. — Если бы вы пришли на час или на два раньше, вы бы его застали.

— Я сейчас вернусь, — повторил Эмануэль и вышел на улицу.

Он поднял воротник плаща и быстрым шагом, наугад выбирая улицы, отправился бродить по городу. Примерно через полчаса он вдруг остановился, словно о чем-то вспомнив, и пошел в сторону набережной. Когда он вступил на набережную, часы пробили четыре, но было еще темно и небо покрыто облаками. Высокие черные волны накатывались на берег и разбивались с оглушительным шумом. Он долго стоял в задумчивости, глядя на них, нотом нашел скамейку и сел. Ему было холодно, и, чтобы согреться, Эмануэль стал дуть на пальцы, потом закурил сигарету. Он чувствовал, как его донимает усталость, и прислонился головой к спинке скамейки. Однако ему не удалось заснуть. То и дело высокие волны бились о берег, и его основательно обрызгивало пеной. Он встал, потянулся, глубоко вздохнул и решительным шагом направился в «Альбатрос». Перед тем как войти, он еще раз взглянул на часы. Было без четверти пять.

В баре было пусто. За столиком, прикрыв лицо ладонями, его поджидал Алессандрини.

— Ах! — воскликнул он, завидев Эмануэля. И долго молча вглядывался в его глаза.

— Пожалуйста, не сердитесь, но речь идет о чем-то действительно важном, — сказал Эмануэль, подвинув стул и сядя рядом с ним. — Могу ли я доверять вашей наблюдательности и памяти? Вы можете поклясться, что помните обо всем, что случилось сегодня вечером?

Алессандрини слушал утрюмо, но постепенно лицо его оживилось, и он мечтательно улыбнулся.

— Она говорила то же самое, — сказал он. — Я словно слышу ее слова.

— Кто говорил то же самое? — перебил его Эмануэль, слегка побледнев.

— Она. Адриана, Ариана, — прошептал Алессандрини, продолжая улыбаться. — Она говорила не переставая. Вначале я думал, что ее зовут Адина. Но я ошибся. Ее звали Ариана. Или Адриана...

Эмануэль вынул пачку сигарет, но раздумал курить и смиренно положил ее на стол.

— Это очень важно, — заговорил он. — Пожалуйста, скажите мне прямо, могу ли я положиться на вас?

Алессандрини повернулся к нему лицом и внезапно разразился смехом.

— Вы просто невероятны! — воскликнул он, с трудом переводя дух. — Вы просто-напросто невероятны, — повторил он, качая головой.

Потом улыбка у него погасла и, сложив руки на столе, он опустил голову и углубился в свои мысли. Эмануэль в нерешительности молча смотрел на него. В конце концов он взял со стола пачку с сигаретами и стал нервно мять ее пальцами.

— Алессандрини, — серьезно произнес он, — речь идет об очень важном деле. Скажите мне, пожалуйста: может ли быть, что сегодня вечером здесь или у вас на

вилле одна из ваших приятельниц поскользнулась и упала, а когда кто-то из вас бросился ее поднимать, то увидел, что около нее уже стоит другая дама или барышня и помогает ей встать.

Алессандрини пытался слушать, но вскоре отказался от этой затеи и решительно покачал головой.

— Нет, — перебил он, — вы меня не поняли. Речь шла вовсе не о том. Я хотел сказать совсем другое.

— Быть может, она поскользнулась во время танца, — продолжал Эмануэль, заметно волнуясь, — или кто-нибудь ее нечаянно толкнул, она споткнулась и упала на паркет...

— Нет, никто не падал. Но постойте, история на этом не закончилась. Они еще не уехали. Они отправились на виллу, чтобы принять душ и переодеться. Яхта отплывает не раньше десяти. Ждут вас.

— Меня? — удивился Эмануэль. — Но я их даже не знаю...

— Это идея Адрианы, — мечтательно произнес Алессандрини. — Адрианы. Она вас увидела, когда вы заглянули сюда сегодня ночью. Ах, ваше превосходительство, — воскликнул он с пафосом, — какая это изумительная женщина! Клянусь, ей было достаточно взглянуть на вас, ей было довольно какой-то доли секунды...

Эмануэль рассеянно открыл пачку и тихо вынул сигарету.

— Я не совсем понимаю, — сказал он. — Не вижу, какая здесь может быть связь.

— Она только взглянула на вас, а потом нам целый час про вас рассказывала. Какой ум! Она сразу вас раскусила. Она все говорила: «Этот молодой человек меня боится! Он меня избегает!»

Эмануэль закурил сигарету и с жадностью затянулся.

— Мне незачем ее избегать! — сказал он. — Я ее даже не знаю. Не знаю, как она выглядит.

— Она-то хорошо вас знает, — сказал Алессандрини. — Она сразу поняла, что вы ее боитесь. Я хотел послать Джиба, чтобы он вас разыскал, мне казалось, что вы на набережной, но она, Адриана, не дала мне это сделать. «Ничего, сказала она, мы его подождем и завтра утром возьмем с собой в Балчик...»

— Но это нелепость! — воскликнул Эмануэль и засмеялся. — Вы прекрасно знаете, что я не могу поехать, что через две недели я должен быть в Стокгольме.

— Она говорила то же самое — Адриана, — сказал, улыбаясь, Алессандрини. — Она говорила: «А если он не захочет плыть с нами в Балчик, ничего страшного: через две недели мы встретим его в Стокгольме».

— В Стокгольме? — воскликнул Эмануэль. — Но зачем ей в Стокгольм?

— Не знаю. Я у нее не спросил. Но ведь я вам говорил: это необыкновенная женщина. Она вас тут же раскусила... Хотите кофе? — повернулся он к Эмануэлю. — Я еще посижу здесь. Я поджидаю Толстомордика.

Эмануэль с отсутствующим видом кивнул головой.

— Но кто она такая? — вдруг спросил он изменившимся голосом, словно пробудившись ото сна. — Как ее зовут?

— Ах, — ответил с важностью Алессандрини, — этого я не знаю. — Кажется, она называла мне свое имя, но я не запомнил. Вначале я думал, что ее зовут Адина. Но Адина была другая, та, что ушла. Впрочем, я думаю, она отправилась в Мовилу разыскивать вас, — добавил он задумчиво. — Она сказала, что знает вас, и даже очень хорошо.

— Адина? — изумился Эмануэль. — Адина, а дальше как?

Алессандрини пожал плечами:

— По правде говоря, я не запомнил ее имя. Но она говорила, что знает вас очень хорошо, что, если бы не одно событие в вашей жизни, вы бы обручились.

— В таком случае она принимает меня за кого-то другого! — воскликнул Эмануэль с внезапно просиявшим лицом.

— Нет, не думаю, — возразил Алессандрини. — Она рассказала нам о вас целую историю. И если хорошенько вдуматься...

Но он не успел закончить фразу. Он увидел в дверях Толстомордика и сделал ему знак рукой. Толстомордик не спеша подошел к ним, переваливаясь и улыбаясь.

— Так, значит, вы и есть тот самый человек, о котором столько разговоров, — сказал он, усаживаясь и с интересом разглядывая Эмануэля. — Я представлял вас другим...

— Ты можешь ему обо всем рассказать, — разрешил Алессандрини. — Я его подготовил.

Эмануэль смущенно улыбнулся и, не зная, что сказать, протянул через стол сигареты.

— Нет, спасибо, я больше не курю, — сказал Толстомордик. — Я курил всю ночь... Так, значит, это вы, — продолжал он, глядя на него и странно улыбаясь.

— Не вилай, — перебил его Алессандрини. — Я сказал тебе, что я его подготовил.

— Сударь, — произнес Толстомордик, обращаясь к Алессандрини, — никогда не верьте словесным портретам, которые составляют женщины. Если хотите узнать, как выглядит тот или иной человек, спросите у мужчины. Я, например, если бы спросил у вас, вместо того чтобы слушать Адину, тут же и признал бы его.

Алессандрини взял Эмануэля за руку и прошептал, указывая на Толстомордика:

— Если я правильно понял, Адина его невеста.

— О нет! — возразил Толстомордик с горькой улыбкой. — Я знаю, что так говорят, но это не правда. Возможно, если бы не одно событие в нашей жизни... Но в конце концов, что было, то было. Не будем ворошить прошлое... Она уехала в Мовилу разыскивать вас, — добавил он после короткой паузы, развернувшись к Эмануэлю. — Она говорила, что вы давно не виделись. Все спрашивала себя, узнаете ли вы ее после стольких лет...

Эмануэль внимательно слушал, пытаясь понять. Он провел рукой по лицу, словно хотел нащупать и обрести самого себя, потом снова рассмеялся.

— Я думаю, что здесь какая-то путаница, — произнес он наконец, стараясь казаться безразличным.

— Что я тебе говорил? — с торжеством спросил Алессандрини у Толстомордика. — Я говорил тебе, что Адриана его тут же раскусила. Ей было достаточно одного взгляда.

— Да, любопытно, — сказал Толстомордик, пристально вглядываясь в Эмануэля. — Хотя я и хорошо его знал, Адина описала мне его так, что я не смог бы догадаться, что это он. А Царица только раз увидела его в дверях.

— Долю секунды! — подхватил Алессандрини. — Какая изумительная женщина! Какой ум!

— Царица? — повторил Эмануэль.

— Да, мы ее так в шутку величаем, — пояснил Толстомордик.

— Ариана, — прибавил от себя Алессандрини. — Я объяснил вам, кто это.

— Но кто она? Как ее зовут? — в отчаянии закричал Эмануэль.

— Адриана, — произнес Толстомордик. — Еще несколько месяцев тому назад она была Адрианой Паладе, а сейчас, после развода, снова стала Адрианой. Или Царицей, как мы ее величаем. Она близкая приятельница Адины. Они познакомились прошлой зимой на катке и с тех пор неразлучны.

— Это изумительная женщина! — снова воскликнул Алессандрини.

Эмануэль уставился в пустоту.

— На катке, — тихо повторил он больше для себя.

— Ты можешь сказать ему и остальное, — настаивал Алессандрини. — Я его предупредил.

С величайшим усилием Эмануэль поднялся со стула.

— Я должен идти, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — У меня автобус в восемь утра...

Но Алессандрини схватил его за руку и удержал на месте:

— Что с вами? Разве я не сказал вам, что мы все едем в Балчик?

Эмануэль замотал головой.

— Это невозможно! — сказал он. — У меня снята комната в Мовиле. И мне остается прожить там неделю. А затем — в Бухарест и за дела...

Оба его собеседника вдруг рассмеялись. Толстомордик смеялся негромко, почти бесшумно, слегка прикрыв глаза, а Алессандрини, казалось, сотрясал глубокий внутренний рокот, пока он не захлебнулся от смеха и не стал кашлять.

— Вы просто-напросто изумительны! — наконец с трудом выдавил он из себя.

И тыльной стороной ладони принялся вытирать слезы. В этот момент бармен принес кофе. Алессандрини схватил с подноса стакан с водой и стал пить.

— Да, — сказал Толстомордик, опустив глаза, — он и вправду изумительный. Это самое сказала и Царица.

Эмануэль, красный от волнения, незаметно для себя мял пальцами пачку сигарет.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, — произнес он медленно и отдельно.

— Ваше превосходительство! — вскричал Алессандрини с неожиданным энтузиазмом. — Это просто-напросто изумительная женщина! Вы непременно должны с ней познакомиться.

— От души сожалею, — сказал Эмануэль, — но днем я должен быть в Мовиле.

Алессандрини внезапно повернулся к Толстомордику.

— Это все из-за Адины, — сказал он. — Так что, в конечном счете, Адина, возможно, и права...

Толстомордик опять улыбнулся и принялся пить кофе.

— Что касается меня, — сказал он, не поднимая глаз, — то я думаю, Адина вольна принять любое удобное ей решение. То, что было в прошлом, меня не интересует.

Эмануэль снова пытался рассмеяться.

— Ее зовут не Адиной, — важно произнес Толстомордик. — Адиной зовем ее мы, друзья. Так назвал ее как-то раз Джиб. И с тех пор за ней осталось имя Адина.

— Он перепутал ее с Адрианой, — вмешался Алессандрини.

— Да. Он спутал ее с Царицей. А они совсем не похожи.

Эмануэль продолжал стоять, облизывая губы, глядя то на одного, то на другого.

— Но ей пришлось по душе это имя, — продолжал Толстомордик, — и она так и осталась Адиной.

В этот момент Алессандрини вдруг поднял кверху обе руки.

— Подождите! Подождите! — крикнул он, обращаясь к кому-то, кто собирался войти. — Не входите все, потому что я еще не закончил!

Эмануэль побледнел и в тревоге обернулся к двери. Молодой человек, светло-волосый и веснушчатый, направлялся к их столику. Одет он был небрежно, словно собирался идти на пляж.

— Царица прислала меня сказать вам, что мы сделаем остановку в Мовиле, — сообщил он, подходя.

Потом повернулся к Эмануэлю, посмотрел на него с любопытством и улыбнулся.

— Это Ионицэ, — быстро объяснил Алессандрини. — Талантливый художник.

Эмануэль взял протянутую над столом руку и рассеянно пожал ее.

— Я не думал, что он такой, — заговорил Ионицэ. — Я думал, он ниже ростом. И более нервный, — добавил он, смерив его взглядом.

— Это все влияние Царицы, — сказал Толстомордик. — То, как она обрисовала его сегодня ночью...

— Нет, — возразил Ионицэ, не отрывая глаз от лица Эмануэля. — Я руководствовался описанием Адины.

Он подвинул стул и сел.

— Вы ему все рассказали? — спросил он.

— У нас не было времени, — ответил Алессандрини. — Он приехал недавно, часов в пять.

— Царица настаивает, чтобы вы рассказали ему, как он пытался бежать, прыгнув в воду и поплыв к берегу.

Алессандрини и Толстомордик многозначительно переглянулись, и лица у них осветились словно одной и той же улыбкой.

— Это было самое интересное, — прошептал Толстомордик, прикрыв глаза. — Расскажите вы, сударь.

— Ах, нет! — возразил Алессандрини и покачал головой. — Я что-то устал. И я не мастер рассказывать.

— Он договорился с Толстомордиком подвести яхту как можно ближе к берегу, — стал рассказывать Ионицэ, — и вот — поцелуй, несколько слов: «Прощай! И никогда ты не узнаешь, как я тебя любил!..» — а потом бултых в воду...

Ионицэ засмеялся, придя в хорошее расположение духа, и опять поглядел на Эмануэля.

— Но то, что случилось потом, было еще лучше, — вмешался Алессандрини. — Потому что, проплыв около километра, он устал, попытался лечь на спину, и, когда вода вошла ему в рот и нос, он испугался и принялся звать на помощь.

— Счастье, что вслед за ним прыгнула Царица и все время плыла позади, невидимая, готовая помочь.

Толстомордик с несколько виноватым видом посмотрел на Эмануэля.

— Действительно, это было самое интересное, — сказал он. — Жаль, что Адине не удалось послушать...

— Ах, нет! — воскликнул Ионицэ. — Если бы и Адина была там, Царица не посмела бы вмешаться. Адина считает, что он очень хорошо плавает. А для хорошего пловца один или два километра — сущий пустяк. Если бы и Адина была там, Царица не осмелилась бы сказать, что, проплыв километр, он устал и принялся звать на помощь.

— Позволь, — перебил его Алессандрини, — но ведь Адриана объяснила нам, что он был очень утомлен, и была права. Посмотрите, как он сейчас выглядит, а ведь еще и шести нет. А несколько часов тому назад? Вспомните рассказ Арианы о том, как он гулял в Мовиле по молу, под дождем, а потом здесь, по набережной, куря сигарету за сигаретой. Он выглядел очень усталым.

Эмануэль слушал их, старясь делать вид, что это к нему не относится, но краска заливала его лицо.

— О ком вы говорите? — спросил он резким, пронзительным голосом.

— Ну, вы словно не понимаете! — воскликнул Алессандрини. — О ком еще мы можем говорить?..

— Нам поведала сегодня ночью Царица, что произойдет дальше, — пояснил Толстомордик. — Как вы приедете сюда, найдете всех нас и в конце концов позволите убедить себя ехать с нами на яхте в Балчик.

— Это невысказано! — перебил его Эмануэль. — Алессандрини может подтвердить, что ни при каких обстоятельствах я не позволил бы себя убедить...

— Сразу видно, что вы ее не знаете! — воскликнул Алессандрини.

— Ну конечно не знает, — подтвердил Ионицэ.

— В любом случае вы бы поехали вместе с нами на яхте, — продолжал Толстомордик. — Но чувство долга и особенно страх перед Царицей...

— Я вам в последний раз повторяю, — произнес Эмануэль прерывающимся от волнения голосом.

— Прошу вас, не прерывайте его! — воскликнул Алессандрини, хватая Эмануэля за руку.

— Ты плохо рассказываешь, — вмешался Ионицэ. — Ты забыл самое важное: как он сидел на яхте в купальном костюме, — который ему одолжили вы, сударь, — пояснил он, обращаясь к Алессандрини, — дрожа от холода, но не решаясь пошевелиться, потому что Царица обнимала его за плечи и что-то шептала...

— Ах, какая красота! — воскликнул Алессандрини, закрыв глаза, чтобы лучше вспомнить. — Я словно тоже был там и видел все. Ведь и я играл свою роль в этой истории. Я телеграфировал в гостиницу, чтобы ваши вещи переслали в Балчик.

— У меня была самая неблагоприятная роль, — задумчиво произнес Толстомордик. — Мне было вас жаль, я слышал, что вы уезжаете в Стокгольм вице-консулом, что это ваш первый дипломатический пост, и мне было вас жаль. И я хотел помочь вам выйти из затруднительного положения. Я был у руля. И я подвел яхту на расстояние одного-двух километров от берега...

Алессандрини схватил его за руку:

— И я крикнул тебе: «Эй, Толстомордик, лево руля, ты ведешь нас к скалам. Левее!..»

— И тогда вы прыгнули в море, — продолжал Толстомордик, — и попытались доплыть до берега.

— Но вы устали, — подхватил Алессандрини, — и, проплыв километр, начали захлебываться и звать на помощь.

— Царица тоже прыгнула в воду, — перебил его Ионицэ, — но вы этого не видели. Она плыла следом за вами.

— Счастье, что и Бельдиман был там, — продолжал Алессандрини, — и увидел вас.

Эмануэль вдруг страшно побледнел.

— Бельдиман! — вскричал он. — Но что нужно Бельдиману во всей этой истории?

— Он был там, на берегу, и увидел вас, — продолжал Алессандрини с воодушевлением. — Он крикнул вам, чтобы вы легли на спину, а сам быстро разделся, вошел в воду и поплыл к вам.

— Но что нужно Бельдиману в этой истории? — снова спросил Эмануэль сурово, хрипло. — Откуда вы знаете о Бельдимане?

— Как откуда? — удивился задетый за живое Алессандрини. — Он был с нами здесь, сегодня ночью, за этим столом...

— Но откуда его знает она, Адриана, Ариана?! — воскликнул раздраженный Эмануэль. — Откуда она знает Бельдимана?

Все трое остолбенели, словно не могли поверить своим ушам.

— Вот это да! — воскликнул Алессандрини, ударив ладонями по столу. — Это замечательно!.. — И громко рассмеялся, содрогаясь всем телом.

Эмануэль дико взглянул на него, повернулся спиной и поспешно отошел от стола.

— До свидания! — крикнул он с порога.

Он мог бы сесть на восьмичасовой автобус, но, подходя к остановке, заметил молодую женщину, и ему показалось, что она поджидает его, сидя на скамейке и делая вид, что читает. Он видел, как она то и дело поднимает глаза от журнала и с любопытством оглядывается вокруг, особенно внимательно присматриваясь к столикам на тротуаре. Эмануэль свернул в первую же улочку, которая попала ему по дороге, и, увидев парикмахерскую, вошел внутрь.

Когда он в половине девятого снова подошел к остановке, женщина по-прежнему сидела на скамейке, скучая и листая журнал. Секунду Эмануэль колебался, затем повернулся к ней спиной и принялся искать кафе. Он спросил чаю и выпил его медленно, задумчиво. Небо начинало проясняться, утро обещало быть теплым. Через полчаса он встал из-за стола и не торопясь пошел к автобусной остановке. Женщина нетерпеливо прохаживалась по тротуару. Эмануэль почувствовал, что у него бешено колотится сердце, и, не глядя по сторонам, подошел к автобусу. Нашел свободное место позади шофера и, облегченно вздохнув, сел.

Около одиннадцати он был в гостинице. Увидев его, Арон помахал ему рукой.

— У меня для вас приятная неожиданность, — прошептал он, внимательно оглядывая меня. — Я не могу сказать, кто это, но знаю, что это вам доставит радость...

И, слегка прикрыв глаза, таинственно улыбнулся...

— Как ее зовут? — строго спросил Эмануэль.

— Не скажу, а то вы догадаетесь... Она приехала вчера вечером и искала вас повсюду, у Видригина, у Трандафира... Потом ждала здесь, в холле, часов до двух...

— Ты не мог бы ее описать?

— Нет, это сюрприз. Она решила не ходить на пляж. И мы договорились, что, как только вы вернетесь, я, не говоря ни слова, пошлю к ней в комнату Марианну...

Эмануэль внимательно слушал, то и дело облизывая губы.

— Хорошо, — сказал он, — я сейчас вернусь.

Он вышел из гостиницы и отправился прямо на пляж. Было жарко, и Эмануэль шел медленно, временами останавливаясь, чтобы передохнуть. Дойдя до мола, он снял пиджак, разулся, положил носки в карман и двинулся дальше. Но, не пройдя и ста метров, остановился, стал искать платок, чтобы прикрыть лоб, потом раздумал и направился к киоску.

Купив газету, свернул ее так, чтобы можно было надеть на голову наподобие шляпы, и пошел дальше.

Но вдруг почувствовал чрезмерную усталость, замученность донельзя и сел на край мола. Он сидел долго, глядя на море.

И вдруг он понял, что за его спиной кто-то стоит, и в испуге обернулся. Встретившись взглядом с Бельдиманом, просветлел лицом и глубоко вздохнул.

— Я искал вас всю ночь, — быстро заговорил он. — Искал и в «Альбатросе». Я хотел сказать, что вы были правы. Он получил телеграмму и уехал. Вэлимэреску, — пояснил он, видя, что Бельдиман в недоумении на него смотрит. — Телеграмму с предписанием срочно явиться в суд...

Бельдиман снял куртку и уселся рядом с ним. Он казался погруженным в свои мысли.

— Это не был призыв на военные сборы, как мы думали, — сказал, улыбаясь, Эмануэль. И поскольку Бельдиман продолжал молчать, он спросил, вдруг понизив голос: — Почему вы мне не сказали? Если вы знали, почему не сказали мне об этом?

Бельдиман повернулся и с любопытством оглядел его, как будто увидел впервые:

— А что я должен был вам сказать?

— Все, что случилось потом. Всю эту путаницу с Алессандрини и его друзьями в Балчике...

— А, — встрепенулся Бельдиман, словно внезапно что-то вспомнив, — вы говорите об Алессандрини. Я встретил его сегодня ночью в «Альбатросе»... Он должен появиться здесь с минуты на минуту, — добавил он, указывая головой на море.

Эмануэль проследил за его жестом и увидел яхту, тихо плывущую в километре от берега.

— Если вы знали, вы должны были меня предупредить, — сказал он, еще сильнее понизив голос. — Речь идет об очень важном, о моей карьере. Это мой первый дипломатический пост, — пояснил он шепотом.

— Такая, какой вы ее видите, — сказал Бельдиман с гордым блеском в глазах, — она стоит сегодня десять, двенадцать миллионов. А я ее купил два года тому назад меньше чем за четыре миллиона. За бесценок!

— Она ваша? — спросил изумленный Эмануэль.

— Была моей, когда я ее купил. Но я купил не для себя. Я купил ее для ветреной Адрианы. Грехи старости! — прибавил он шепотом.

Словно во сне, Эмануэль протянул руку, нащупал носки и принялся обуваться.

— Посмотрите-ка, — продолжал Бельдиман, пристально вглядываясь, — она сейчас прыгнет в море и приплывет сюда, к нам. Она всегда так делает, сколько я ее знаю. Потому я и выбрал это место, здесь нет скал. Посмотрите! — воскликнул он с воодушевлением. — Она прыгнула!

Эмануэль застыл с ботинком в руке, напряженно глядя поверх волн.

— Я не вижу ее, — произнес он.

— Она плывет под водой. Но вы скоро ее увидите, минуты через три-четыре, она появится внезапно, здесь, перед нами...

Дрожая, Эмануэль надел второй башмак. Поправил газету на голове и с трудом встал.

— Грехи старости! — произнес Бельдиман больше для себя. — Хорошо сказал тот, кто сказал: не имей детей на старости лет...

Эмануэль стоял рядом, внимательно слушая.

— Это ваша дочь? — спросил он.

Бельдиман удивленно поднял на него глаза и улыбнулся.

— Так считают люди, — сказал он. — И мне тоже приятно так думать...

— Ее величают Царицей, — прибавил Эмануэль, пытаясь улыбнуться.

— Да, — серьезно ответил Бельдиман. — Она царственно прекрасна и ничего не боится, да что толку! Ведь живет она на том свете...

— Я должен идти, — вдруг сказал Эмануэль.

— На том свете, — повторил Бельдиман, словно про себя.

— Я очень рад был вас встретить, — сказал Эмануэль, собираясь уходить. — До свидания!

Но он уже увидел ее: она плыла необычайно быстро метрах в двадцати от берега. Кровь застыла у него в жилах, он не осмеливался сдвинуться с места. Он и не заметил, как снял с головы газету и бросил ее себе под ноги. И тут он понял, что ждет ее, что он счастлив, и улыбнулся ей, но девушка, встретив его взгляд, отвела глаза в сторону, безразлично, отстраненно, словно не узнавая. А несколько мгновений спустя все ее лицо озарила широкая улыбка и она принялась махать рукой туда, где кончался мол.

— Адина! — крикнула она. — Адина!..

Чикаго, март 1959 года

На улице Мынтулясы

1

Старик долго топтался перед домом, не решаясь войти в подъезд. Дом был многоэтажный, в стиле начала века. Каштаны отбрасывали на тротуар жиденькую тень, улица дышала жаром. Солнце пылало всюду, как и положено летом, да еще в середине дня. Старик вынул носовой платок и повязал шею. Его долговязая костлявая фигура ничем не выделялась, серые глаза были невыразительны, седые клочковатые усы пожелтели от табака. Голову прикрывала старая соломенная шляпа, а выцветший летний костюм болтался, словно на вешалке. Заметив приближающегося офицера, старик заранее снял шляпу.

— Не могли бы вы мне сказать, который час? — чрезвычайно вежливо осведомился он.

— Два часа, — ответил офицер, даже не взглянув на часы.

— Премного благодарен, — старик улыбнулся и решительно двинулся к двери.

Когда ладонь его коснулась ручки, за спиной раздался голос:

— Сначала надавите!

Старик испуганно обернулся.

— Я тоже живу в этом доме, — пояснил офицер, обошел его и нажал на дверную ручку. — Кто вам нужен?

— Господин майор Борза из Министерства безопасности.

— Не знаю, дома ли он. В это время он обычно на службе.

Офицер говорил равнодушно, глядя прямо перед собой. Дверь открылась, и он пропустил старика вперед. Из полумрака, царившего в холле, появился привратник, приветствуя вошедших.

— Вот ему нужен товарищ майор, — буркнул офицер и двинулся к лифту.

— Не думаю, что он дома, — покачал головой привратник. — Сходили бы лучше в министерство.

— Это важная встреча, — заторопился старик. — Ради интересов всей семьи... Правильней будет сказать, ради него самого, ведь господин майор сам является членом этой семьи, — произнес старик многозначительно. — Поскольку детство...

Привратник недоуменно взглянул на него и сдался:

— Попробуйте... Квартира на четвертом этаже. Если, конечно, он дома.

Сунув поношенную шляпу под мышку, старик направился к лестнице.

— Подождите минутку, можно подняться на лифте! — крикнул ему вслед привратник.

Старик обернулся и благодарно закивал:

— Большое спасибо! Но я плохо переношу лифт. Предпочитаю подниматься по лестнице. Если же я оказываюсь в доме в первый раз, то вообще предпочитаю лестницу.

Осторожно, не торопясь, старик стал подниматься, правой рукой держась за перила, а левой прижимая к боку свою шляпу. Поднявшись на площадку первого этажа, он остановился, прислонился к стене и стал обмахиваться шляпой. Послышались детские голоса, резко запахнулась дверь, и на площадку выскочила женщина без возраста с пустой пивной бутылкой в руках. Она улыбалась, но, увидев незнакомца, вздрогнула и замерла.

— Вам кого?

— Я остановился на минутку отдохнуть, — стал оправдываться старик. — Мне нужно на четвертый этаж, к майору Борзе. Вы его знаете?

— Спросите внизу, — буркнула женщина, машинально вертя в руках пивную бутылку. — Там есть привратник. Он вам все объяснит.

Женщина хотела было спуститься по лестнице, но передумала и несколько раз нервно нажала на кнопку звонка. Снова раздались детские голоса, открылась дверь, и кто-то, кого старик не успел рассмотреть, высунул голову. Женщина втолкнула голову назад и мгновенно исчезла вслед за ней. Старик смущенно улыбнулся, сунул шляпу под мышку и принялся взбираться по лестнице. На площадке второго этажа его поджидал офицер.

— А говорили, что вам нужен майор, — шепотом упрекнул он. — Почему не поднялись на лифте?

— Я его не переносу, — скромно пояснил старик. — Особенно летом, в жару, кровь приливает к голове. Не переносу я лифт...

— А что вам тогда понадобилось на первом этаже? — опять шепотом спросил офицер. — Вы кого-нибудь знаете с первого этажа?

— Нет, никого не знаю. Я остановился, чтобы перевести дух. В это время вышла женщина и спросила меня...

— О чем она спросила? — прервал офицер и наклонился поближе.

— Она ни о чем не спрашивала, она, так сказать, поинтересовалась, кого я ищу. Я ей сказал...

— Понятно, — оборвал офицер.

Бросив взгляд на верхние этажи, офицер подошел вплотную к старику и прошептал:

— Вы давно знаете майора?

— С той поры, когда он еще пешком под стол ходил. — Старик улыбнулся и показал ладонью расстояние от пола. — Мы единая семья, может быть, даже больше, чем семья...

— Так, — буркнул офицер. — Значит, хорошо его знаете. Потому и адрес получили, ведь он только-только сюда переехал. Но и я тоже очень хорошо его знаю. Мы с ним вместе работали. Солидный, уважаемый человек...

Послышался шум лифта. Офицер замешкался, потом молча, даже не попрощавшись, отпер дверь в квартиру, около которой они стояли, и скрылся за дверью. Старик прислонился к стене и принялся обмахиваться шляпой. Лифт прошел мимо. Старик заметил бледное лицо и два синих, пристально поглядевших на него глаза. Простояв еще несколько секунд, он вновь решил подниматься. Лифт остановился на третьем этаже, молодой человек с синими глазами поджидал его, распахнув дверь лифта.

— Прошу вас, — пригласил он. — А мне выходить.

— Большое спасибо, — отвечал старик. — Я не пользуюсь лифтом, потому что плохо его переносу. Предпочитаю подниматься пешком. Не торопись, как в горах, — добавил он, улыбаясь.

— Тяжело вам будет, ведь еще три этажа, — посочувствовал юноша.

Лицо его было необычайно бледным.

— К счастью, — продолжая обмахиваться шляпой, проговорил старик, — я почти пришел.

— Вы к товарищу инженеру? — удивился молодой человек, показывая на дверь, возле которой они стояли. — Не думаю, что вы застанете его дома. Вы спрашивали внизу, у портье?

Старик затряс головой и смущенно улыбнулся:

— Я неправильно выразился... Я хотел сказать, что почти пришел. Мне нужен четвертый этаж.

Молодой человек заморгал, торопливо вытащил платок и принялся вытирать руки.

— К товарищу майору? Не знаю, застанете ли... Обычно он обедает на работе. Вы хорошо его знаете? — перебил он сам себя и заглянул старику в глаза. — Я вас здесь никогда не видел.

— Он ведь только что переехал, — пояснил старик. — А знаю я его почти с пеленок.

Юноша пребывал в нерешительности, теребя носовой платок. Потом хлопнул дверью лифта, который тут же поехал вниз.

— Вы и семью его знаете? — спросил юноша шепотом, поднимая глаза к потолку, словно хотел заглянуть на верхний этаж.

— Можно сказать, я член этой семьи, — ответил старик.

— А-а, значит, вы из провинции, — прервал юноша. — Его семья вся из провинции. Я знаком с его братом, он играет за «Парафин». Замечательный игрок. Испытанный боец. — Он хотел еще что-то сказать, поскольку наклонился к старику, загадочно улыбаясь, но, заслышав на лестнице шаги, повернулся спиной, бросился к двери и лихорадочно стал искать в кармане ключ.

— Очень приятно было с вами познакомиться, — раскланялся старик и стал взбираться по лестнице, держась за перила.

На марше он разминулся с парочкой и тоже поклонился. На женщине с коротко подстриженными волосами был костюм, похожий на униформу, со значком. Мужчина был значительно моложе своей спутницы. Спускался он как-то боком, стараясь не глядеть на нее. Однако, разминувшись со стариком, оба как по команде обернулись, любопытствуя, что он будет делать. Старик остановился на площадке перед дверью, вынул носовой платок, вытер лицо, пригладил лацканы пиджака. Он уже собрался нажать на кнопку, но вдруг раздумал и стал спускаться по лестнице, неожиданно быстро перебирая ногами. Не дойдя несколько ступенек до удивленной парочки, которая застыла, прижавшись к стене, он церемонно поклонился:

— Если вас не очень затруднит, не могли бы вы сказать, сколько сейчас времени?

— Два. Пять минут третьего, — ответила женщина.

— Благодарю вас. Извините, пожалуйста. У меня в два часа встреча.

Старик торопливо поднялся вверх и позвонил. Дверь открыла хозяйка, молодая, безвкусно накрашенная.

— Целую ручки, — проговорил старик, кланяясь. — Надеюсь, я пришел не слишком рано и не слишком поздно. Я решил, что два часа, пять минут третьего — это будет в самый раз.

— Он еще обедает. — Женщина улыбнулась, во рту сверкнуло несколько золотых зубов. — Он вам назначил от двух с четвертью до половины третьего.

— Я подожду, — забормотал старик, отступая назад и намереваясь закрыть дверь.

— Нет-нет, входите, в квартире значительно прохладнее. Настоящие барские покои, — пригласила женщина, улыбаясь.

— Понятно, понятно. Недавно переехали.

— До этого жили на улице Раховы. От службы очень далеко, да и квартира была не по чину, как-никак майор такого министерства — лицо ответственное. А квартира маленькая, ни пианино не было, ни радио...

— Понятно, понятно, — продолжал бормотать старик, чувствуя, как наполняется благорасположением к этой женщине. — А я его знал вот такусеньким. — Тут он опустил ладонь почти до самого ковра.

Женщина рассмеялась.

— Проходите в гостиную, — пригласила она и проводила старика в просторную комнату, строго и со вкусом обставленную. — Я ему скажу, что вы пришли.

Старик опустился на диван и с удовольствием принялся растирать ладонями колени. Но не прошло и минуты, как женщина появилась вновь и жестом пригласила его следовать за собой.

— Сказал, чтобы проводила вас в кабинет, он и сам сейчас туда придет.

В соседней комнате она указала старику на огромное кожаное кресло перед книжным шкафом. Старик поблагодарил и, усевшись, снова принялся растирать колени. Время от времени он наклонялся к книжной полке и читал на корешках названия. Услышав, как скрипнула дверь, он вздрогнул и поднялся на ноги. В дверях стоял дюжий краснощекий человек с черными волосами, густыми сросшимися бровями и крошечными стальными глазками под опухшими веками. Был он в рубашке с закатанными рукавами и брюках с подтяжками. Салфетка, заткнутая за ворот, спускалась ему на грудь. Вошел он улыбаясь, однако, заметив старика, мгновенно помрачнел.

— Кто вы такой? — спросил он хриплым голосом. — Как вы сюда попали?

— Ты меня больше не узнаешь? — удивился старик, пытаясь улыбнуться. — А я тебя помню еще таким. — И он опустил ладонь к коврику.

— Как вы сюда попали? — снова спросил майор, вытирая рот концом салфетки. — Как вас пропустил привратник?

— Мне сказали, что в два, в два с четвертью я обязательно застану тебя дома, — пояснил старик, продолжая улыбаться.

— Но кто вы такой?! — настаивал майор.

— Значит, ты меня не узнаешь. — Старик грустно покачал головой. — Правда, с тех пор прошло больше тридцати лет, но я тебя помню. И когда я узнал, что ты переехал сюда, то подумал: а что, если тебя навестить?

— Да кто же вы, в конце концов? — повысил голос майор и угрожающе шагнул к старику.

— На улице Мынтулясы... — заговорил старик, показывая головой куда-то вбок. — Разве на улице Мынтулясы не стояла школа, где во дворе росли каштаны, а в саду — абрикосы и вишни? Не может быть, чтобы ты это забыл. Школа рядом, всего в двух шагах отсюда, стоит только выглянуть в окно. Я тебя вижу как сейчас в матросском костюмчике. Ты все потел, ты был очень потливым...

Майор вышел из кабинета, захлопнув за собой дверь.

— Анета! — гаркнул он, широким шагом пересекая гостиную. — Анета!

Тут же появилась хозяйка.

— Ты провела этого типа в кабинет? — Майор понизил голос. — Разве я тебе не говорил, что дома никого не принимаю, чтобы ты всех посылала в министерство? Разве я не говорил, что около половины третьего жду инспектора?

— А я думала, он и есть инспектор, раз его пропустил привратник. К тому же он сказал, что прекрасно знает тебя... и будто бы он инспектор.

Майор решительным шагом пересек гостиную в обратном направлении и вошел в кабинет.

— Значит, вы проникли сюда обманным путем! — Он сощурил глаза. — Вы сказали моей жене, что вы инспектор.

— Этого я не говорил, — с достоинством отверг обвинение старик. — Но я мог бы это сказать, поскольку я и в самом деле инспектор. Хотя и на пенсии, однако можно сказать, что инспектор.

— Так кто же вы, черт побери?! — завопил майор. Выдернув заложенную за воротник салфетку, он машинально скрутил ее и хлопнул ею, как ремнем.

— Значит, ты не помнишь улицу Мынтуля-сы? А ведь когда ты учился в начальной школе на этой улице, на переменах ты любил лазить по вишневым деревьям. Однажды сорвался и разбил себе голову. Директор школы взял тебя на руки и отнес в канцелярию, чтобы перевязать. Разве ты не помнишь? На следующий день был праздник Десятого мая*, и ты был горд, что явился с перевязанной головой. Директор спросил тебя: «Ну как голова, Борза?» И ты ответил: «Боюсь за стихи, господин директор, наверное, не смогу заучивать их наизусть». Учить стихи — этого ты терпеть не мог, — улыбнулся старик. — Так вот, этим директором был я, учитель Фэрымэ, Захария Фэрымэ, который пятнадцать лет был директором школы на улице Мынтулясы, а потом школьным инспектором, до выхода на пенсию... Все еще не припоминаешь?

* 10 мая — День провозглашения Румынии королевством.

Майор, насупившись, внимательно слушал старика.

— Вы издеваетесь надо мной, — зашипел он сквозь зубы. — Не будь вы старым человеком, я бы вас на месте арестовал. Вы проникли в мой дом, заявив, что вы инспектор...

— Я этого не говорил.

— Молчите, когда я говорю! — Майор грозно двинулся на старика. — Вы обманом проникли в мою квартиру. Значит, у вас есть какая-то цель. А ну, говорите быстро и не злите меня: зачем вы сюда явились?

Старик дрожащей рукой провел по лицу и тяжело вздохнул.

— Прошу вас не сердиться, — заговорил он упавшим голосом. — Я вовсе не предполагал, что доставлю вам неприятность. Возможно, произошла какая-то ошибка, тогда я приношу свои извинения. Разве вы не господин майор Василе Борза из Министерства безопасности?

— Это я, но не господин, а товарищ майор Василе Борза. А вы тут при чем? Почему вас интересует майор Борза?

— Тогда прошу прощения, вы учились у меня в школе на улице Мынтулясы. Я могу сказать, когда это было: между девятьсот двенадцатым и пятнадцатым годами. Вот видите, хотя с тех пор минуло более тридцати лет, я все помню. Память о каждом классе у меня связана с какими-нибудь учениками, не всегда самыми лучшими, — через силу улыбнулся старик, — но такими, в ком я чувствовал что-то особенное. Я и потом, насколько это было возможно, старался следить, как они учатся в гимназии, в университете... Правда, вас я потерял из виду: в шестнадцатом году* началась война, и это многое объясняет. Вас увезли в провинцию...

Майор время от времени поглядывал на дверь в соседнюю комнату.

— Послушайте, господин директор, — произнес он не столь раздраженно, хотя и сурово. — Я вовсе не тот, за кого вы меня принимаете, ни лицеев, ни университетов я не кончал. Я выходец из народа. Много довелось мне в жизни испытать, но никогда у меня не было ни времени, ни денег, чтобы болтаться в высших учебных заведениях...

— Я же говорю про начальную школу на улице Мынтулясы.

— А я вас предупреждал, что меня не следует прерывать, когда я говорю. Все эти штучки с учеными степенями и факультетами нам известны, чепуха все это! Прошли времена разных степеней, дипломов и прочего вздора! Мы похоронили этот ваш режим! — воскликнул майор, словно обращаясь к соседней комнате. — Режим эксплуататоров! — Голос его зазвучал еще громче. — Теперь взял слово трудовой народ! Зарубите это на носу, пока не поздно! Понятно?

— Понятно, — склонил голову старик. — Прошу меня извинить. Произошла ошибка, не по моей вине...

* В 1916 г. Румыния вступила в Первую мировую войну на стороне России, Англии и Франции.

Майор пристально посмотрел на него и ухмыльнулся:

— Надеюсь, что это ошибка, иначе вам было бы худо. А теперь благодарите Бога, что я не разозлился, и мотайте отсюда!

Короткая лапа майора указала на дверь.

— Всего вам доброго, — проговорил Фэримэ, — счастливо оставаться. Еще раз прошу извинить меня...

Пятясь задом, старик выбрался из кабинета и, испуганно семеня, пересек гостиную. Борза расхохотался, тут же придя в хорошее настроение.

— Анета! — крикнул он от двери. — Принеси нам быстренько кофе! — Подошел к другой двери и распахнул ее. — Что ты скажешь, Думитреску, ну и ахинея!

Из столовой вышел еще довольно молодой шатен с прилизанными волосами, коротко подстриженными усиками, маленьким ртом и такими тонкими губами, что казалось, будто их вовсе нет. На болезненном, землистом лице выделялись желтые глаза под синеватыми веками.

— Что-то подозрительное, — натужно улыбнулся Думитреску. — Мне это кажется подозрительным.

Борза мгновенно изменился в лице.

— Мне тоже кажется, — согласился он. — Уверяет, что ошибся, но можно ли ему верить?

— Версия с перепутанными именами шита белыми нитками. Чтобы было два Василе по фамилии Борза, примерно одного возраста, в одном и том же городе — не очень-то верится. Этот тип что-то знает. — Думитреску улыбнулся. — Ему что-то нужно. Обрати внимание, он узнал твой адрес, хотя ты только-только сменил квартиру.

— Я его арестую! — взорвался Борза. — Немедленно!

— Подожди, не торопись. — Думитреску подошел к окну. — Если он что-то вынюхивает, лучше мы сами начнем за ним следить.

Отогнув край занавески, он выглянул на улицу.

— Еще не спустился. Все это кажется очень подозрительным, — проговорил он, продолжая наблюдать за улицей. — Вполне возможно, что здесь кроется что-то серьезное. Возможно, он тебя ни с кем не путает, а преследует какую-то цель, потому что знает, кто ты такой. Возможно, он прав и ты учился у него, в школе на улице Мынтулясы.

— Что за шуточки! — нахмурился Борза. — Все знают, что вышел я из народа и не ходил в школу...

— Борза, — прервал его Думитреску, не поворачивая головы, — ничего постыдного нет, если ты ходил в начальную школу на улице Мынтулясы. В начальной школе и при старом режиме могли учиться бедные и честные люди...

— А я утверждаю, что не ходил в начальную школу на улице Мынтулясы! — возмутился Борза. — И даже не знаю, где такая находится.

— Она здесь, совсем рядом, — проговорил Думитреску, упершись лбом в стекло.

— Возможно. Но я тебе сказал и повторяю, что не знаю никакой школы. Детство мое прошло в Тей. Отец был возчиком... Что еще стряслось, почему нету кофе? — процедил он сквозь зубы и шагнул к двери. — Вот-вот явится инспектор, а я хочу спокойно выпить кофе.

— Наконец-то выбрался на улицу, — сообщил Думитреску и, открыв створку окна, выглянул наружу. — Надо бы позвонить, чтобы установили слежку... Не торопись, — предостерег он, оборачиваясь и пристально глядя на Борзу. — Он что-то знает. Будь начеку.

На рассвете следующего дня Фэрымэ разбудил офицер Службы безопасности:

— Пройдемте со мной. Нужно получить от вас некоторые сведения. С собой ничего не берите. Вы там пробудете недолго.

Во дворе стояло еще несколько людей в форме, а перед домом ожидала машина. Все уселись, не проронив ни слова. Старика била дрожь.

— Жаркий будет денек, — выдал он из себя, пытаясь улыбнуться.

Машина остановилась перед зданием Министерства безопасности. Фэрымэ провели по длинным коридорам, а потом в грузовом лифте, который доставлял строительные материалы на еще недостроенный этаж, подняли наверх. Он и не заметил, на каком этаже остановились. Вся группа вышла из лифта с противоположной стороны и двинулась по сумрачному коридору, освещенному редкими тусклыми лампочками. Потом спустились на несколько лестничных маршей вниз и попали как бы совсем в другое здание: здесь были широкие чистые окна, блестящий паркет, стены выкрашены белой краской. Перед одной из многочисленных дверей офицер подал знак остановиться, но внутрь вошел один. Через некоторое время он вышел в сопровождении сутулого чиновника, зажавшего под мышкой папки. Все снова двинулись вперед по коридору, который, казалось, описывал правильный прямоугольник, остановились перед другим лифтом и на нем спустились вниз. Фэрымэ хотелось посчитать этажи, но он был зажат между двумя офицерами, а спиной чувствовал папки в руках чиновника, и ему было ни до чего. Выходя из кабины, они столкнулись с группой служащих, скопившихся в ожидании лифта. Краешком глаза Фэрымэ заметил несколько фигур в форме Службы безопасности, замешавшихся среди штатских. На этот раз путешествие по коридору не было продолжительным. Чиновник с папками остановился у первой же двери справа и без стука вошел в кабинет. Вскоре оттуда вышел молодой человек в очках, культурного вида и жестом пригласил одного из офицеров за собой. Через некоторое время дверь снова открылась и появился другой чиновник. Пристально посмотрев и глаза старику, он спросил:

— Вы утверждаете, что являетесь Захарией Фэрымэ, бывшим директором... начальной школы номер семнадцать по улице Мынтулясы?

— Да, — торжественно подтвердил Фэрымэ. — Я был также и школьным инспектором, — добавил он, прокашлявшись.

Чиновник еще раз внимательно посмотрел на него, слегка нахмурился и проговорил как бы про себя:

— Странно!.. — и тут же исчез за дверью.

Прошло много времени, прежде чем он появился вновь. Фэрымэ переминался с ноги на ногу — болели колени.

— Прошу заходить.

Они оказались в приемной с одним окном и несколькими дверями. По стенам стояли скамейки. Чиновник направился к самой дальней двери, бросив на ходу:

— Следуйте за мной.

Все вошли в кабинет. Единственный стол был уставлен телефонами. Откинувшись на спинку стула и играя карандашом, их ожидал Думитреску.

— С какого времени вы знаете товарища Борзу?

— С той поры, когда он был вот таким, — улыбнулся Фэрымэ, показывая рукой над полом. — Он учился в моей школе.

— А откуда вы знаете, что это был он?

— Видите ли, именно в этом весь вопрос. До вчерашнего дня, до двух часов дня, я мог поклясться, что это был он, господин майор Василе Борза. Но я побывал у него, и он мне заявил, что ничего не помнит.

— Что же вам понадобилось у товарища майора? Как вы узнали его адрес?

— Я вам скажу, как это произошло, — начал Фэрымэ, словно приготовился рассказывать длинную историю. — Это было несколько недель назад, еще в июле. Как-то раз прогуливался я по бульвару, потому что именно там я люблю гулять, возле школы. Шел я от памятника Паке Протопопеску, чтобы вернуться по улице Мынтулясы. Присел на скамейку отдохнуть, вдруг вижу — перед домом номер сто тридцать восемь, можно сказать прямо перед моим носом, останавливается грузовик. Соскакивают молодые люди, несколько милиционеров и начинают сгружать вещи. Потом кто-то вышел из дому и распорядился, чтобы все грузили обратно. Он крикнул: «На четвертый этаж въезжает товарищ майор Василе Борза!» Я тут же вспомнил, каким он был, этот мальчик, Борза Василе. Вспомнил и о том, что случилось с ним и сыном раввина...

— Что же с ним случилось? — любопытно спросил Думитреску.

— О, это длинная история. Длинная и странная, можно даже сказать — таинственная. В свое время о ней писали в газетах, но могу заверить, она так и осталась тайной.

— Что это за история? — настойчиво повторил Думитреску. — Почему вы думаете, что она осталась тайной?

— Осталась тайной, потому что никто не обратил на нее внимания. — Фэрымэ, казалось, даже оживился. — Но чтобы вам все было понятно, я должен вам сообщить, что сначала Борзы там не было, то есть в погребке вместе с сыном раввина. Петру Дарвари — вот про него действительно можно сказать, что он был в гуще событий. Этот мальчик был весьма изобретательным. Я следил за его жизнью до последнего дня, пока он не исчез вместе со своим самолетом между Змеиным островом и Одессой, пропал бесследно. Этот Дарвари, о котором я вам рассказываю, узнал, что его приятель Алдя, учившийся в другой школе, на Каля-Мошилор, познакомился в Текиргьоле с одним татарчонок, который зарабатывал себе на жизнь тем, что ходил с одной дачи на другую и истреблял мух. Да, я могу подтвердить, слово это точно выражает смысл, он именно истреблял их. Не видел бы я этого собственными глазами, я бы не поверил. Потому что, должен вам сказать, на следующий год я сам был в Текиргьоле и познакомился с ним. Этот татарчонок был существом совершенно исключительным. Я его вижу как сейчас: бритая голова, глаза, словно черные бусины, не мальчишка — огонь. Кажется, так и слышу: «У вас в доме много мух?» По-румынски он говорил прекрасно, ведь учился в Констанце, хотя и с татарским акцентом. «У вас есть мухи?» — спрашивал он. Сначала он стучался в дверь, потом, не заходя в комнату, спрашивал из коридора: «У вас много мух?» Голос его звучал чуть-чуть насмешливо, словно он намеревался этих мух покупать, но раз уж по случаю, то, значит, и по дешевке. Но я расскажу вам, что произошло со мной. Я уже слышал о нем, но еще не встречал. Дача, где я снял себе на лето комнату, стояла на холме. И была она самой крайней в селе. «Вилла Корнелия» — так она называлась. Поэтому татарчонок добрался до нее позже всех. Но все-таки добрался, потому что истребление мух было его занятием, так он зарабатывал себе на хлеб. Было часа два пополудни. Я спал. Вдруг слышу стук в дверь. «Мухи есть?» Я вскочил с постели. У меня тоже были мухи, как и во всем Текиргьоле, но больше всего мне хотелось завести с ним знакомство, с этим мальчишкой. «Вполне достаточно. А что ты хочешь с ними делать?» — «Я их выгоню, и ни одна не появится в течение недели. Если появится хоть одна, вы не дадите мне ни гроша». — «Сколько ты просишь?» — «Один лей. Половину сейчас, остальное через неделю. Если вы мне покажете в комнате хоть одну муху, я возвращаю деньги». — «Согласен, — гово-

рю — Посмотрим, что получится...» — Вдруг голос Фэрымэ совсем изменился. — Прощу прощения, если это вас не очень затруднит, то у меня будет к вам просьба...

— Что вы хотите? — подбодрил его Думитреску.

— Я бы попросил вас разрешить мне отдохнуть немного на стуле. Я падаю от усталости. У меня что-то вроде ревматизма.

— Садитесь, — разрешил Думитреску и кивнул на стул.

Фэрымэ поклонился и, глубоко вздохнув, сел.

— Премного вам благодарен, — вымолвил он. — Я с самого начала заметил, что у вас доброе сердце. Вы очень похожи на одного моего доброго приятеля, некоего Доробанцу...

— Это к делу не относится, — оборвал его Думитреску. — Я вас спросил, что вам понадобилось у товарища майора Борзы. Вы начали издалека, но на мой вопрос так и не ответили.

— Понимаете, как раз об этом я и хотел сказать. Я сидел на скамейке перед домом номер сто тридцать восемь и вспоминал о нем, как он учился в моей школе по улице Мынтулясы. Там мне и пришло в голову: схожу-ка я посмотрю на него. Он многого достиг, теперь он майор... Побеседуем немножко, вспомним школу. Я поинтересуюсь, не знает ли он чего-нибудь о Ликсандру. Ведь в четвертом классе он сдружился с Ликсандру — водой не разольешь. Ликсандру этот тоже был странным мальчиком, мечтателем, своего рода поэтом. Учился он в четвертом классе, хотя было ему уже лет тринадцать-четырнадцать. Он поздно пошел в школу, потому что несколько лет подряд все болел. Но когда он попал в мою школу, то оказался блистательным учеником. Он мог бы за год пройти не два, а целых три класса, что, впрочем, он и сделал позднее, когда поступил в лицей... Вот я и хотел спросить господина майора, не знает ли он чего-нибудь о нем.

— Как, вы сказали, его зовут? — вздрогнул Думитреску, словно пробуждаясь от сна.

— Ликсандру. Георге Ликсандру.

— Так в чем же дело? Какое отношение он имеет к товарищу Борзе?

— Самое прямое, — заверил Фэрымэ, покачивая головой. — Они были как братья. Когда Ликсандру убежал из дому, Борза скрывал его. Конечно, не в своем доме, а в погребе на Майдане. Потому что, надо вам сказать, все эти мальчишки после случая с сыном раввина питали огромную слабость к заброшенным погребам и подвалам. В те времена перед Университетом был большой пустырь, который называли Майданом возле примэрии*, там были сложены каменные блоки, из которых после войны построили новое крыло университетского здания. Как сейчас вижу: огромные блоки из белого с голубоватым оттенком камня.

— Это к делу не относится, — прервал его Думитреску. — Вы что-то говорили о погребе, а также упоминали о тайне сына раввина. Какая здесь связь?

— А связь такая, что сын раввина исчез в подвале. Исчез бесследно. Будто сквозь землю провалился. Но я должен уточнить, что правда, то правда: этот мальчик, Иози, знал, что исчезнет. Он со всеми попрощался, всех обнял и потом бросился в воду. С тех пор его никто больше не видел.

— Что вы говорите?! Где это произошло?

— В заброшенном подвале неподалеку от Церкви-под-липами. Но для того чтобы вам все стало понятно, надо знать всю историю, а она очень длинная... Вы мне разрешите закурить? — попросил Фэрымэ.

— Пожалуйста.

— Я вам очень признателен, — поблагодарил старик, доставая из кармана табакерку. — Всю жизнь я был страстный курильщик, но теперь могу сказать, что бросил

* Мэрия (рум.).

курить. Лишь изредка балуюсь. Я сам кручу папиросы, — пояснил он. — А вы, вероятно, не курите?

— Нет.

— И правильно делаете, — заметил Фэримэ, — я слышал, что курение вызывает рак.

Заклеив самокрутку, он прикурил и жадно затянулся. Губы его тронула улыбка, и он мечтательно прикрыл глаза.

— Это длинная история, — заговорил он. — Чтобы в ней разобраться, следует знать, что все началось с Абдула, этого татарчонка, о котором уже шла речь. Как я говорил, его я видел за работой. Он вошел в комнату, сел по-турецки, достал из-за пазухи нечто вроде кожаного кошель и принялся бормотать на своем языке. И тут я увидел такое, чего не видывал за всю свою жизнь: я увидел, как мухи черным роем закружились над его головой и, когда они все собрались в один черный клубок, Абдул загнал их в кошель. Он закрыл кошель, снова спрятал его за пазуху и, улыбаясь, поднялся на ноги. Я дал ему монетку, и должен сказать, что целую неделю, но только ровно неделю, я не видел ни одной мухи в своей комнате. Они жужжали в коридоре, вились возле окна, но ни одна не решалась влететь в комнату. Через неделю Абдул явился за деньгами. А на следующий день, то есть на восьмой после его колдовства, комната наполнилась мухами, даже в большем количестве, чем раньше. Вполне понятно, что я снова позвал Абдула, чтобы избавиться от них. Так он приходил ко мне трижды, пока я жил на «Вилле Корнелия»... Алдя же подружился с Абдулом годом раньше. Потом я узнал от Ликсандру, что, вернувшись осенью в Бухарест, Алдя обладал секретом, который открыл ему Абдул. Насколько я понял, секрет этот состоял примерно вот в чем: если попадетесь какой-нибудь заброшенный подвал, залитый водой, нужно присмотреться, не обнаружатся ли там некие знаки, а если они обнаружатся, значит, этот подвал — заколдованное место, оттуда можно попасть в иной мир.

— Что вы говорите? — воскликнул, усмехаясь, Думитреску.

— Да, похоже, что этому научил его Абдул. Возможно, он научил его и еще кое-чему, но мне Ликсандру об этом ничего не рассказывал. Ведь всю эту историю именно от Ликсандру я и узнал. Алдя и Ликсандру вместе с Йози, сыном раввина, проживавшим на Каля-Мошилор, начали в том году шататься по пустырям вокруг Бухареста в поисках заброшенных погребов и подвалов. Много их оказалось, но только два были наполнены водой. И, как рассказывал Ликсандру, только в одном обнаружили они знаки, о которых говорил Абдул.

— Какие знаки? — спросил Думитреску.

— Этого я не знаю, в эту тайну меня не посвящали. Потом я узнал, что мальчишки ходили с длинной палкой, повесив на конец ее старую сумку. Палку потом, после несчастья, нашли сломанную пополам, а сумка бесследно исчезла. Возможно, что сын раввина прихватил ее с собой. Все это изложено в протоколе допроса, так же писали и газеты. Ликсандру первый бросился в воду вниз головой и пробыл под водой несколько минут. Когда он вынырнул, то был белый как мел и дрожал от холода. Он сказал товарищам: «Пробудь я там еще немного, вы бы меня больше не увидели». И добавил: «Знайте, что там красиво как в сказке». Потом, тоже головой вперед, нырнул Дарвари, но он тут же выскочил, лязгая зубами. «Я лучше завтра нырну, а то сегодня уже поздно». Потом ныряли Алдя и Ионеску. Ионеску выскочил очень скоро, дрожа всем телом. Алдя был хороший пловец, он нырял несколько раз. Под конец сказал: «Вроде мелькнуло зарево, а больше ничего». Он в последний раз погрузился на дно, пробыл под водой довольно долго и вынырнул изумленный. «Была как бриллиантовая пещера, вся светилась, будто горели тысячи свечей...» — «Я тоже хочу посмотреть!» — воскликнул сын раввина. Попрощавшись со всеми, обняв Алдю и Ликсандру, он бросил-

ся вниз головой и больше не появился. Мальчики ждали его до самого вечера, потом, поклявшись друг другу не выдавать никому знаков, какие были им известны, разошлись по домам. На следующий день Ликсандру пошел к раввину узнать, вернулся ли его сын. Йози не вернулся, и полиция разыскивала его по всем пустырям. Когда миновал третий день, а Йози так и не нашелся, Ликсандру явился ко мне рассказать, что же произошло. Пришел он вместе с Борзой, хотя тот и не был причастен к этой истории. Снова возобновились поиски, и сразу же возникли разные недоразумения. Хотя все мальчики утверждали, что воды в погребке было много и глубина там была более двух метров, когда же полиция стала замерять, воды оказалось менее чем на метр. Мальчика искали всюду, увы — тщетно. Потом привезли насос, выкачали из погребка воду, но тела там не оказалось. Тогда стали копать, и на дне обнаружилась древняя кладка. Вмешалась археологическая комиссия и продолжила раскопки. Были найдены остатки средневековых укреплений, потом, еще ниже, следы стоянки древнего человека. Но никаких следов мальчика не нашли.

— Когда это произошло? — спросил Думитреску.

— В октябре пятнадцатого года, в начале месяца, то ли пятого, то ли шестого.

Думитреску записал в блокнот.

— В какой части города находился погреб?

— Неподалеку от Обора, на пустыре, который в те времена тянулся от Обора до начала бульвара Паке Протопопеску. Я видел этот погреб, осматривал и археологические раскопки. Но теперь от всего этого ничего не осталось. Когда в ноябре шестнадцатого пришли немцы*, они устроили на пустыре склад боеприпасов, а при отступлении взорвали его. От всего околотка ничего не осталось. После войны это место застроили заново. И теперь там только новые дома.

— В этих поисках принимал участие и Борза? — спросил Думитреску.

— Он приходил вместе с Ликсандру. Ему тоже все было известно, хотя прямого участия в этой истории он не принимал.

— Хорошо, — усмехнулся Думитреску. — На сегодня хватит. Мы еще с вами поговорим.

Лицо его выражало чрезвычайную озабоченность, когда он нажимал кнопку.

— Проводи его в зону Б, — сказал он вошедшему охраннику. — Пусть в столовой его накормят.

— Большое спасибо, — поблагодарил Фэрымэ, поднимаясь со стула и откланиваясь.

3

Через три дня Думитреску снова обедал у Борзы. Когда приступили к кофе, он, вертя между пальцами зубочистку и рассеянно оглядывая стену, на которой висело несколько деревянных резных блюд и керамических тарелок из Трансильвании, как бы между прочим сообщил:

— Третий отдел посылал запрос в библиотеку Академии. Они проверили подшивки газет за пятнадцатый год. Ты знаешь, ведь Фэрымэ прав. Все происходило именно так, как он рассказывал: Йози, сын раввина, прыгнул в подвал и исчез. Даже труп его не нашли. Исчез бесследно... Ты никогда не слышал этой истории? Ничего не помнишь? — Думитреску повернулся и посмотрел Борзе прямо в глаза.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. — Борза выдернул заложенную за воротник салфетку и вытер ею лицо.

— Я говорю о Фэрымэ, директоре твоей школы по улице Мынтулясы.

* В 1916 году, 23 ноября по старому стилю, немецкие войска оккупировали Бухарест.

Борза молча положил салфетку и откинулся на спинку стула.

— Да, — улыбаясь, продолжил Думитреску, — он у нас. Я задержал его для расследования. Мне кажется подозрительным...

— Значит... — Борза открыл рот, наливаясь кровью, — значит, поэтому и привратника сменили?

— Одно с другим не связано, — возразил Думитреску. — Он просто получил другое задание. Однако, возвращаясь к твоему директору Фэрымэ, нужно сказать, что он престранный человек. У него исключительная память — помнит мельчайшие подробности. Он мне рассказывал, что ты в четвертом классе начальной школы...

— Я ведь тебе говорил, что не знаю его и в его школе никогда не учился! Я тебе уже говорил, что родился в Тей и детство мое прошло там же, в Тей!

— В этом-то вся закавыка. Уж раз ты заговорил об этом, я вынужден тебе сказать. В твоё время в Тей было три начальные школы, две мужские и одна смешанная...

— Ну и в чём же дело? — нервно перебил его Борза.

— А дело в том, что в списках учеников ни в одной из этих школ нет твоей фамилии.

— А ты откуда знаешь?

— Были проверены списки.

Борза побледнел. В упор глянув на Думитреску, он стукнул кулаком по столу.

— Анета! — крикнул он. — Приготовь кофе и принеси бутылку рома!

— Я же тебе говорил, что директор показался мне подозрительным, — все так же спокойно продолжал Думитреску. — Тогда я начал расследование.

— Где он, этот чертов директор, я его живьем съем! — снова грохнул кулаком по столу Борза. — Попадись он мне хотя бы на одну ночь, все эти списки учеников на его шкуре бы отпечатались! Я бы его научил, как наушничать да интриги плести!

Думитреску пожал плечами и натужно улыбнулся.

— Товарищ Борза, — заговорил он тихим голосом, — напрасно ты злишься на директора. По крайней мере к этой истории он вовсе не причастен. То, что он подозрителен, это другой вопрос. И когда мы узнаем, с какой целью он являлся к тебе, мы тебя поставим в известность, и все будет в порядке... Что же касается тебя и школы на улице Мынтулясы, тут он не виноват. Ты числишься в списках школы по улице Мынтулясы с тринадцатого по шестнадцатый год, а в списках школ околотка Тей твоей фамилии нет. Но уж если ты признал, что окончил начальную школу, а без начальной школы тебя не могли бы назначить на пост майора, нет никакого смысла противоречить Фэрымэ. С другой стороны, вполне возможно, что ты учился в школе на улице Мынтулясы, но забыл об этом. С тех пор прошло больше тридцати лет. Кто может помнить, что происходило тридцать с лишним лет тому назад?

— Ты говоришь, я мог забыть... — задумчиво произнес Борза. — А знаешь, ведь ты прав: я действительно забыл. У меня было тяжелое детство. Общество преследовало меня.

— Да, что выпало на твою долю, так это просто ужас! — воскликнул Думитреску, и в голосе прозвучало восхищение. — Что за друзья у тебя были, какие странные типы! Будто из какого-то романа.

— Что с них взять — дети, — смущенно буркнул Борза.

— Нет, тут совсем другое, — продолжал Думитреску, и голос его зазвучал элегически. — Ты застал иные времена, твоё детство протекало еще до той войны. Тебе выпало счастье подружиться с умными, предприимчивыми ребятами. Особенно с Ликсандру и еще, как его там зовут, с тем, который стрелял из лука...

— Вроде бы что-то припоминаю, — мечтательно произнес Борза. — Но, по правде говоря, — тут же спохватился он, — самое интересное я позабыл. Теперь, когда ты упомянул, я вроде бы вспомнил, что один мальчишка стрелял из лука, вот и все.

Вошла Анета с подносом. Принесла кофе и бутылку рому. Поставив поднос на стол, она и сама хотела присесть, но Борза так посмотрел на нее, что она смутилась, откупорила бутылку, налила две рюмки и удалилась. Борза, опрокинув рюмку, тут же торопливо наполнил ее до краев.

— И что же вы теперь думаете делать с этим директором? Долго продержите?

Думитреску задумчиво покрутил зубочистку между пальцами.

— Это не от нас зависит, — сообщил он. — Сначала нужно, чтобы он закончил писать свои показания. По мере того как он пишет, мы ведем расследование. В конце концов мы узнаем, чего он от тебя хотел. Пока ясно только одно: он вызывает подозрение. Все эти истории про школу на улице Мынтулясы он рассказывает, чтобы оттянуть время. Но ничего, — улыбнулся Думитреску, — мы его заставим заговорить. Время у нас есть. Мы не торопимся.

— Я и сам себя все время спрашиваю: что ему от меня нужно? — задумчиво произнес Борза. — А когда вы его спрашивали, он вам что-нибудь сказал?

— Да. Вот тут, я думаю, он и совершил первую ошибку. — Думитреску вдруг ожил. — Он сам не заметил, как выдал себя. Когда я вторично прочел его показания, я убедился, что он что-то скрывает, но против собственного желания дает нам в руки важную нить. Он сказал, что пришел, чтобы повидать тебя и поговорить с тобой, вспомнить детство и спросить, не известно ли тебе чего-нибудь еще о Ликсандру. Не знаю, понял ли ты...

— Вроде бы...

— Этот Ликсандру, по словам Фэрымэ, был связан дружескими отношениями с тобой и еще с одним парнем — Дарвари. А Дарвари — я это сам проверил — исчез вместе со своим самолетом в тридцатом году между Змеиным островом и Одессой. Есть некоторые указания на то, что он мог сбежать в Россию. И это в тридцатом году! Не знаю, правильно ли ты это оцениваешь. Теперь мы этот факт расследуем. Вполне возможно, что Фэрымэ встречался с ним, и неоднократно, в течение многих лет, даже после того, как Дарвари окончил военную школу и получил диплом летчика. Ведь, по его собственному признанию, директор очень часто виделся с лучшим другом Дарвари — Ликсандру... Думаю, что именно здесь нужно искать начало нити. — И Думитреску многозначительно подмигнул.

— Хоть убей, ничего не помню! — совершенно безнадежным голосом проямлил Борза.

— Когда же старик рассказал мне, как вы стреляли из лука, я убедился: повидаться с тобой он хотел именно ради того, чтобы узнать о Ликсандру и Дарвари, выведать, не знаешь ли ты чего новенького о них. Потому что — об этом-то, я надеюсь, ты помнишь — вы все встречались на Майдане возле примэрии и стреляли из лука.

— Да. Стреляли, — кивнул Борза.

— Хорошо. А не кажется ли тебе странным, что именно с ним, именно с Ликсандру, случилось то, что случилось? — Думитреску заглянул в глаза собеседника.

Борза конвульсивно сглотнул, взял рюмку и выпил ее одним духом.

— Да разрази меня гром, если я чего-нибудь помню! — воскликнул он и принялся вытирать лицо салфеткой.

— Значит, ты склеротик! — ухмыльнулся Думитреску. — Совсем потерял память.

— Знаешь, ты прав. Я потерял память из-за побоев. Я ведь тебе рассказывал, как меня пытали в подвалах префектуры...

— Но то, что случилось тогда, вряд ли можно забыть даже тридцать с лишним лет спустя, — продолжал Думитреску. — Вы собирались на пустыре и стреляли из лука. Тот случай заставил вас задуматься. Ваши стрелы обычно летели метров на двенадцать — пятнадцать. А когда выстрелил Ликсандру, вы увидели, что стрела пролетела

над каменными блоками, которые, как ты помнишь, были там навалены для строительства Университета. Вы увидели, как она, пролетев над пустырем, полетела дальше — прямо к памятнику Брэтиану. Вы бросились за ней, испугавшись, как бы она не попала в какого-нибудь прохожего. Вы искали ее на бульваре, возле памятника, но так и не нашли. С тех пор вы стреляли только вверх. Натягивали тетиву изо всех сил, и стрелы летели самое большее метров на двадцать. Все шло своим чередом, пока лук вновь не оказался в руках Ликсандру. Вы увидели, как стрела взвилась ввысь. Вы следили за ней, задрав головы, пока не заболели затылки. Совсем потеряв ее из виду, вы уселись на камни и стали ждать, когда же она упадет. Вам стало страшно, что стрела может обрушиться с невероятной силой, и вы спрятались между камнями. Вы прождали часа два, но стрела так и не вернулась.

— Не может быть! — не поверил Борза. — Когда это случилось?

— По словам Фэрымэ, это случилось весной шестнадцатого года, в апреле—мае, во время пасхальных каникул. Ну, что ты скажешь? — многозначительно усмехнулся Думитреску. — Тебе не кажется это подозрительным? Ты не видишь здесь никакой связи?.. Именно из-за этого господин директор и захотел тебя увидеть, — неожиданно повысил он голос.

— Наверно, из-за этого, — растерянно пробормотал Борза.

Думитреску добродушно рассмеялся и налил себе рому.

— Не порти себе кровь. Мы его поставим на место. Нужно только немножечко терпения. Я заставил его написать все, что ему известно о Ликсандру и Дарвари. Он уже дважды просил бумагу, и это за три дня! Пишет он красиво, связно, можно сказать художественно, но почерк разбирать тяжело. Теперь все, что он написал до вчерашнего дня, перепечатавают. По своей привычке он начал издали. Я все утро читал и не дошел еще до Дарвари. Он описал целую историю с вашей подружкой из Обора, Оаной, дочкой корчмаря, если ты помнишь ее. Тоже была необыкновенная девушка — рост два метра сорок два сантиметра. Фэрымэ начал историю с конца, с того, как она вышла замуж за великана эстонца и оба они завещали свои скелеты Дерптскому университету. Я распорядился, чтобы послали туда запрос. Посмотрим, что окажется правдой в этой истории.

4

Всю неделю, что последовала за арестом, Фэрымэ провел склонившись над дощатым столом — писал. Его перевели в другую камеру, в старом крыле здания. Здесь была железная койка без тюфяка, табуретка и стол. В окошко ничего не было видно, кроме серой стены. Два раза в день охранник приносил из столовой еду. Иногда Фэрымэ вставал из-за стола и стучал в дверь. Охранник забирал стопку исписанных листов и вскоре появлялся с пачкой чистой бумаги. Писал Фэрымэ с обеих сторон — такое указание последовало после того, как он истратил первую порцию бумаги. Всякий раз, когда его вызывали на допрос, ему указывалось на то, чтобы писал разборчивее. Сначала Фэрымэ прилагал все усилия, выводил каждую букву, но вскоре, захваченный воспоминаниями, возвращался к своей привычной скорописи.

Старик подозревал, что именно из-за непонятного почерка его так часто вызывают на допросы. Иногда от него требовали, чтобы он ночью пересказал то, о чем писал днем. Приходил охранник, и они отправлялись каждый раз новым путем: тащились по длинным коридорам, спускались и поднимались по лестницам, пересекали огромные, то абсолютно темные, то слишком ярко освещенные, но совершенно пустые залы, где лишь изредка можно было заметить милиционера, сидевшего в углу и боровшегося со сном. Неожиданно охранник останавливался перед стеной, нажимал на

кнопку, и за их спиной появлялась кабина лифта, в которой они или спускались вниз, или поднимались вверх. Потом охранник стучался в дверь и вводил Фэрымэ в кабинет, залитый ослепительным светом. В глубине кабинета, поигрывая карандашом, его ожидал улыбающийся Думитреску.

Так продолжалось в течение двух недель. Однажды утром охранник распахнул дверь и крикнул:

— На выход!

Фэрымэ удивленно поднял голову от стола.

— Я только что сел писать, — просительно заговорил он. — Мне бы так не хотелось отрываться...

— Приказано! — отрубил охранник.

Фэрымэ аккуратно положил ручку на промокашку, заткнул пробкой пузырек с чернилами и вышел. На этот раз путь был короче, чем обычно. Охранник передал Фэрымэ милиционеру, который подвел его к совершенно новому лифту. Спустившись вниз, они вышли во двор, прошли несколько шагов по асфальту возле стены и вошли в другой корпус. Сопровождающий остановился перед дверью на первом этаже и постучал. Открыл молодой человек, весь так и сияющий улыбкой.

— Вы будете Фэрымэ, директор школы на улице Мынтулясы?

— Совершенно верно, — вежливо поклонился старик.

— Следуйте за мной, — пригласил молодой человек. — А ты подожди внизу, — кивнул он милиционеру.

Молодой человек провел Фэрымэ через зал, открыл дверь и пропустил его внутрь. За дверью оказалась просторная, роскошно обставленная комната со множеством окон. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, с седыми висками, приплюснутым носом и необычно тонкими губами.

— Ну-ка, ну-ка, — начал он весьма оживленно, — расскажите-ка, Фэрымэ, что там было с Оаной...

— Это длинная история, — засмутился старик. — Чтобы вы все поняли, вначале нужно узнать, что случилось с ее дедушкой, лесником. По моему разумению, все началось с него: он нарушил клятву, данную старшему сыну паши из Силистрии. Деду этому, когда я с ним познакомился, сравнялось девяносто шесть лет. Еще мальчишкой был он схвачен турками при попытке взорвать гарнизонный пороховой склад в Силистрии. По приговору его должны были сунуть в мешок и, привязав к ногам камень, бросить в Дунай, ибо только так поступали турки с детьми неверных, гяуров: их не вешали, не рубили им головы, их топили. Но этого мальчишку спас старший сын паши, который попросил отдать ему преступника в рабы. Были они примерно одного возраста, быстро подружились и стали жить как братья. Лет десять провели они неразлучно. Сына паши звали Селим. Он бы тоже стал в своей стране большим человеком, если б его названный брат не нарушил клятвы. Но чтобы вам стало понятно, как все это произошло, я должен сказать, что паша женил своего сына Селима, когда тому было шестнадцать лет. Привел ему сразу двух жен: одна была отуреченной гречанкой из Фанара, а вторая — турчанкой...

— Не надо, Фэрымэ, — прервал хозяин кабинета. — Бросьте эту историю. Я вам задал конкретный вопрос: что случилось с Оаной?

— Мне весьма затруднительно ответить, — стал извиняться Фэрымэ, — поскольку, по моему разумению, все произошло из-за ее деда, лесника...

— К черту лесника, — растягивая в улыбке тонкие губы, прервал его хозяин кабинета. — Расскажите, что вы сами знаете про Оану. Когда вы с ней познакомились? Как она выглядела?

Фэрымэ безнадежно покачал головой, давая понять, что его попросили раскрыть суть дела, при этом запретив рассказывать, что именно произошло.

— Когда в девятьсот пятнадцатом году я узнал ее, — наконец заговорил старик, — было в ней два метра росту и тринадцать лет от роду. Но не просто высокой она была. Это была сильная, хорошо сложенная и красивая, словно античная статуя, девушка с черными глазами, длинными белокурыми волосами, откинутыми за спину. Ходила она босиком и прыгала на неоседланную лошадь прямо с земли, как казак. Любила только норовистых коней. Еще совсем ребенком брали ее барышники на ярмарки, чтобы она скакала там на лошадях и привлекала народ. А вот как я узнал о ней. Приходит как-то ко мне один из родителей, купец с Армянской улицы, и жалуется, что его сынок лежит в постели — мальчишки поколотили. «Где была драка?» — спрашиваю я. «Не говорит», — отвечает купец. «Ладно, пойду с тобой и узнаю что и как». Надеваю шляпу и отправляюсь с ним на Армянскую улицу. Вхожу один в комнату мальчишка. Тот лежит в постели бледный-бледный. «С кем это ты подрался, малыш?» — спрашиваю я его. «С Оаной, — отвечает, — с дочкой дядюшки Фэникэ из Обора. Да я с ней и не дрался. Мы стали бороться, потому как в борьбе я самый сильный, и мальчишки науськали меня на нее. А она даже и бороться не захотела, а взвалила меня на спину и стала кружиться. Так она меня вертела, просто для смеху, пока кто-то из мальчишек не крикнул: «Глядите, она без штанов!» Тут Оана перекинула меня через голову, и я грохнулся оземь. Потом ребята меня домой отнесли». Я поговорил с мальчишкой, вышел и сказал отцу, который поджидал меня в коридоре: «Подержите его несколько дней дома, а как оправдать его отсутствие, об этом я сам позабочусь. Неплохо бы позвать и доктора». И сразу отправился в Обор... А сейчас, прошу меня извинить, если вас не затруднит, у меня к вам будет просьба, — изменившимся голосом произнес Фэрымэ.

— Говорите.

— Я попросил бы вашего разрешения присесть, чтобы немножко отдохнуть. Меня мучает ревматизм.

— Присаживайтесь, — снизошел хозяин кабинета.

— Премного вам благодарен, — поклонился Фэрымэ и, сев на стул слева от стола, принялся растирать колени. Вскоре он вновь заговорил: — Я отправился в Обор в тот же день после обеда. Корчму Фэникэ Тунсу я нашел очень быстро — она была известна всей округе. Корчмарь оказался крепким, румяным и ничем не примечательным человеком. «У вас есть дочь, Оана, — начал я. — Она не совсем обыкновенная девочка». — «Мы с матерью сделали все, что могли, — ответил он. — Остальное от Бога...» Я не очень понял, что он хотел сказать. Но когда вышел во двор, мне все стало ясно. Правильно было сказано — от Бога. А Бог ее наградил без меры. Оана взялась бороться с одним из работников, здоровенным парнем. Парень этот снял сапоги, рубаху и остался в одних портах. Он старался изо всех сил, но видно было, что едва переводит дух. Оана обхватила его, приподняла и чуть не задушила. Потом, не выпуская парня из объятий, повернулась несколько раз вокруг своей оси и бросила его в пыль. Мало того, она еще и села на него, чтобы плотнее прижать к земле. Тут я увидел, что мальчишка говорил правду. В те времена женщины надевали под юбку нечто вроде длинных шароваров. На Оане же таких не было. Она была как статуя, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Вы говорите, она была красива? — мечтательно произнес чиновник.

— Она была как статуя, — повторил Фэрымэ, утвердительно кивая. — Потому что статуя, если она прекрасно изваяна, вовсе не смущает своей величиной. Так и с Оаной: если бы она была нагая, никто бы не замечал, какая она крупная. Когда же ее видели в платье, ее немножко пугались. Она казалась великаншей. Вот так и началась история Оаны, с борьбы. А история эта длинная... Вы разрешите мне закурить? — спросил Фэрымэ, переводя дух.

— Пожалуйста, — ответил человек за столом, и голос его прозвучал словно изда- лека. Казалось, он очнулся от воспоминаний.

— Благодарю вас.

Старик достал пачку и закурил сигарету.

— Откуда начинать? — спросил он, сделав глубокую затяжку. — Я сказал вам, что это длинная история, она тянулась много лет, вплоть до девятьсот тридцатого года. А по моему мнению, ее следует начинать с восьмьсот сорокового. Так что этой истории почти сто лет... Но предположим, что начало вам известно и мы находимся в пятнад- цатом году, когда я впервые увидел Оану. Мальчики встретились и подружились с ней несколько раньше, когда бродили по городским окраинам в поисках заброшен- ных погребов. Больше всех Оана подружилась с Ликсандру и Дарвари. Как-то летом ребята в субботний день приехали в Обор. Оана запрягла бричку и повезла их к своему дедушке, в лес Пасеря, откуда они вернулись только утром в понедельник. Оане нра- вились эти мальчишки, вольные как ветер, выдумщики. Ведь и она обладала вообра- жением, хотя, как вы увидите, на свой лад. Много чего случилось в то лето в лесу Па- серя. Всего мне не удалось разузнать, но и того, что я узнал, было вполне достаточно, чтобы понять, почему эти мальчишки пошли по жизни столь необычными путями. Нужно вам сказать, что, кроме Ликсандру, которому в то время было четырнадцать лет, остальные пятеро были совсем дети, лет по одиннадцати, по двенадцати. О пер- вом необычном случае мне рассказал Ионеску. Кажется, это случилось в то самое вре- мя, июньской ночью. Ионеску проснулся, потому что ему захотелось пить, и вышел на улицу поискать ведро с водой. Все мальчишки спали в сарае возле дома лесника, в самом что ни на есть сердце леса. Напившись, Ионеску глянул в сторону леса и увидел привидение. Ему стало страшно, но тут он сообразил, что это Оана. Тогда он босиком пустился вслед за нею, потому что этот Ионеску тоже был необычный мальчик. Све- тила луна, и следить за Оаной было нетрудно. Далеко идти ему не пришлось. Оана остановилась на краю небольшой поляны и, сбросив платье, осталась совсем нагая. Сначала она встала на колени, что-то искала в траве, потом вскочила и принялась танцевать, двигаясь по кругу, что-то напевая и бормоча. Всего мальчишка не слышал, но припев запомнил: «Ты, красавка, белладонна, будь к прошенью благосклонна: чтоб не жить на всех с обидой, через месяц замуж выдай...» Совсем еще ребенок, он не понял, что это было брачное заклинание. Спрятавшись за дерево, он уже думал выскочить внезапно и напугать девчонку, как вдруг Оана остановилась, уперла руки в бока и закричала: «Обжени меня, а то мозги плавятся!» В следующий миг мальчишка окаменел: из высокой травы поднялось привидение в виде одетой в рванье старухи с растрепанными космами и золотым ожерельем на шее, которая с грозным видом дви- нулась на Оану. «Ишь ты, безумная! Да тебе еще и четырнадцати нету!» Оана упала на колени и склонила голову. «Угомонись! — продолжала старуха. — Что тебе на роду написано, того я изменить не могу! Как настанет твой срок, отправляйся в горы, отту- да придет к тебе твой муж. Богатырь, как и ты, два коня под седлом, на шее красная косынка...» После этого, рассказывал Ионеску, привидение исчезло в зарослях. С той поры Оана только и думала что о горах. Однако осенью того года Румыния вступила в войну, и Оана не успела уйти в горы, хотя и побывала в горных селах, но не одна, а с мальчишками...

— Как же разрешал ей отец в четырнадцать лет ездить в горы с мальчишками? — спросил тонкогубый человек.

— О, — улыбнулся Фэримэ, — это долго объяснять. Об этом я написал позавчера. Возможно, у вас будет случай заглянуть в мои записи. Отец разрешил ей поехать, по- тому что в тот год к ее деду, леснику, вновь приехал Доктор, а этот Доктор был наделен чудесной силой...

— Доктор? А как его зовут? — тут же последовал вопрос. — Как его фамилия, вы говорите?

— Настоящее его имя знал один только лесник, так как они были знакомы с детства. Люди звали его Доктором, потому что он разбирался в болезнях и путешествовал по дальним странам. Он знал разные языки, множество наук и лечил людей и животных самыми простыми, народными средствами. Но великой его слабостью был иллюзионизм. Он был непревзойденным фокусником, иллюзионистом, факиром и бог его знает кем еще, ведь творил он самые невероятные чудеса. Занимался он этим ради собственного удовольствия и только на ярмарках в маленьких городках и иногда в Бухаресте. Он собирал кучу ребятишек, запрягал пару бричек, на каждую по тройке лошадей, и кочевал из села в село месяц-другой: от праздника святого Петра до святой Марии. В том самом шестнадцатом году он поехал с Оаной, Ликсандру и Ионеску. Начали они с Кымпулунга, оттуда свернули к горам. Но не успели до них добраться, как Румыния вступила в войну... Великий был фокусник! — воскликнул Фэрымэ и покачал головой.

— А вы его видели?

— Видел, и много раз, как он работал, то есть показывал фокусы, хочу я сказать. В первый раз — у лесника во дворе. Было это в воскресенье, к вечеру. Все мы, человек десять, дожидались, когда запрягут лошадей: каждого на следующий день с утра ждали дела в Бухаресте. «Прошу немного внимания, я вам кое-что покажу!» — воскликнул Доктор и хлопнул в ладоши, чтобы все замолчали. Он принялся вышагивать перед нами, сунув руки в карманы, насупленный, погруженный в свои мысли. И вдруг поднял руку и поймал что-то в воздухе. Мы увидели, что это длинная стеклянная лента. Он осторожно положил ее на землю и стал растягивать. Вскоре лента превратилась в стеклянный лист шириной примерно метра в полтора. Уложив этот лист на землю, он загнул край и стал вытягивать дальше. Стекло так и тянулось за его руками, и через две-три минуты образовался стеклянный бассейн несколько метров длиной и шириной. Из земли забила вода и наполнила этот бассейн до краев. Доктор взмахнул несколько раз руками, и в воде появилось множество больших разноцветных рыб. Мы все окаменели. Доктор закурил сигарету и, повернувшись к нам, предложил: «Подойдите ближе, присмотритесь получше к рыбам и скажите, какую бы вы хотели получить!» Мы подошли к аквариуму и дружно нацелились на большую рыбу с розовыми глазами и голубым плавником вроде гривы. «Ага, — воскликнул доктор, — прекрасный выбор! Это иктис колумбариус, редкая рыба из южных морей». Тут он, даже не вынув изо рта сигареты, прошел, словно тень, сквозь стекло и оказался в аквариуме. Постояв среди рыб, чтобы мы могли получше рассмотреть его, и не переставая дымить сигаретой, Доктор прогулялся по аквариуму и поймал колумбариуса. Выйдя из аквариума точно так же, как и попал туда, он еще раз затянулся сигаретой и протянул нам рыбину. Будто во сне, смотрели мы, как она бьется, но еще больше поразил нас Доктор: он был совсем сухой, ни капельки воды ни на лице, ни на одежде. Кто-то из ребят взял рыбину, но она вырвалась и упала в траву. Все бросились ловить ее. Доктор захохотал, схватил колумбариуса, подошел к аквариуму и сквозь стекло пустил его в воду. Потом хлопнул в ладоши, и аквариум вместе с рыбами исчез...

— Великий иллюзионист! — воскликнул человек за столом.

— Именно великий, — подтвердил Фэрымэ. — Но то, о чем я рассказываю сейчас, пустяки по сравнению с тем, что он показывал в городках и на ярмарках, особенно в то лето, когда возил с собой Оану и мальчишек. Вы, конечно, понимаете — после того, чему я был свидетелем в лесу Пасеря, мною владела одна лишь мысль: вновь увидеть Доктора. Я пустился по его следам. Поездом я доехал до Домнешть, что в сорока километрах от Кымпулунга, и пробыл там целых пять дней, поскольку в городке была

большая скотная ярмарка и Доктор устраивал представления по два-три раза на день и всегда разные. Каждый раз менялся и церемониал — ему нравилось окружать свои номера великой пышностью, словно торжественные действия. В первый день Ликсандру появился на белом коне, разодетый, словно принц. Он ездил по всему городку, не произнося ни слова. Я говорю, что это был Ликсандру, потому что я его знал и даже разговаривал с ним утром того же дня. Его трудно было узнать, потому что Доктор изменил его внешность: Ликсандру стал выше, солиднее и выглядел парнем лет двадцати. Пышные волосы спускались на плечи, как было принято в стародавние времена. Черты лица вроде бы не изменились, но стали красивее, а взгляд приобрел глубину, благородство и какую-то отрешенность. Что уж говорить об одеянии и лошади, на которой он восседал! Народ так и валил вслед за ним. Не одна сотня людей тянулась хвостом до самого шатра Доктора. А шатер этот был огромный, и каких только цирки выступают. И как его возил Доктор на двух бричках, переезжая с места на место, понять было невозможно. У входа зрителей встречал измененный до неузнаваемости Ионеску. Был он высокий, толстый, чернокожий и губастый, как арап, в одних шароварах и с ятаганом. «Заходите! Заходите, поселяне! Собираем на приданое Оане!» — кричал он. Входивший тут же наткнулся на боярский стол, за которым восседал Алдя с вызолоченными ногами, вокруг стояли мешки, набитые золотыми. «Пять банов! Пять банов! * А я вам сдачу!» — выкрикивал Алдя. Люди отдавали монетку и получали в качестве сдачи золотой. «Только знайте, они старинные, хождения не имеют», — разъяснял Алдя, запуская руку в мешок и пересыпая золотые.

— Колоссальный иллюзионист! — воскликнул хозяин кабинета.

— Действительно колоссальный! — подтвердил Фэрымэ. — Я заглянул в мешки с золотыми. «Они, господин директор, уже не имеют хождения!» — предупредил меня Алдя. И вправду, там оказались талеры Марии Терезии, монеты времен Петра Великого и множество турецких... Но все это было пустяком по сравнению с тем, что мы увидели потом. Когда народу набилось в шатер до отказа, вышел Доктор. Был он во фраке и в белых перчатках. Длинные иссиня-черные усы тщательно закручены. Он хлопнул в ладоши, и из-за занавеса появилась Оана, Она единственная осталась такой, какой я ее знал. Она ни в чем не изменилась, хотя и была одета по-другому. В белом трико, облегавшем ее тело, она казалась настоящим изваянием. Доктор поднял руку и поймал в воздухе коробочку, величиной не более тех, в каких продают в аптеках пилюли. Он принялся ее растягивать, и та на глазах стала увеличиваться. Доктор растягивал ее то с одного бока, то с другого, то сверху, то снизу до тех пор, пока не вырос ящик метра два в длину, а также в ширину и в высоту. Он дал этот ящик Оане, и она подняла его на вытянутых руках над головой. Теперь, Когда Оана стояла неподвижно, держа огромный ящик, она еще больше была похожа на статую, она казалась кариатидой. Доктор с весьма довольным видом прошелся перед ней, потом опять поднял руку и на этот раз поймал спичечный коробок. Достав из него несколько спичек, поколдовал над ними и сотворил лестницу, которую и прислонил к ящику. Потом, обращаясь к публике, воскликнул, делая широкий жест: «Уважаемые власти, прошу вас!» Но поскольку никто не решился выйти вперед, Доктор стал приглашать поименно, словно знал этих людей с незапамятных времен: «Господин примарь, прошу, господин примарь, вместе с примарицей! И Ионела возьмите с собой... Начальник поста, господин старшина Нэмалосу, прошу вас сюда. И вас, господин учитель...» Одного за другим вызывал он людей из толпы, брал за руку и просил, поднявшись по лестнице, войти в ящик. Люди нерешительно топтались, но, оказавшись у лестницы, послушно поднимались наверх и исчезали в ящике. Так в ящике оказались примарь и примарица с сынишкой Ионелом, школьный учитель, начальник жандармского поста, помощник примаря со своим многочисленным семейством, потому как явился он на

* Бан — мелкая монета, составляющая одну сотую лея.

представление с тремя невестками, а те, соответственно, со своими детишками. Вслед за ними Доктор стал выкликать по именам всех подряд, без разбора, и таким образом в ящике исчезло еще человек тридцать-сорок. Самым последним Доктор пригласил священника, который только что явился. Шагнув навстречу толпе, он воскликнул: «Прошу вас, батюшка, прошу, святой отец!..» Священник сначала противился: «Это что за дьявольщина, Доктор?» — «Прошу, ваше преподобие, все собственными глазами увидите...» Батюшка, некогда осанистый и видный мужчина, а теперь уже старик, как бы против своей воли медленно поднялся по лестнице и исчез в ящике. Она все это время стояла совершенно неподвижно, словно держала на руках всего лишь какой-нибудь платок. После того как пропал и священник, Доктор поднялся по лестнице и принялся манипулировать с ящиком. Он постукивал по нему то сверху, то снизу, то по бокам, поглаживал его и давил обеими руками. Когда ящик уменьшился наполовину, он взял его из рук Оаны и на глазах у собравшихся принялся вновь давить на него и постукивать. Через несколько минут ящик превратился в то, чем он был с самого начала, — в аптекарскую коробочку. Повертев ее в руках, пока она не стала величиною с боб, Доктор спросил: «Кому дать?» Откуда-то из глубины раздался старческий голос: «Дай ее мне, Доктор! Там все мои внуки». Доктор щелкнул по коробочке ногтем, но она была так мала, что, взлетев в воздух, мгновенно исчезла. Тут же раздался хлопок, и все, кто исчез в ящике, — и поп, и примабрь, и все остальные — оказались среди толпы, каждый на своем месте, где стоял и раньше.

— Удивительный иллюзионист!

— Небывалый, — подтвердил Фэрымэ, кивая головой. — Но все это детские игры по сравнению с тем, что было в Кымпулунге. Там Доктор, можно сказать, переусердствовал. На представление явился весь гарнизон с генералом во главе, с офицерами и их семьями. Поскольку действие происходило после обеда в городском саду, а генерал был в прекрасном расположении духа, он разрешил присутствовать и рядовому составу, а также полковому оркестру. И вот всю эту массу народа Доктор пригласил укрыться в ящике. По, как мне кажется, он допустил ошибку, разрешив оркестру играть, пока он поднимался по лестнице. Дух в медные трубы и тромбоны, — фанфары впереди, барабанчики сзади, — один за другим, постепенно затихая, исчезал в ящике оркестр, пока на верхней ступеньке не остался один-единственный, последний барабанщик. Не знаю, что случилось с ним: оказавшись на самом верху, он продолжал бить в барабан, однако войти в ящик не решался. Тогда Доктор махнул рукой, чтобы тот перестал бить в барабан, и спросил: «Ты что, солдатик? Почему не хочешь входить? Для тебя нету места? Почему же нету места, ведь ящик-то пустой...» Доктор расхохотался, поднял руку, и в тот же миг все оказались на своих местах. Оркестр грянул полковой марш, но тут рассердился генерал. «Кто дал приказ играть марш?» — взревел он. Дело кончилось тем, что Доктор не смог остаться в Кымпулунге до конца ярмарки... Фэрымэ замолчал и погрузился в воспоминания.

— Ну а что потом? Что же еще случилось с Оаной?

— Именно об этом я сейчас и думаю, — заговорил Фэрымэ, растирая колени. — Как вам рассказать все последующее, не возвращаясь назад, говоря только о Ликсандру, Дарвари и особенно об их новых приятелях из корчмы Фэникэ Тунсу. Ведь это долгая история, и, чтобы понять ее, следует знать, что случилось с Драгомиром и Замфирой...

Тонкогубый начальник издал короткий смешок и нажал на кнопку.

— Хорошо, об этом мы еще поговорим. Дверь приоткрылась, и вновь появился молодой человек с сияющей физиономией.

— Благодарю вас, — произнес Фэрымэ, поднимаясь и раскланиваясь.

Уже на следующий день Фэрымэ стало известно, что побывал он у помощника государственного секретаря в Министерстве иностранных дел. Когда старик вновь оказался в кабинете Ду-митреску, тот, как всегда мрачно, заявил ему:

— Я прочитал еще двести страниц, но так и не узнал, что там с Дарвари. Нас интересует Дарвари и лишь постольку-поскольку — Ликсандру и все остальные. Помощник государственного секретаря товарищ Эконому питает слабость к вашим писаниям, а эта Оана прямо-таки заворожила его. Однако нас интересует только Дарвари. Когда вы явились к товарищу Борзе, то хотели расспросить его о Ликсандру, а не об Оане. Так что сосредоточьтесь на Ликсандру и Дарвари... Несколько дней тому назад вы упомянули, что Ликсандру принялся обучать Дарвари древнееврейскому языку. Однако, как известно, Дарвари поступил в военное училище. Что за необходимость была изучать древнееврейский язык?

— Никакой необходимости не было, — испуганно залепетал Фэрымэ. — Но я уже говорил, история эта длинная, и все, что тогда происходило, связано с Оаной. Разрешите, я расскажу... Ликсандру покинул Бухарест осенью шестнадцатого года, во время эвакуации, а когда вернулся в восемнадцатом году, то сразу же поступил в шестой класс лицея имени Спиру Харета, потому что сдал экстерном экзамены за предшествующие классы. Год спустя Дарвари поступил в военное училище в городе Тыргу-Муреш. Но в один прекрасный день — я так и не понял, в силу каких обстоятельств, — Ликсандру явился к раввину, проживавшему на Каля-Мошилор, и заявил: «Возможно, вы меня не узнаете. Меня зовут Ликсандру, я был приятелем Йози. Я хочу все-таки дознаться, что с ним случилось, потому и пришел к вам. Если бы Йози был жив, он давно бы знал древнееврейский язык. Я к вам и пришел, чтобы вы научили меня ивриту, как научили бы Йози». Раввин ничего не ответил и долго задумчиво разглядывал его. Наконец он сказал: «Будь по-твоему. Приходи ко мне каждое утро за час до лица и каждый вечер — за час до захода солнца». Так Ликсандру принялся изучать иврит, а поскольку был он мальчишесом умным и усидчивым, то за два года, к тому времени когда сдавал экзамены на бакалавра, знал этот язык настолько хорошо, что переводил из Ветхого Завета так же легко, как переводил бы своих любимых поэтов. Я забыл вам сказать, что Ликсандру еще с начальной школы, будучи натурой мечтательной, проявлял явную склонность к поэзии, а в гимназии серьезно увлекся ею. Но и здесь у него проявлялся странный вкус. В шестнадцать лет он читал Кальдерона, Камюэнса, де Миранду...

— Хватит об этом, — прервал Думитреску. — Скажите, почему ему пришлось в голову обучать ивриту Дарвари? И как мог Дарвари, курсант военного училища, у которого голова забита столькими предметами, согласиться изучать еще иврит? На кой черт был ему нужен этот древнееврейский язык?! Ведь он мечтал стать летчиком.

— Когда Дарвари заявил, что намеревается стать летчиком, тут-то и осенила Ликсандру эта идея. «Значит, и тебе суждено отправиться со мной на поиски Йози. А для этого нужно выучить иврит. Я верю, Йози не умер, он должен быть где-то здесь, на земле, только мы его не видим или не умеем отыскать. Но я в конце концов узнаю, как его найти»... Вот почему и Дарвари принялся учить иврит. Ликсандру давал ему уроки только во время каникул, но Дарвари приобрел грамматику и словарь и старался заниматься в своем военном училище в Тыргу-Муреше. Но я не думаю, чтобы Дарвари далеко продвинулся в языке. У него не было ни такой памяти, как у Ликсандру, ни такого рвения. И еще кое-что. В те годы, то есть в девятнадцатом и двадцатом, Ликсандру вместе с приятелями вновь отыскивали Оану. Вечерами по субботам они заходили в корчму к Тунсу и забирали Оану с собой на прогулку. Но направлялись они не в город,

а на окраину, туда, где познакомились с Оаной и где не стеснялись появиться вместе с ней. Порой они забредали в поля пшеницы, и Оана, распустив волосы по плечам, распевала песни, а ребята подпевали. Когда же в лунные ночи они присаживались отдохнуть среди бурьяна или под тутовым деревом, Ликсандру восклицал: «Оана, с твоей помощью я создам новую мифологию!» Потому что из всех мальчиков Оана больше всех любила Ликсандру.

— Не нужно про Оану, — остановил Думитреску. — Я же вам говорил, нас интересует исключительно Дарвари.

— Именно о нем я и хотел рассказать, — смущенно улыбнулся старик. — Потому что во время летних каникул в девятнадцатом году и пасхальных в двадцатом Дарвари участвовал во всех прогулках молодых людей с Оаной. С одной из этих прогулок и началась цепь событий, из-за которых, возможно, ему не удалось как следует выучить иврит. Мальчикам было лет по пятнадцать-семнадцать, им нравилось возвращаться после длительных прогулок как можно позднее, а потом пировать в корчме у Тунсу. Иногда они возвращались в два, в три часа ночи, и корчмарь, убедившись, что они вернулись, отправлялся спать, оставляя корчму на попечение Оаны и музыкантов, если те не успевали к тому времени уйти домой. Случалось, забредал в корчму и какой-нибудь пьяница, но никогда не было скандалов, потому что все побаивались Оаны. Молодежь пировала и развлекалась до утра. Вино пили, однако, в меру, а Ликсандру, хотя и был самым горячим и неумным, вообще едва пригубливал. Он садился на стол, клал руку на плечо Оане и, поглаживая ее волосы, читал своих любимых поэтов, чаще всего испанских. Никто по-испански не понимал, но все слушали, не спуская с него глаз, а Оана сидела с мечтательным, отсутствующим видом, и часто, когда Ликсандру возвращал ее к действительности, казалось, что на глазах у нее слезы. Как-то раз, уже почти на рассвете, когда Ликсандру читал стихи, положив руку на плечо Оане, в корчму вошла парочка. Молодой человек был чуть постарше Ликсандру, стройный, элегантно одетый. На его мрачном лице блуждала надменная улыбка. Казалось, он слегка пьян. Услышав, как Ликсандру декламирует Кальдерона, он воскликнул: «Что такое? Вы что, не румыны?» А его спутница, уставившись на Оану, воскликнула: «Это она! Моя статуя!» Была она несравненной красавицей, но в ее манерах и одежде было что-то вызывающее, как говорили в те времена — экстравагантное. Обойдя вокруг Оаны, словно та была произведением искусства, незнакомка сдернула с руки браслет и протянула его девушке: «Скромный дар от Замфиры!» Как потом узнали мальчики, ее звали совсем по-другому, но ей нравилось называться Замфирой, а своего двоюродного брата, с которым пришла, она величала Дионисом, хотя его звали Драгомиром. Этим молодым людям, хотя они и происходили из боярского рода Каломфилов, многое довелось претерпеть в жизни. И для того чтобы понять, отчего все это с ними произошло, необходимо знать историю их предка, боярина Каломфира...

— Фэрымэ! — строго прозвучал голос Думитреску. — Позволив вам разглагольствовать, я хотел проверить, сколько еще вы собираетесь испытывать мое терпение. Вы несете всякую чушь на постном масле и думаете, что, за-талмудив нам голову своими рассказами, легче избавитесь от нас. Я уже сказал: ограничьтесь Дарвари!

— Именно о нем я и хотел рассказать, — извиняющимся тоном проговорил старик. — Ведь все последствия связаны с той ночью, когда Дарвари встретился с Замфирой. Я уже сказал, что эта молодая женщина, именовавшая себя Замфирой, была необычайно красива. Дарвари просто окаменел, увидев ее, и мгновенно подпал под ее чары. И когда Ликсандру учтиво, но чрезвычайно холодно обратился к молодой паре: «Что вам угодно?» — а Драгомир ответил: «Я зашел в корчму, чтобы выпить, а прекрасная Замфира — в поисках модели», на что Ликсандру возразил: «Весьма сожалею, но сейчас, в три часа утра, когда даже Бог спускается на землю, мы хотели бы остаться одни», — именно в этот момент Дарвари жестом остановил Ликсандру,

чтобы тот не выпроваживал пришедших, а Замфира подошла к Дарвари и, взяв его за руку, проговорила: «Какой добрый юноша, он приглашает нас вместе повеселиться в вашей корчме». Дарвари побледнел от счастья. «Пусть останутся! — воскликнул он. — Ликсандру, может, и у них есть свои знаки!..» Тут вмешался и Драгомир: «Если вы занимаетесь ворожбой, то этого я не боюсь, потому что в одиночку мог бы одолеть всю вашу компанию. Но вот этой девушки, этой скульптурной модели, я боюсь, мне в нее пришлось бы стрелять из пистолета. Кто знает, куда бы я попал, но скандал разразился бы наверняка». Она расхохоталась и воскликнула: «Я не боюсь пули, боярин, свинец меня не берет...» — «Но тут не пули», — возразил молодой человек, вытаскивая из кармана револьвер и показывая его. Револьвер был сделан точь-в-точь как браунинг, но стрелял не пулями, а шариками с цветной жидкостью. «Мне его только что прислали из Лондона, — пояснил Драгомир. — Специально для великосветских дуэлей, прямо в салонах. Снаряды пяти различных цветов...»

Так они и остались в ту ночь в корчме и веселились вплоть до восхода солнца, когда проснулся корчмарь. Уходя, Драгомир достал пачку денег и хотел расплатиться, но Оана остановила его: «После трех часов утра, когда, как говорит Ликсандру, сам Бог спускается на землю, все здесь мои гости». Перед корчмой стоял экипаж, в котором приехали Замфира и Драгомир. Вся компания, и конечно же Ликсандру с Дарвари, втиснулась в пролетку. После той ночи между Драгомиром и Ликсандру, Дарвари и Замфирой завязалась тесная дружба. Замфира была весьма странной особой. Она никогда не носила модных причесок, как остальные женщины. Она стригла волосы не слишком коротко и не слишком длинно и то распускала их по плечам, то собирала на затылке. Никогда не красилась, фасоны платьев выбирала старомодные, но такие, какие были ей к лицу, и таким образом достигла того, что ни на кого не была похожа. Дарвари был безумно в нее влюблен и поскольку носил мундир курсанта военного училища, то считал себя неотразимым, хотя Замфира и говорила ему...

В это время зазвонил телефон. Думитреску протянул руку и поднял трубку. Ему что-то сказали, и он покраснел как рак.

— Да, у меня, — проговорил Думитреску и замолчал, слушая, что ему говорят на другом конце провода. — Будет сделано. Понял, — отчеканил он, положил трубку на рычаг и повернулся к старику: — На сегодня хватит. Слишком много дел.

Фэрымэ вдруг проникся к нему симпатией.

— Вы еще неоднократно будете рассказывать свои истории, — поднял глаза Думитреску. — Но в ваших же интересах не упоминать больше о Василе Борзе. Ограничьтесь Ликсандру и Дарвари. Этот Борза никогда не учился в вашей школе на улице Мынтулясы. Он вообще не учился, даже в начальной школе. Установлено, что он был известным хулиганом в околотке Тей и агентом сигуранцы*. Обманным путем он проник в партию. Надеюсь, вы меня поняли, — закончил он, нажимая на кнопку.

— Понял и премного вам благодарен. — Фэрымэ вскочил и почтительно поклонился.

6

В течение целой недели следователь Думитреску не вызывал Фэрымэ на допрос, но Фэрымэ продолжал писать, и охранник регулярно забирал исписанные листы и приносил чистую бумагу. Как-то утром он зашел в камеру и, улыбаясь, заявил:

— Попрошу вас немножечко прогуляться, вас ждет сюрприз...

Фэрымэ положил ручку на промокашку, заткнул пузырек с чернилами и поднялся. В коридоре его ожидал элегантно одетый молодой человек.

* Секретная политическая полиция.

— Вы будете Захария Фэрымэ?

— Да, я.

— Пройдемте со мной.

Они спустились во двор, пересекли его и вошли в другой корпус. Потом поднялись на лифте. Фэрымэ заметил, что молодой человек с любопытством поглядывает на него, украдкой чему-то улыбаясь.

— Я тоже писатель, — сообщил он, когда лифт остановился. — Меня очень интересуют ваши воспоминания.

Миновав несколько коридоров, молодой человек остановился перед массивной дверью, постучался и сделал знак Фэрымэ, чтобы тот заходил. Старик вошел, по привычке сгорбившись и опустив голову, но, увидев за столом женщину с надменной улыбкой, почувствовал, как у него дрожат колени.

— Ты меня знаешь? — спросила женщина.

— Как вас не знать? — с низким поклоном ответил Фэрымэ. — Госпожа министр Анка Фогель.

— Товарищ министр, — поправила женщина.

— Грозная Анка Фогель, — добавил Фэрымэ, пытаясь улыбнуться. — Так вас все называют: грозный борец...

— Знаю, — подтвердила женщина и повела плечами. — Но почему люди боятся меня, этого я никак не могу понять. Я мягка, точно хлеб. А если бываю жесткой, то только со своими домашними, да и то не всегда...

Фэрымэ впервые в жизни видел эту женщину, а потому с удивлением рассматривал ее. Она оказалась даже более суровой, чем на фотографиях в газетах. Выглядела она лет на пятьдесят, грузная, с широкоскулым лицом, прорезанным глубокими складками, большим ртом, короткой жирной шеей и седеющими волосами, стриженными под мальчика. Она сама курила и протянула Фэрымэ через стол пачку «Лаки Страйк».

— Куришь? Садись и возьми сигарету.

Фэрымэ еще раз поклонился и опустился в кресло. С опаской принял пачку сигарет.

— Зажигалка рядом. Ты даже не подозреваешь, зачем я тебя пригласила, — продолжала Анка Фогель, пристально глядя на старика и улыбаясь. — Я прочитала несколько десятков страниц твоих показаний. Больше прочитать не могла, потому что ты ужасающе многословен, а у меня мало времени для чтения. Но мне понравилось, как ты пишешь. Если бы ты мог контролировать поток воспоминаний, ты бы стал большим писателем. Но ты теряешь нить и вязнешь в подробностях. Я попросила выделиться все куски, связанные с Оаной, потому что мне хочется узнать всю эту историю от начала до конца, но мне так и не удалось понять, что же с ней случилось.

— Возможно, вы и правы, — стал оправдываться Фэрымэ, склонив голову, — я же не писатель и записываю все, что приходит в голову. Но историю Оаны нельзя воспринимать только как ее собственную жизнь, потому что Оана была дочерью Фэникэ Тунсу и, самое главное, внучкой лесника. И все, что случилось с ней, с Оаной, было обусловлено тем, что он нарушил клятву, данную им старшему сыну паши из Силистрии...

— Это ты расскажешь потом, — прервала его Анка Фогель. — Я бы хотела знать, что случилось с Оаной после войны, когда она отправилась в горы. Когда это произошло?

— Летом двадцатого года.

— Ты ее видел в то время? Как она выглядела?

— Она была прекрасна, как богиня. Она была точно живая Венера. Светлые рыжеватые волосы рассыпались по плечам — она всегда ходила с обнаженными плечами. Под блузкой обрисовывалась развитая упругая грудь, от которой нельзя было отвести глаз, выражение лица мягкое, ласковое, губы пухлые, яркие, а от взгляда жгучих черных глаз бросало в дрожь. Да что толку? Ведь, надо вам сказать, ростом она была два метра сорок сантиметров. В обычном виде, одетая в платье, она повергала в ужас. Если бы она ходила обнаженной, к ней можно было бы привыкнуть, она была сложена как богиня, величественная и прекрасная...

— Ну, ну, рассказывай, — подбодрила Анка Фогель, закуривая очередную сигарету.

— В один прекрасный день Оана явилась к отцу и заявила: «Пришел мой срок, я уйду в горы, потому что оттуда должен спуститься мой муж...» И ушла. Она села в поезд, но в Плоешти ее посадили, потому что к ней привязались солдаты, а она поколотила их и опозорила. Она была сильна, как Геркулес, невероятно сильна, даже для великанши в два с половиной метра ростом. Я сказал, что она опозорила солдат, и это правда: она спустила с них штаны и всех по очереди отшлепала, как нашкодивших детишек. Дальше она пошла пешком, от села до села, с котомкой за плечами, распевая песни, и через неделю добралась до Карпат. Остановившись в корчмах, покупала еду, поскольку отец снабдил ее деньгами, и шла дальше. Она купалась в речках, сняв с себя платье и заходя в воду совершенно нагая среди бела дня. Мальчишки в деревнях бросали в нее камни, натравливали собак, но Оана не обращала внимания. Она пела и упорно продвигалась к горам. Натравливать на нее собак было и вовсе бессмысленно, потому как стоило ей обернуться и позвать: «Куцу, куцу!» — собаки начинали ластиться к ней. Вечером пятого дня Оана добралась до кошары под горою Пьятра-Краюлуй. Чабаны просто обомлели, видя, как она приближается к ним, босоногая, с сумой за плечами, да еще распевая песню. Они науськали на нее собак, но Оана вошла в кошару вместе с этими собаками, которые терлись об ее ноги. Подойдя к старшему чабану, она попросила: «Примите меня к себе, я буду бесплатно на вас работать, буду делать все, что прикажете. Мне нужно дождаться своего мужа...» Сначала старшой уперся и не разрешил ей остаться при кошаре: мол, никакая великанша ему не нужна. Но Оана, переночевав неподалеку, в какой-то пещере, на другой день опять явилась в кошару и принялась наводить порядок. Старшой сделал вид, что не замечает ее, и тем как бы разрешил ей остаться. А вечером, когда собрались все пастухи с овцами, Оана предложила им устроить борьбу. Она опустилась на колени, а чабаны выступали против нее стоя. Одного за другим всех она уложила на лопатки. В сумерки Оана отправилась к источнику купаться, а чабаны смотрели на нее издали и не могли наглядеться. Оана их так распалила, что они по очереди подбирались к ней, когда она спала, и пытались овладеть ею, но Оана спускала их с горы и снова укладывалась спать. Как-то ночью парни собрались впятером, чтобы одолеть ее. Навалились на сонную, схватили ее за руки и за ноги, но Оана напряглась и скинула их с себя, а потом так отколошматила, что пастухи, охая и ахая, разбежались кто куда...

— Потрясающая женщина! — воскликнула, улыбаясь, Анка Фогель.

— Потрясающая, — повторил и Фэрымэ, качая головой. — С той поры никто уже не решался к ней приставать, только подглядывали. Когда она ходила к источнику, чабаны следовали за ней и обмирали, глядя, как она плещется. Когда светила полная луна, Оана бродила по поляне нагая, распустив по спине волосы. Она плясала, прыгала, пела, иногда складывала ладони и простирала их в молитве, но пастухи никогда не слышали, о чем она молилась. Лишь однажды старший чабан выследил ее и, подобравшись поближе, перекрестился, расслышав, что она говорит. «Выдай меня замуж, великая госпожа, — умоляла Оана, вздымая руки к Луне. — Найди мне мужа

по моему росту. Ненавистно мне мое девичество. Господь Бог ошибся, когда творил меня, а потом и вовсе забыл. А ты, великая госпожа Луна, владычица ночи, ты обходишь небосвод и видишь все, что вблизи и вдали. Поищи хорошенько и найди мне мужа. Пусть явится добрый человек и, обручившись со мной, станет моим мужем!» В эту ночь старшой принял решение. Он дождался, когда луна сошла на нет и у Оаны пропало желание бродить по ночам, и под покровом темноты явился к ней. «Оана!» — окликнул он. Девушка проснулась, подошла к нему, но, поскольку была сонная, не почувствовала опасности. И вдруг старшой хлестнул ее бичом из воловьих жил, да так, что тот обвился вокруг шеи. Оана безвольно повалилась прямо к его ногам. Чабан доволол ее до постели и овладел ею. Потом вылез из пещерки и крикнул в сторону кошары: «Идите сюда!» Прибежали все чабаны и последовали его примеру. А поутру Оана, очнувшись от забытья, отправилась к источнику. Вернувшись, она сказала старшему чабану: «Спасибо тебе, старшой. Это злоключение мне в поучение». И расхохоталась.

— Потрясающая женщина! — вздохнула Ан-ка Фогель.

— Потрясающая. Да только старшой сам накликнул беду на свою голову. Потому как со следующей же ночи Оана принялась зазывать всех чабанов на свое ложе и не давала им передышки до самого утра, а пастухи потом весь день бродили сонные, думая только о том, как бы где-нибудь спрятаться да завалиться спать. А овец так и вовсе забросили, оставив их под присмотром собак. Но Оана ходила за парнями по пятам и как увидит, что чабан прикорнул где-нибудь в тени, тут же будит и принимается мучить. Чабаны стали избегать ее, но у Оаны пылу не убавлялось. Она всех их теперь прекрасно знала и не давала спуска никому. «Ты кто такой?» — спрашивала она во тьме, когда пастух просил отпустить его в кошару поспать. «Думитру», — отвечал чабан. «Иди и приведи ко мне Петру, а не приведешь, буду тебя мучить до утра!» — угрожала Оана. Думитру плелся в кошару. «Вставай, браток, если ты не пойдешь, Оана одного меня будет терзать до самого утра, а я не выдержу». — «Что-то я устал, — отвечал Петру, — разбуди Марина». — «Марин уже был у нее, еще до меня. Иди, иди, ты лучше всех отдохнул...» За две недели Оана так измочалила чабанов, что они стали прятаться от нее, кто в чащобе, кто в пещере, чтобы отоспаться, возвращаясь в кошару только к вечеру, когда нужно было загонять для дойки овец. Не один раз Оана являлась по ночам и в постель старшего чабана, но тот вскоре стал праздновать труса и ложился спать, положив рядом бич из воловьих жил. «Ты ко мне не подходи! — кричал он. — Я уже в годах и хочу, чтобы дети похоронили меня в родном селе, в долине. Не подходи, бичом ожгу!» Оане становилось жалко его возраста, и она отправлялась блуждать по горам, отыскивая молодых чабанов. Слух про норы Оаны вскоре разнесся по всей округе. Потекли к ней и другие пастухи, но Оана так умучивала их на своем ложе, что утром у них не хватало сил добраться до своих кошар, они валились с ног и засыпали где попало. Овцы, брошенные на собак, разбредались во все стороны, скатывались с крутых склонов в ущелья и жалобно блеяли там, покинутые всеми. Слух об Оане докатился и до сел в долине, откуда повалили в горы самые видные да тщеславные мужики. Оана принимала всех подряд и до того их умучивала, что на второй или третий день, изможденные и обессиленные, они валились где-нибудь на обочине дороги и отсыпались целыми сутками, словно после жестокой лихорадки. Всполошились по окрестным селам и женщины. Многие стали опасаться, не потеряют ли окончательно своих мужей, такими бессильными выпускала их из своих объятий Оана, помучив несколько дней и ночей в своей постели.

И вот женщины сговорились избавиться от нее: сначала одурманить, а потом избить, растоптать, искалечить. Собралось с полсотни женщин из всех долинных сел, но, когда увидели, как она купается в источнике, оглядываясь вокруг, отыскивая гла-

зами на скалах или за кустами мужчину, какого еще не отведала, женщины сначала окаменели, а потом принялись креститься. Оана вышла к ним в чем мать родила и спросила: «Что вам надобно?» Тогда шагнула вперед одна из женщин и ответила: «Пришли мы заколдовать тебя, девушка, чтобы ты оставила наших мужиков в покое. Но теперь, увидавши тебя, поняли, что никакое колдовство не поможет. Ведь ты совсем не такая, как мы, слабые женщины, создания Божий, ведь ты великанского племени. Сдается мне, ты из рода иудейских великанов, которые загубили Господа нашего Иисуса Христа, только они были такими большими и сильными, что смогли распять Сына Божьего. А если это так, то напрасна вся наша ворожба, ничто тебя не возьмет. Но мы просим тебя: оставь ты наших мужей в покое, потому как они созданы не для тебя, они, хуродные, только для нас, богобоязненных женщин, и годятся. Возвращайся туда, откуда пришла, там и ищи себе мужа, такого же великана, чтобы был тебе во всем под стать!» Но Оана им отвечала: «Неспроста пришла я в горы, хозяйюшки. Так мне на роду написано — искать мужа в горах. Было мне также сказано, как узнаю его: спустится он ко мне в один прекрасный день верхом, оседлав сразу двух коней... И если бы старший чабан не перехватил мне горло воловьей жилой, я бы так и не узнала мужчину, потому как ни один из пастухов, что хотели овладеть мною, не достоин меня. Но раз уж подлостью заставили меня попробовать мужика, теперь не моя вина, что я хочу перепробовать их всех, ведь и я не каменная». — «Невеста-девица, — закричала тут одна из женщин, — мужчину, что скачет разом на двух конях, такого ты в наших краях не встретишь. Но если ты великанского роду-племени, поищи себе змея. Походи по горам нагая, как теперь ты есть, и увидишь, явится тебе змей, во всем для тебя подходящий». Оана пристально глянула на нее и усмехнулась: «Спасибо тебе, хозяйюшка, ибо слова твои будут мне в поучение».

Так и получилось. На следующий день отправилась Оана в путь. Надела на себя рваное платье, какое у нее еще оставалось, повесила на плечо суму, поблагодарила старшего чабана и пошла прочь. Все собаки бросились ее провожать. Уже к вечеру на подходе к селу увидела огромного, словно бугор, быка. А бык опустил голову, наставил рога и двинулся на нее, чтобы забодать. Страшный был бык, невиданный. Всем быкам бык... Как из сказки, — пояснил Фэрымэ и смущенно закашлялся.

— Возьми сигарету, — предложила Анка Фогель.

— Большое спасибо, большое спасибо, — поклонился Фэрымэ. Он закурил сигарету и, сделав первую затяжку, продолжил свой рассказ: — С того вечера бык ни за что не хотел расставаться с ней. словно тень ходил за Оаной и никого к ней не подпускал. Было это в конце июля, а лето в том году стояло невероятно жаркое. Оана сбросила с себя остатки тряпья и ходила нагая. А по ночам рев быка разносился по семи окрестным ущельям, люди от страха вскакивали и видели, как Оана бежит по холмам, волосы у нее развеваются, а за нею гонится бык. И еще видели люди, как останавливалась она вдруг, слегка пригибалась и вскрикивала, когда бык наваливался на нее, и так стояли они, слившись воедино на долгое время, а бык мычал, роя землю копытами.

— Потрясающая женщина! — воскликнула Анка Фогель.

— Потрясающая! — подтвердил Фэрымэ. — Слух про занятия Оаны быстро разошелся по всем окрестным селам, дошел он до Бухареста, достиг и лесника. Тот перекрестился и сказал: «Благодарю Бога, что продлил мои дни и я дождался, как сбылось проклятие Селима». Отправился он в монастырь, исповедался и причастился, после чего заявил: «Хоть я и староват, но да поможет мне Бог найти молодую жену, чтобы продолжить свой род, ибо не висит больше надо мной проклятие». Леснику в ту пору стукнуло сто лет, но был он еще крепок и в ту же осень женился на молодой вдовушке лет тридцати. Только не удостоил его Господь Бог ребенком. Вдовица эта, Флоря, была из Цигэнешть, и у ней была своя история.

— Оставь вдову в покое, — прервала его Анка Фогель. — Рассказывай об Оане.

— Прослышали про то власти и разослали по всем холмам жандармские патрули, вышли и крестьяне с вилами и дубинами, каждый с тем, что под руку попало. К утру обнаружили их в расселине, где Оана устроила себе логово. Бык, издав издали увидевший толпу, бросился, чтобы поднять людей на рога, но жандармы подстрелили его, и он упал. Оана молча прикрылась остатками платья и взяла свою суму, а когда жандармы захотели надеть на нее наручники, заявила: «Не надо, я по своей воле пойду!» Так она и спустилась вниз в сопровождении жандармов. Люди поносили ее на чем свет стоит, но она шагала гордо подняв голову и обратясь лицом к востоку, словно ожидала восхода солнца. Ее обзывали потаскухой и байстрючкой, а она лишь огрызалась: «Не моя это вина. Бабы научили!» Когда они добрались до села, где поджидали примарь и жандармский капитан, взошло солнце. Пока жандармы передавали Оану властям, она стояла устремив взгляд вдаль, на дорогу. И вдруг там появилось небывалое видение: молодой белокурый великан, сразу на двух лошадях. Оана сначала окаменела, потом бросилась вперед и упала на колени прямо в пыль, схватила за узду обеих лошадей и остановила их. Жандармы побежали вслед за ней, но великан мгновенно спешился и поднял Оану с земли. Жандармы, увидев, какой он высокий и здоровый, тут же отошли в сторонку. Великан оказался выше Оаны на целую ладонь. Он носил короткую белокурую бородку и одет был весьма необычно: ни по-городски, ни по-деревенски. Взяв Оану за руку, он подошел с ней к представителям власти. «Я доктор Корнелиус Тарвасту, — заговорил он по-румынски, — профессор университета в Дерпте. Приехал я изучать язык, на каком говорят в Карпатах, но, прослышав от чабанов об Оане, явился сюда, чтобы взять ее с собой. Если вы ничего не имеете против, я объявляю ее своей невестой». Оана стояла рядом и плакала. Люди не знали, что и делать. Молчали да переглядывались. Тогда вперед выступил примарь. «В добрый час, господин профессор, — сказал он. — Только не играйте свадьбу здесь, у нас». — «Для того у меня и две лошади, чтобы можно было уехать вдвоем», — отвечал профессор... Но они не вскочили на лошадей, — улыбнулся Фэрымэ и пояснил: — Потому что побоялись, выдержат ли лошади. Пошли они пешком, рука об руку, а лошадей повели за собой в поводу...

— Потрясающая женщина, — мечтательно произнесла Анка Фогель. — Так они и покинули страну?

— Они не сразу уехали, потому что Оана сначала направилась в Бухарест, чтобы познакомиться с женихом отца, а потом в монастыре Пасеря они сыграли свадьбу. Но главное, ради чего Оана отправилась в Бухарест, — ей хотелось показать жениха своим ребятам и их новым друзьям. Действительно, все, что произошло потом, оказалось связано с ними. А среди новых друзей Ликсандру был некто Драгомир Каломфиреску, тоже весьма странный молодой человек.

— Ладно, об этом ты расскажешь в другой раз. Сигареты можешь взять с собой. — Анка Фогель нажала на кнопку и добавила: — Если есть какое-нибудь желание, не стесняйся, говори.

— У меня была бы к вам одна просьба, — робко начал Фэрымэ. — Разрешите мне принести из дому теплую одежду, а то стало холодновато...

— Хорошо, — согласилась Анка Фогель и написала несколько строчек в блокноте, лежавшем перед ней. — Передай это охраннику. — И оторвала листок.

— Премного вам благодарен, — поклонился Фэрымэ, поднимаясь из кресла. — Спасибо и за сигареты.

На следующий день ему доставили из дому теплую одежду и словно забыли о его существовании: около двух недель не вызывали на допрос. Прошли затяжные дожди, но и после них небо осталось затянутым тучами. Сидя за столом, Фэрымэ упорно писал, склонившись над бумагой. Однако писал он уже не так быстро, как раньше. Иногда сидел целыми часами, зажав голову в ладонях и пытаясь вспомнить, описал ли он уже какой-нибудь эпизод или только рассказывал о нем на многочисленных допросах у Думитреску. Поскольку далеко не всегда удавалось вспомнить, Фэрымэ на всякий случай начинал его описывать.

Как-то ночью Фэрымэ разбудил охранник.

— Одевайтесь, — приказал он, но куда более вежливо, чем обычно. — Одевайтесь побыстрее.

Полусонный Фэрымэ дрожащими руками принялся натягивать на себя одежду.

— Как-то неожиданно похолодало, — проговорил он, стараясь заглянуть в глаза охраннику, словно ища сочувствия.

— Я не должен этого говорить, — зашептал тот, — но вас ждет машина. Поторопитесь.

Фэрымэ вдруг затрясло. И, только выйдя под охраной на улицу и увидев машину, он успокоился. «Хуже все равно не будет», — успокоил он себя. Два агента в штатском, ни слова не говоря, сели с ним в автомобиль.

— Вот и осень наступила, — произнес Фэрымэ словно про себя, не решаясь взглянуть на спутников. — Сразу похолодало.

— Наверное, в горах выпал снег, — отозвался сидевший справа агент и протянул пачку сигарет. — Закурите, может, согреетесь.

— Большое вам спасибо, — закивал по привычке Фэрымэ. — Я, знаете ли, заснул, и мне снился сон. Я уже не помню, что снилось, но пришел охранник и разбудил меня. Наверное, из-за того, что я так быстро вылез из постели, мне и стало холодно...

Минут через десять машину остановил милицейский патруль с автоматами. Несколько милиционеров подошли к машине. Один из агентов быстро опустил стекло и, высунув голову, что-то проговорил, но что именно, Фэрымэ не разобрал. Машина медленно продвигалась вперед, и Фэрымэ увидел группки милиционеров, стоявших возле каждой виллы. «Это квартал, где проживает партийное руководство!» — догадался Фэрымэ. Его бил озноб. Но вот машина остановилась, и агенты провели его сквозь строй милиционеров к запертым воротам.

Вся улица была ярко освещена. Один из агентов нажал на кнопку возле ворот, потом что-то сказал, и ворота сами отъехали в сторону, открывая проход.

В холле их тоже поджидали милиционеры. Какой-то тип, которого Фэрымэ сначала не заметил, поскольку тот сидел на стуле за спинами милиционеров, подскочил к нему и принялся ощупывать со всех сторон. Потом, не сказав ни слова, махнул рукой — мол, следуйте за мной. Они прошли через просторную, ярко освещенную гостиную, потом по внутренней лестнице поднялись на галерею. Тут агент жестом остановил старика, а сам несколько раз отрывисто стукнул в дверь. «Войдите!» — раздался женский голос. Агент крепко схватил Фэрымэ за локоть, открыл дверь и впихнул внутрь.

— Добрый вечер, — произнесла Анка Фогель, отрывая глаза от стопы бумаг, лежавших перед ней. — Иди сюда и закуривай.

Растроганный Фэрымэ подошел к столу и стал раскланиваться.

— Садись и кури, — повторила Анка Фогель.

Кабинет был уставлен дорогими книжными шкапами. На письменном столе лежали груды пачек «Лаки Страйк», стояли несколько пепельниц и большая ваза с цветами. Рядом, на низеньком столике, две бутылки шампанского, два бокала и ваза с фруктами.

— Я вызвала тебя сюда, поскольку в министерстве у меня слишком мало времени. Там у меня дела поважнее. Хорошо бы тебя послушал и кое-кто из наших писателей. Но это, возможно, потом. А теперь выпей бокал шампанского, чтобы прийти в себя...

Она взяла бутылку и наполнила бокал.

— Большое спасибо, — вскочил Фэрымэ, взял бокал и, не выпуская его из рук, принялся кланяться. — Насколько я понимаю, это «Вдова Клико», последний раз я пил его еще до первой войны. Помню, что мне сказал тогда Доктор. «Высокочтимый Захария, — заявил он, — всякий раз, когда увидите или будете пить «Вдову Клико», помните, что это шампанское может изменить судьбу человека». Я-то знаю, на что он намекал, — пробормотал Фэрымэ и, вновь опустившись в кресло, поставил бокал на край стола. — Поскольку я угадываю то, о чем умалчивают. Так было и с Доктором, историю которого я воссоздал полностью. Мать его была гречанкой из Смирны, а у отца было поместье в Бэрэгане, возле Дор-Мэрунт. Матери до смерти хотелось женить его на своей племяннице, тоже из Смирны, по имени Калиопа. Поэтому она и посылала сына каждую зиму на Рождество в Смирну, чтобы он получше познакомился с родственниками. Доктор, как я понимаю, влюбился в Калиопу и решил с ней обручиться, для чего поджидал приезда родителей из Румынии. Но в конце концов приехала только мать, потому что отец никак не мог расстаться с Монте-Карло. Для семейного вечера в честь помолвки Доктор, которому было уже иод тридцать, заказал «Вдову Клико». На помолвке присутствовал старинный друг родителей Калиопы, не знаю, кто он был: грек, армянин или еще кто, главное, что он знался с потусторонними силами и любил устраивать в салонах различные шутки и фокусы. Когда все подняли бокалы, этот человек подошел к Доктору и спросил: «А почему вы не попросили розового шампанского?» Доктор лэглянул на спой бокал, остальные тоже посмотрели: действительно, у пего было белое, чуть золотистое, самое обыкновенное шампанское. Все семейство Калиопы, хорошо знавшее шуточки своего друга, хранило молчание. Попросили принести другой бокал, снова налили вина, но шампанское продолжало оставаться золотистым. Видя, что жених задумчив и даже огорчен, хозяйева дома расхохотались и объяснили ему: «Это все шутка. Уважаемый имярек — великий иллюзионист». Тут Доктор вновь взглянул на свой бокал и увидел, что шампанское в нем розовое. «Как это вы сделали?» — спросил он, сгорая от любопытства. «О, это длинная история. Для этого нужно много учиться и напрягать свою голову», — отвечал старик. «Но я тоже хочу научиться!» — настаивал Доктор. «Теперь уже слишком поздно, — отвечал его собеседник скорее в шутку, чем всерьез, — ведь завтра-послезавтра вы женитесь и времени у вас будет хватать лишь на то, чтобы исполнять прихоти жены». — «Ну нет, — возразил Доктор, — мы поступим наоборот. Сначала я обучусь, а потом женюсь! Мы с Калиопой еще молоды и можем подождать. Не правда ли, Калиопа?» — обернулся он к своей невесте, но Калиопа разрыдалась и бросилась прочь из гостиной. Вмешалась мать, все родственники по очереди уговаривали его, но Доктор стоял на своем: сначала научится менять цвет шампанского и только потом женится... Вот так и получилось, что не женился он на Калиопе, хотя еще долгое время его мать не теряла на это надежды, особенно потому, что старик факир по настоянию всего семейства начал давать ему уроки и был поражен, как быстро усваивает он все приемы. Калиопа заявила, что больше года она ждать не будет. Доктор же в свою очередь попросил отсрочки еще на один год. Вполне возможно, что свадьба в конце концов состоялась бы, не влюбись Калиопа в другого двоюродного брата, приехавшего из Греции,

а Доктору не подвернись голландский капитан с Дальнего Востока, на пароходе которого он и уплыл. Однако больше всех не повезло бедной Калиопе, потому что человек, за которого она вышла замуж, стал впоследствии доверенным лицом крупного судовладельца Леониды, с которым тоже связана целая история...

— Фэрымэ, — прервала его Анка Фогель, — выпей шампанского и согрейся немного.

Старик церемонно склонил голову и выпил бокал до дна, не переводя дыхания. Потом поднялся, отвесил несколько поклонов, поставил бокал на поднос и, успокоившись, вновь опустился в кресло.

— А теперь, пока ты не начал новую историю, — продолжала Анка Фогель, — учти: если я слушаю твои рассказы, то только потому, что хочу узнать, что же случилось с Оаной и ее мужем, эстонским профессором, и с Ликсандру...

— Именно к этому я и хотел подвести, — смущенно заулыбался Фэрымэ, — ведь как раз на их свадьбе Доктор и рассказал о своих злоключениях. С этой свадьбой связано много других событий. Но для того, чтобы их понять, следует знать, что Ликсандру в то время подружился с одним молодым человеком немного постарше его, лет эдак двадцати, неким Драгомиром Каломфиреску. Оба они любили бродить по ночным улицам. Драгомир по натуре был меланхоликом, а Ликсандру, если ему не приходило в голову читать вслух стихи, тоже не отличался разговорчивостью. Как-то ночью, когда они вот так, в полном молчании, гуляли по улицам, Ликсандру вдруг воскликнул: «Если бы я знал, куда девалась стрела и где находится Йози, я бы знал все!» Поскольку Драгомир ничего об этом не слышал, Ликсандру пришлось рассказать ему все. Драгомир горько усмехнулся: «В детстве мне не выпало счастья участвовать в таких таинственных приключениях. Все странное и необычное в моей судьбе случилось еще до моего рождения или задолго до того, как я стал отроком. Но меня преследует одно воспоминание. Было мне тогда лет восемь, я заболел scarlatinой, и меня положили в больницу. Мне приносили всяческие книги со сказками и приключениями. Наверное, я все их прочел, а потом все и позабыл. Но никогда я не забуду сказку Кармен Сильвы — я не успел ее дочитать, меня выписали из больницы, а книги, поскольку их нельзя было дезинфицировать паром, сожгли. По правде сказать, из этой сказки я помню мелкие и для других, возможно, незначительные подробности: неопишимо красивая девушка едет на белом слоне, древний храм где-то в Индии... Вот почти и все, но для меня это самые драгоценные детские воспоминания. Несколько лет я боролся с искушением найти эту книжку и дочитать сказку. Но я одолел соблазн и теперь уверен, что никогда не узнаю, кто же была та несказанно красивая девушка, почему она ездила на белом слоне и что ей было нужно в индийском храме... Вот ты изучил древнееврейский язык, чтобы проникнуть в смысл детского приключения. Ты прекрасно поступил. Но подумай хорошенько и на этом остановись!»

Он сделал такой упор на последние слова, что Ликсандру действительно остановился и спросил: «Что ты хочешь этим сказать?» Драгомир взял его за руку и повел на бульвар Фердинанда. Они вышли неподалеку от Огненной Башни. «Оглянись назад. Видишь дом с белым балконом? Перед ним горит фонарь». — «Вижу». «Хорошо. Пойдем дальше. Сейчас только полночь, так что время у нас есть...» Когда подошли к Огненной Башне, Драгомир заставил Ликсандру обернуться. «Как далеко ты видишь?» — «До церковного двора». Драгомир кивнул и повел его дальше. Они прошли по бульвару Паке Протопопеску, миновали улицу Мынтулясы и вышли на улицу Отца Соаре. «Отдохнем», — предложил Драгомир, уселся на скамью и достал портсигар. И тут Ликсандру не выдержал: «Ну ладно, что все это значит?» — «А то, что некогда эта земля принадлежала нам, была землей Каломфириков. Теперь, кроме домов, которые тебе известны, у нас ничего нет, и это потому, что один из моих предков, внук

Каломфира, захотел, как и ты, узнать, где и как живут те, кто оказался под землей». — «Не совсем понимаю», — отозвался Ликсандру...

Фэрымэ перевел дух и закурил.

— Надо вам сказать, — заговорил он снова, улыбаясь, — что в те времена на улице Отца Соаре была знаменитая корчма, с большим выбором всяких блюд, с садиком, укрытым под липами. Летом там появлялась девица, не то чтобы необычайно красивая, но дьявольски привлекательная. Все ее звали Ляна, хотя она качала головой и отвечала: «Меня совсем не так зовут!» Больше она ничего не говорила, потому что ей нравилось окружать себя ореолом таинственности. Ляна пела, и люди приходили сюда даже из других околотков послушать ее, потому что она знала старинные, забытые другими песни и исполняла их, аккомпанируя себе на лютне, что даже по тем временам было весьма необычно. В эту-то корчму и затащил Драгомир Ликсандру, и они просидели там до самого утра. Ляна пела, глядя только на них, но они ее не очень-то слушали, потому что Драгомир в это время рассказывал о жизни Йоргу Каломфира. Закончив песню, Ляна прислушивалась к этим рассказам, положив лютню на колени. Драгомир заметил это и пригласил ее выпить с ними вина. Сидя перед кружкой, Ляна слушала и мечтательно, задумчиво улыбалась, потом вдруг вскочила, словно вспомнив о своих обязанностях, и, прижав лютню к груди, запела... Я вам рассказываю все это, — принялся смущенно оправдываться Фэрымэ, — потому что у этой девушки, у Ляны, тоже была своя, необычная история, и хотя Ликсандру никогда не пытался узнать ее до конца, многое случилось с ним лишь потому, что он познакомился с Ляной в ту ночь. Дело в том, что этот Йоргу Каломфир был мужем Аргире — наипрекраснейшей Аргире, как называли ее в те времена, то есть в начале восемнадцатого века. Женщина эта была одарена Богом всевозможными достоинствами: она была так красива, что слух о ее красоте дошел до Стамбула, а в Бухаресте память о ней хранилась еще более столетия, поскольку и в середине прошлого века лэутары распевали песни об Аргире. Но она была не только красива, она обладала редкими по тем временам качествами — любила театр и поэтов, была образованна и знала кроме румынского греческий, итальянский, испанский и французский языки. Однако был у нее один, но весьма существенный недостаток: она была невероятно близорука, почти что слепа. Ее отец, знатный боярин, и муж, Йоргу Каломфир, потратили целое состояние на докторов, привозя их с юга и с севера. В домах между бульваром Паке Протопопску и улицей Отца Соаре всегда жили доктора и шлифовальщики увеличительных стекол, которые содержали мастерские для испытания разнообразных окуляров и подозрных труб. Возможно, от кого-то из европейских мастеров и услышал Йоргу легенды и поверья о волшебных кристаллах, которые лежат в земле и найти их могут только избранные люди, да и то с великим трудом. Может быть, мечта постичь подземную жизнь родилась от великой любви к Аргире, ведь ему предсказано было: если вера в исцеление искренна, то Бог поможет найти тот кристалл, что вернет Аргире зрение. Со временем это стремление проникнуть в тайну подземного мира превратилось у Йоргу в неугасимую страсть. В одном из своих погребов он устроил нечто вроде лаборатории, где колдовал вместе с чужеземными мастерами. И, как говорит легенда, Аргира вновь обрела зрение. Как это произошло — другая история, и, конечно же, в ту июльскую ночь, сидя в корчме на улице Отца Соаре, Драгомир не успел поведать ее, потому что Ликсандру не терпелось узнать о злоключениях Йоргу Каломфира, охваченного страстью познания подземных тайн. Наслушавшись всевозможных легенд и поверий, которые ему рассказывали чужеземные мастера: как зарождаются минералы и драгоценные камни от воздействия солнца и луны, как растут в горах железные жилы и как охраняют их кобальды и феи, — Йоргу вспомнил, что румынские крестьяне бросают на Пасху крашеную яичную скорлупу в речку, веря, что вода донесет ее до Страны Блаженных,

где-то под землей, и что скорлупа возвещает этим Блаженным о наступлении Пасхи. Тогда Йоргу позабыл и мастеров, и рудознатцев и принялся ездить по стране, по всем своим имениям, разыскивая стариков и старух и заставляя их рассказывать все, что они знают о Блаженных и об их подземном царстве. Но и старики не поведали ему больше того, что он уже узнал, а именно: Блаженные эти суть существа добрые и сердобольные, а там, под землей, они дружно молятся и питаются тем, что доставляют им доброты. Известно также про этих Блаженных, что некогда они жили на земле и только после того, как у них что-то случилось, ушли под землю. Йоргу вбил себе в голову, что это поверье скрывает в себе страшную тайну и тот, кому удастся проникнуть в нее, не только узнает, как попасть в подземный мир, но ему откроются и все остальные тайны, раскрывать которые Церковь не имеет права. И вот как-то раз, вернувшись из деревни, Йоргу заперся на целый день в своем подвале. Потом он приказал обить дверь в подвал железом и навесил на нее замок, чтобы без него туда никто не проник. Что он там делал, этого никто не знал. Однако в один прекрасный день испуганный Йоргу вылез из подвала и приказал собрать людей с ведрами и ушатами, чтобы вычерпывать воду. Целую неделю и ночью и днем без передышки работали люди, но вода все прибывала и прибывала. Йоргу совсем извелся, не спал, не ел, весь всклокоченный, стоял он возле лестницы и как в бреду твердил: «Скорей, скорей!» Но все было тщетно. Через неделю вода полностью залила подвал вместе с лестницей. Тогда Йоргу воздел руки и воскликнул: «Господь не помог мне!» Он осунулся, и на бледном его лице ярко горели от бессонницы и усталости глаза. «Не помог мне Господь!» — повторил он несколько раз...

Фэрымэ перевел дух и, поклонившись, взял бокал с шампанским, который через стол протянула ему Анка Фогель. Потом закурил еще одну сигарету.

— А теперь, — снова принялся он за рассказ, — я должен уточнить, что легенду эту я узнал уже на следующий день в школе. Во время большой перемены ко мне в кабинет пришел Ликсандру. Даже не пришел, а влетел, глаза его лихорадочно блестели. Оглядываясь на дверь, словно опасаясь преследования, он подошел ко мне. «Господин директор, — заговорил он шепотом, — прошу вас не сердиться и не спрашивать меня ни о чем, но позвольте мне спуститься в школьный подвал. Только не смейтесь, пожалуйста, и ни о чем не спрашивайте», — добавил он, видя мое полное недоумение. В следующий миг дверь распахнулась и в кабинет вбежала девушка. Бросившись ко мне, она схватила меня за руки. «Господин директор, — закричала она, — не позволяйте ему спускаться в подвал, иначе ему несдобровать!» — «Но кто ты такая? — спросил я, стараясь высвободить руки. — Почему ты ворвалась, даже не постучавшись?» — «Если бы вы знали то, что знаю я, вы бы меня извинили, — проговорила она. — Люди зовут меня Ляна, хотя у меня совсем другое имя. Бог наказал меня за грехи, и я теперь пою по корчмам, хотя вовсе не для этого была рождена. Сейчас я пою в «Подсолнечнике», вот тут, рядом с вашей школой. Вчера вечером я пела для них двоих, потому что они мне понравились, как только вошли. И я слышала, что рассказывал тот, второй, внук боярина. Я знаю, какая опасность подстерегает этого юношу, если вы разрешите ему спуститься в подвал...» Ликсандру все больше бледнел. «Не слушайте ее, господин директор, — заговорил он. — Ляне всюду мерещатся всяческие чары и колдовство... Пусть она выйдет вон и войдет второй раз, постучавшись!» — «Ничего не понимаю! — воскликнул я. — Садитесь оба и объясните толком, о чем речь. Начинай ты», — обратился я к девушке. «Не слушайте вы ее, господин директор! — вскочил Ликсандру. — Эта Ляна, вместо того чтобы развлекать посетителей, подслушивает их разговоры, ничего в них не понимая...» Резко повернувшись к Ликсандру, я посмотрел ему в глаза. Он залился краской и замолчал. «Я всю ночь не спала, — начала рассказывать Ляна. — И когда поняла, что он задумал, меня даже в дрожь бросило, так мне

стало жалко его. Ощувив его горячую натуру, я догадалась, что его ожидает, и сказала себе: это просто грешно, если пропадет такой молодой мальчик, еще не отведавший любви. Потому-то я и не спала, а подстерегала его возле школы. Я ведь знала, что он явится сюда! Умоляю вас, господин директор, Господом Богом прошу, не позволяйте ему спускаться в подвал!» — «Почему же?» — воскликнул я, ничего не понимая. «Сейчас объясню», — начала было Ляна, но Ликсандру перебил ее: «Я сам нее скажу, но только вам одному». — «А я отсюда не уйду! — пылко воскликнула Ляна. — Поклянитесь, что не пустите его в подвал!» — «Клясться я не стану, потому что не знаю, о чем идет речь, — отвечал я. — Но можешь быть уверена, я не разрешу ему спуститься вниз, не выслушав тебя еще раз. А теперь, будь добра, оставь нас вдвоем и подожди в садике».

Когда мы остались одни, Ликсандру рассказал мне о занятиях Йоргу Каломфира, о которых узнал накануне ночью. Этот Йоргу несколько часов наблюдал, как прибывает вода, и наконец позвал старого ключника. «Скажи, кто из нашего рода умер в этом доме?» — «В этом доме, боярин, никто не умирал, — отвечал ключник. — Сам боярин Каломфир умер на винограднике. А ваши родители — они померли не здесь, а в старом доме». И указал через двор. «Господь Бог отобрал у меня разум!» — воскликнул Йоргу, хлопнув себя по лбу. Он поднялся из кресла и объявил людям: «Больше нечего бояться, вода пойдет на убыль». Действительно, так оно и случилось: с той ночи уровень воды начал снижаться, а через неделю она исчезла совсем. Что осталось от лаборатории Йоргу, это никому не ведомо, потому что, как только сошла вода, он спустился в подвал и запер за собой дверь, а когда вышел оттуда, то вынес всего лишь небольшой ящичек. Все же остальное сокрушил молотком. Однако вскоре после этого он обосновался в подвале старого дома. Приказал навесить там железную дверь и пропадавал за ней дни и ночи. Через несколько месяцев повторилась та же история: Йоргу выскочил на лестницу, призывая слуг с ведрами и ушатами, и, пока они откачивали воду, в отчаянии сжимал лицо ладонями: «Не помог мне Господь...» Но несколько месяцев спустя он в третий раз принялся за свое дело, разузнав, что в глубине сада в стародавние времена стояли какие-то постройки. Их снесли еще его предки, чтобы на том месте построить конюшню. Действительно, под конюшнями оказался подвал, где Йоргу и обосновал третью свою лабораторию.

Что было потом, можно только предполагать, потому как вскоре Йоргу продал часть принадлежавшей ему земли и уехал за границу. «Вот что рассказал мне минувшей ночью Драгомир, — заключил Ликсандру. — Только мне и в голову не пришло, что Ляна все подслушала. И теперь я прошу вас об одном: разрешите мне спуститься в подвал. Не знаю, известно ли вам, что земля, на которой стоит теперь школа, принадлежала боярину Каломфиру». — «И этот участок, и все соседние, — возразил я ему, — принадлежали Мынтулясе». — «Мне это известно, — отвечал Ликсандру. — Известно и то, как он ими завладел. И возможно, именно где-то здесь, на этой улице, и даже на месте школы, остались знаки». — «Какие знаки, Ликсандру?» — «А вот этого, господин директор, я не могу вам сказать», — залился краской Ликсандру. «Хорошо, не говори...» Я поднялся, встал и Ликсандру, мы вышли во двор. Ляна, увидев нас, бросилась навстречу. «Что вы скажете?» — обратилась она ко мне. «Спустимся все вместе», — ответил я. Ляна упала на колот и обняла мои ноги. «Не оставляйте его, господин директор! Ведь неведомо, что может случиться!» — «Не бойся, девушка, — успокоил я ее, поднимая. — В нашем подвале никогда не бывало чудес». — «Откуда вы можете знать!» — воскликнула Ляна. Но это меня не остановило. Отыскав ключ от подвала и прихватив три свечи, потому что лампочка была только при входе, я первым начал спускаться вниз. Ляна держалась за спиной Ликсандру, готовая мгновенно заключить его в объятия, если что-то будет ему угрожать. Так мы блуждали по подва-

лу, пожалуй, с четверть часа. Ликсандру, бледный, стиснув зубы, осматривал своды, освещал свечою песок на полу, касался рукою каменной кладки, как будто отыскивая неведомые знаки. Вдруг он резко обернулся и заявил: «Здесь ничего нет. Можно возвращаться». Ляпа кинулась к нему, обняла и расцеловала в обе щеки. «Дай тебе Бог здоровья!» Потом схватила мою руку и поцеловала ее. «А вам столько же счастья, сколько доброты в вашем сердце!»...

Так я с ней и познакомился, — улыбнулся Фэрымэ. — В этот же вечер я отправился в «Подсолнух», чтобы послушать, как она поет. Голос ее прямо-таки заморозил меня. Чем напугала ее история, рассказанная Драгомиром, этого я не знаю. Но могу сказать, что напрасно она радовалась и целовала Ликсандру. Потому что юноша и не подумал утихомириться. На другой же день он пошел по соседям, всюду добиваясь разрешения осмотреть подвалы. Когда об этом узнала Ляна, отговаривать Ликсандру было уже слишком поздно. А что навлекло на их бедные головы эта страсть Ликсандру лазить по подвалам, того и за много ночей не расскажешь...

— Отдохните и выпейте шампанского, — предложила Анка Фогель, протягивая через стол бутылку.

Растроганный Фэрымэ вскочил, принял бутылку и наполнил свой бокал. Потом обошел письменный стол и поставил бутылку на место, на серебряный поднос.

— Выпейте, выпейте, — добродушно настаивала Анка Фогель.

Улыбаясь и неустанно кивая головой, Фэрымэ мелкими глотками выпил шампанское и довольно вздохнул. Потом взял сигарету и несколько минут мечтательно курил, прикрыв глаза.

— Да, — вдруг произнес он. — Эта страсть долгое время владела Ликсандру. Он ходил из дома в дом по всему кварталу и просил у хозяев разрешения осмотреть подвал. В большинстве случаев его гнали прочь и даже угрожали отдать полиции, но были и такие, кто разрешал. Ликсандру спускался в подвал со свечами и электрическим фонариком, быстро осматривал стены, порою задерживаясь, если ему казалось, что под плесенью могут скрываться какие-то знаки. Выбравшись на свет, еще более бледный и осунувшийся, он в благодарность читал хозяевам дома стихи. Стоя на пороге, он всегда начинал с «Меланхолии» Эминеску, и если ему казалось, что стихи нравятся, то принимался за сонеты Камозэнса... Так и стоял он, приложив одну руку к груди, а другой держась за дверную скобу. Никто не понимал, что с ним происходит, одни смотрели на него с жалостью и сочувствием, потому что в такие минуты Ликсандру был особенно красив, другие, глядя на его бледное лицо, испачканные плесенью руки и слушая непонятные стихи, ощущали к нему явную неприязнь. Зато женщины, и особенно служанки, были в него влюблены. Они вздыхали, видя, как он бродит по одним и тем же улицам: весной — рано утром, летом — после захода солнца, когда, как ему представлялось, люди становятся более отзывчивыми и он может добиться успеха даже в тех домах, где неделю или месяц тому назад его гнали прочь. Иногда и я из окна кабинета видел, как он, задумчивый и грустный, бредет под цветущими абрикосовыми и персиковыми деревьями, потому что возле школы в те времена росло много фруктовых деревьев и весной все они казались покрытыми снегом. Если было свободное время, я окликал его через окно или выходил на улицу и заводил с ним разговор. «Все еще ищешь, Ликсандру?» — спрашивал я его скорее в шутку, чем всерьез. Ликсандру мгновенно возбуждался и отвечал, сверля меня своими черными, лихорадочно блестящими от недосыпания глазами: «Если бы вы знали то, что знаю я, господин директор, вы бы не смеялись. Я многое узнал, расспрашивая Драгомира, и чувствую, что знаки где-то здесь, именно здесь, между бульваром Отца Соаре и проспектом Мошилор». Как-то раз он заявил: «Будь у меня миллиард, я бы скупил все эти дома. И вы, и историки, и археологи только бы диву дались, узнав, что я извлек бы

из этой земли, из-под этих тротуаров! — воскликнул он, стуча каблуком по каменной плите. — Человеческие поселения, куда более древние, чем вы полагаете. Но не они интересуют меня, не их я ищу. Это вас должны интересовать археологические клады, укрытые здешней землей и фундаментами местных домов...» — «Ликсандру! — прервал я его. — Ты образованный молодой человек, уже не ребенок. Ну как тебе удастся найти Йози, который якобы вот уже столько лет живет под землей? Неужели ты можешь в это поверить?» Ликсандру испытующе посмотрел на меня и грустно улыбнулся: «Весьма печально, господин директор, что вы полагаете, будто я немножко тронулся. Я прекрасно знаю, что Йози жив, но обитает он, конечно, не здесь, не под землей, не у нас под ногами. — И он снова постучал каблуком по тротуару. — Однако знаки, о которых я вам говорил, нужно искать прелюде всего под землей». — «Какие знаки, Ликсандру?» — «Видите ли, — улыбнулся он, — этого я вам сказать не могу. Прежде чем понять эти знаки, их нужно знать...» Ликсандру поклонился и исчез под сенью цветущих абрикосов.

Иногда я встречал его в корчме на улице Отца Соаре, где он слушал Ляну. Обычно он приходил туда с Драгомиром. Однажды Ликсандру отвел меня в сторону и сказал: «Пусть вам не покажется странным, господин директор, но Ляпа хранит страшную тайну. А иначе откуда ей известно про знаки? Я убежден, что она их знает. Вы помните, как она старалась меня удержать? Почему она подозревала, что спускаться в подвал опасно? Ведь ни вы, ни кто другой этого не боялись. Почему же боялась она? Эта девушка что-то знает. Я слушаю, как она поет, она часто поет для нас с Драгомиром, а иной раз и для меня одного. Есть у нее песня, после которой она всякий раз подходит к нам и понимающе улыбается. Только после этой песни, — подчеркнул он. — А откуда она знает тайну, не говорит». — «Какая же это песня?» — поинтересовался я. «Послушайте Ляну, господин директор, и сами догадаетесь. Она поет ее каждый вечер...» Так вот и случилось, что я тоже стал наведываться в корчму на улице Отца Соаре, чтобы послушать Ляну, и тоже подпал под ее чары. Ходили даже слухи, будто она вскружила мне голову. Но это неправда. Ляна мне нравилась, как множество других юношей и девушек, сияющих молодостью, мечтательных и отважных, как и все, кто таил в себе что-то особенное, кто видел в жизни не только то, что видим мы, люди озабоченные и ограниченные. Я ходил слушать Ляну и потому, что мне полюбилась сама корчма. Вообще я был неравнодушен к улице Отца Соаре, потому что, должен вам сказать, весь этот мой квартал — Мынтуляса и Отец Соаре...

Анка Фогель вдруг расхохоталась.

— Не надо, Фэрымэ, — сказала она и налила себе шампанского. — Не столь подробно, иначе мы просидим до рассвета. Чуть больше последовательности. Меня интересует, что произошло на свадьбе Оаны и как сложилась ее жизнь с этим эстонцем после свадьбы.

— Я как раз и предполагал к этому вернуться, к свадьбе, — заулыбался старик. — Но для того чтобы понять смысл событий, следует знать, что двоюродная сестра Драгомира, та красивая и странная девушка, которую звали Замфирой, вспылала любовью к Оане и стала по вечерам навещать корчму ее отца, а иногда забегала и днем со своим альбомом, чтобы делать зарисовки. Что же ей нужно было от Оаны? История Замфиры тоже весьма загадочна.

Фэрымэ вдруг смутился и замолчал, взглянув на Анку Фогель.

— История Замфиры... — мечтательно повторила Фогель. — Она длинная? — лукаво спросила товарищ министр.

— Подлинная ее история, — безмятежно начал Фэрымэ, — длится немногим более двухсот лет, ибо все, что происходило на протяжении этого времени, происходило только ради того, чтобы ей казалось, будто она похожа на ту самую Замфиру, которая, если вы помните, вернула зрение Аргире.

Анка Фогель вновь рассмеялась.

— Фэрымэ! — воскликнула она, качая головой. — Вы странный человек... Возьмите эту пачку сигарет, чтобы все лучше припомнить. На сегодня хватит. Возможно, что мы с вами еще встретимся. Доброй ночи!

Она протянула руку через письменный стол. Фэрымэ вскочил, принял руку и коснулся ее губами.

— Премного вам благодарен, — забормотал он, — премного благодарен за сигареты и за доверие...

8

Он продолжал писать каждый день, но теперь уже тщательно обдумывал и внимательно перечитывал каждую страницу, прежде чем передать охраннику. Он отдавал себе отчет, что помимо воли постоянно возвращается к событиям, которые кажутся ему важнейшими, но если чего и страшился, то не самих повторений, а неправильных толкований, порожденных несколькими вариантами одних и тех же историй. Фэрымэ понял это, когда через несколько недель вновь очутился в кабинете Думитреску.

— Можно сказать, что я желаю вам добра, — начал Думитреску вместо приветствия. — Но сам себя спрашиваю: почему? Ведь я же не писатель и по характеру своему вовсе не склонен обмирать при имени артиста или писателя, что случается со многими, кто здесь работает. Возможно, вы поняли, — тут губы его скривились в горькую усмешку, — что ваши рассказы прошли через многие руки и их читали даже люди, облеченные большой ответственностью, уже не говоря о писателях, как молодых, так и пожилых.

— Этого я не знал, — Фэрымэ залился краской, — не знал, что...

— Теперь знаете, — оборвал его Думитреску. — Хочу обратить ваше внимание также и на то, что для меня литературные достоинства ваших показаний не имеют никакого значения. Меня интересует исключительно ход следствия, об этом я и хочу побеседовать с вами. Из многих, слишком многих сотен страниц, которые вы исписали к настоящему времени, из всех устных показаний, какие вы дали, становится совершенно очевидной связь Ликсандру с Дарвари.

— Они были друзьями еще с начальной школы...

— Я не говорю ни о начальной школе, — прервал Думитреску, — ни об их дружбе с Оаной, Замфирой и другими. Я говорю об их связи в тридцатом году, когда Дарвари вместе со своим самолетом оказался в России.

— Они и тогда были друзьями...

— Из ваших показаний этого не следует. Вы противоречите сами себе. Я как-нибудь покажу выдержки из ваших показаний, и вы убедитесь, что путаетесь, а иногда и противоречите себе. Мне бы не стоило говорить вам об этом, — тут Думитреску сделал многозначительную паузу, — но вполне возможно, что, сам того не замечая, я желаю вам добра. Я задаю себе вопрос: вы путаетесь потому, что не помните досконально, как было дело, или же потому, что хотите что-то скрыть? Если вы действительно хотите что-то скрыть, то могу вас заверить, вы тешите себя иллюзиями. Л в вашем весьма почтенном возрасте питать какие-либо иллюзии было бы опрометчиво...

Наступило молчание.

— Я понял, — заговорил Фэрымэ, пытаясь улыбнуться. — Понял и очень вам благодарен. Скрывать я ничего не собирался. Но я понимаю, почему у вас создается такое впечатление: когда события изложены не столь полно, как это следует, порой возникает путаница, отчего и некоторые подробности выглядят так, будто противоречат це-

лomu. Как учитель, я понимаю это. Поэтому впредь я буду внимательней и постараюсь писать как можно четче.

— Это в ваших же интересах. — Думнтреску нажал на кнопку. — Между прочим, — тут он пристально посмотрел в глаза Фэрымэ, — могу сообщить вам один факт, о котором сами вы никак узнать не могли: Дарвари не добрался до России. И самолет, который он угнал, тоже не нашли, хотя и с нашей, и с русской стороны велись долгие поиски. Надеюсь, вы понимаете, что это значит...

В тот день Фэрымэ почти ничего не написал. Долго сидел он сжав виски руками и склоняясь над бумагой. Наконец пришло решение, и он начал выстраивать даты: 1700 (Аргира), 1840 (Селим), октябрь 1915 (Йози), осень 1920 (свадьба Оаны), 1919-1925 (Марина), 1930 - Дарвари... Тут он остановился и невидящим взглядом уставился на цифры. Потом, точно очнувшись, принялся тщательно и методично все это вымарывать, часто макая перо в чернильницу.

На следующий день он снова принялся описывать события 1914—1915 годов, вплоть до исчезновения Йози, но уже сжато и четко. С этого момента он каждый день резюмировал, сухо, в казенном стиле, всю цепь событий, предшествовавших исчезновению сына раввина, которые в то же время имели прямое или косвенное отношение к улице Мынтулясы.

Прошло около недели, и охранник вновь разбудил его среди ночи.

— Пожалуйста, машина пришла. Прошу на прогулку, — улыбнулся он.

Фэрымэ приехал на виллу за полночь. Ан-ка Фогель сидела за письменным столом перед грудой бумаг и курила. Рядом на маленьком столике стояли две бутылки шампанского.

— Добрый вечер, Фэрымэ! — воскликнула она. — Садитесь и закуривайте. — И через стол протянула пачку сигарет. — Расслабьтесь. Выпейте шампанского. — И она разлила вино по бокалам.

— Большое спасибо, — закивал Фэрымэ.

— Переведите дух, а потом продолжите свой рассказ. Но не так, как вы любите: все, что в голову взбредет, а только то, что интересует меня. К примеру, сегодня расскажите о свадьбе Оаны.

— Если вы позволите, я бы начал с истории Замфиры...

— Вы же говорили, что она растянулась на двести лет, — улыбнулась Анка Фогель.

— Я изложу наикратчайшим образом. Ведь если вы не будете знать, что произошло двести с лишним лет тому назад, вы не поймете свадьбы Оаны, а тем более того, что случилось после нее.

Анка Фогель пожалала плечами и снова наполнила свой бокал шампанским.

— Возможно, вы припоминаете, — начал Фэрымэ, — что жена боярина Йоргу Каломфира, прекрасная Аргира, была весьма слаба глазами. Она обожала книги, но не могла прочесть их собственными глазами, а только брала в руки, гладила, подносила к лицу, чтобы разобрать хотя бы название, а потом передавала своей компаньонке, гречанке, чтобы та читала вслух. Помимо стихов, романов и описаний всяческих путешествий Аргире необычайно нравился театр. Это была подлинная страсть, и лишь только она обвенчалась с Каломфиром, как тут же попросила разломать в доме стену, разделявшую два больших зала, и заменить ее колоннами, а также устроить сцену. Сама она была столь близорука, что участвовать в спектаклях не могла, хотя и очень этого хотела. Так что она довольствовалась тем, что придумывала костюмы для своих знакомых и их детей, которые разыгрывали разнообразные сцены. Аргира любила костюмы ярких, ослепительных цветов. Она сама выбирала сукна, бархат, шелк и сочетала их так, чтобы они бросались в глаза: огненно-красный бархат — с

белоснежной чесучой, шерстяные ткани, шитые золотом, — с турецкими шелками, зелеными, голубыми, оранжевыми, потому что цвета она различала и издалека. Во время спектаклей она сидела в кресле прямо напротив сцены и следила за текстом, потому что сама знала его наизусть. Муж ее, как я уже говорил, потратил целое состояние на докторов и шлифовальщиков стекол. Но все было напрасно: какие бы очки она ни надевала, глаза ее начинали слезиться. Ни один врач не доискался до причины, почему глаза Лрриры не выносили никаких увеличительных приборов. Лекари и знахари перепробовали все мыслимые и немыслимые снадобья и зелья, но все было тщетно, пока в один прекрасный день после утренней воскресной литургии не поднялась к ней в комнату молодая девушка из ближнего села. «Я — Замфира, — заявила она. — Я умою тебе лицо этой водой, и Господь Бог вернет свет твоим глазам...» Так все и произошло: Аргира умылась целебной водой и стала видеть, как видят все люди. Она обняла Замфиру, осыпала ее подарками и каждый день стала приглашать ее в свои покои. Вскоре она выдала Замфиру замуж за доверенного человека своего отца — Мынтулясу, подарив ей дома и земли, на которых потом и выстроилась улица Мынтулясы, но это уже другая история, и, возможно, я ее расскажу в другой раз, когда будет случай... Теперь же я хочу рассказать вам, — продолжал Фэрымэ, закуривая новую сигарету, — что кузина Драгомира, скульпторша, чье настоящее имя было Марина, с детских лет знала все эти истории и Замфира представлялась ей вроде святой. Марина была даже похожа на Замфиру, а может, она и была Замфирой, вернувшейся на землю спустя двести лет, чтобы научить людей видеть. Марина считала, что люди разучились смотреть вокруг себя и все грехи и все зло проистекают от того, что в наши дни люди почти ослепли. А чтобы излечить их от слепоты, есть только одно средство: научить их смотреть произведения искусства, и в первую очередь скульптуру. Поэтому-то она и питала такую слабость к Оане, постоянно навещала корчму и рисовала девушку, заполняя набросками целые альбомы. Она утверждала, что Оана достойна быть моделью для богини.

— Нет, Фэрымэ, — подняла руку Анка Фогель, — это меня не интересует. Я вас просила рассказать про свадьбу Оаны.

— Через несколько минут доберемся и до свадьбы, — краснея, подтвердил Фэрымэ. — Ведь на свадьбе Оаны в монастыре Пасеря была и Марина, и остальные ее друзья.

— Когда была свадьба?

— Осенью двадцатого года.

— А все, что вы рассказывали про Марину, которая называла себя Замфирой, когда происходило?

— Примерно за год до свадьбы, значит, в девятнадцатом году.

— Ну хорошо. Оставим все это и перейдем прямо к свадьбе.

Фэрымэ опустил голову и принялся растирать колени.

— Если вы настаиваете... Я только попрошу еще две-три секунды, чтобы сообщить, что Марина только-только начала ваять свое «Рождение Венеры», когда Оана попросила разрешения у отца отправиться в горы. Так что в то лето Марина осталась без модели. В полном отчаянии она собрала своих знакомых юношей, и они пировали все ночи напролет. Нужно сказать, что никто из них никогда еще не бывал в таком богатом боярском доме...

— Две-три секунды уже давно прошли, — напомнила Анка Фогель.

— Прошу прощения. Хотя это и странно, но я никак не могу перескочить через некоторые подробности, на первый взгляд совсем незначительные и все-таки решающие для последующих событий. Я должен вспомнить этот старый богатый дом, потому что в нем проживали тетки Марины — две старухи, у которых, казалось, не было и одного ума на двоих, но это только казалось...

— И какое это имеет значение? — сухо оборвала его Анка Фогель.

— А вот какое. Эти старушки постоянно твердили мальчикам, которым, прошу заметить, в ту пору не было и двадцати лет: «Смотрите не влюбитесь ненароком в Марину, потому что она суженая Драгомира. Только за Драгомира она должна выйти замуж, иначе угаснет наш Фэрымэ неожиданно замолчал, испугавшись не столько телефонного звонка, сколько резко изменившегося выражения лица Анки Фогель. Мрачно глянув на телефон, она раздавила в пепельнице только что зажженную сигарету. Потом сняла трубку и поднесла ее к уху, выдавливая из себя улыбку. Фэрымэ вдруг стало страшно, и он отвернулся к книжному шкафу.

— Понятно, — услышал он ее шепот.

Последовала пауза, потом прозвучало несколько слов на русском языке, и трубка опустилась на рычаг.

— Фэрымэ, — прозвучал как будто посторонний голос, — вы счастливый человек.

Анка Фогель налила бокал шампанского, выпила его до дна и закурила новую сигарету.

— Только не знаю, приносите ли счастье другим. Но это мы узнаем позднее. Во всяком случае, все может оказаться еще более таинственным, чем вы рассчитывали, когда начинали выдумывать историю с Оаной и Замфирой.

— Даю вам честное слово... — зашептал, бледнея, Фэрымэ.

— Прошу не перебивать. Мне совершенно безразлично, все или не все приключения, о которых вы пишете и рассказываете, придуманы вами. Но возникает маленькая психологическая проблема, которую я хотела бы разрешить. Проблема такая: зачем вы по ходу рассказа придумываете разных действующих лиц? В надежде оттянуть время и таким образом спасти себя? Но я не понимаю, чего вы боитесь, не понимаю, что это за опасность, которой вы так хотите избежать...

Фэрымэ побледнел еще больше и непроизвольно принялся растирать колени. Но сказать что-либо не решался, хотя Анка Фогель смотрела на него и вроде бы ожидала ответа.

— Во всяком случае, — заговорила она, еще раз наполняя бокал, — человек вы везучий. Ведь вы и не знаете, какой сюрприз приготовили мы вам этой ночью. Вам даже в голову это прийти не может! — Лицо ее искривилось вымученной улыбкой. — Я хотела после трех часов, когда, как вы говорите, Господь Бог спускается на землю, прогуляться вместе с вами по улице Мынтулясы, чтобы вы показали мне и вашу школу, и корчму, и дома с глубокими подвалами...

— Этой улицей нужно любоваться летом, — горячо заговорил Фэрымэ. — Пожалуйста, приезжайте летом, когда деревья у нас просто ломаются от вишни и абрикосов!

Лица Фогель бросила на старика пристальный взгляд и принялась отпивать шампанское мелкими глотками.

— Как я сказала, вам повезло. Я никогда не узнаю, что вы выдумали, насколько исказили все события, потому что по улице Мыту ляссы пройти нельзя...

Она расхохоталась, увидев, как испуганно поднялся из кресла Фэрымэ.

— Точнее, — продолжала она, — нельзя пройти сегодня ночью. Нам с вами нельзя. Так что, как видите, жизнь куда сложнее, чем это следует из ваших рассказов...

Она нажала на кнопку, и тут же появился дежурный.

— Дайте ему сигарет и быстренько посадите в машину.

Анка Фогель резко поднялась из-за стола, пересекла комнату и исчезла за гардиной, закрывавшей выход на балкон. Тщетно пытаясь унять дрожь, Фэрымэ склонился в глубоком поклоне. Ощувив руку дежурного на своем плече, он покорно вышел из ка-

бинета. Во дворе их поджидала группа мужчин в длинных шинелях, не было ни одной знакомой физиономии, и он почувствовал, что ноги стали ватными. Он бы и упал, не поддержи его дежурный.

— Что она еще сказала? — спросил кто-то из военных, которые тут же окружили их.

— Сказала, чтобы я дал ему сигарет.

9

Когда Фэрымэ очнулся, он сидел на стуле в каком-то весьма странном и плохо освещенном помещении, потому что видел перед собой только стол и двух незнакомых за этим столом, взиравших на него вроде бы с любопытством и все-таки достаточно равнодушно.

— Прошу меня извинить, — заговорил Фэрымэ, удивленно оглядевшись вокруг. — Я так устал, что не очень понимаю, как оказался здесь. Я имел честь быть гостем товарища министра Анки Фогель.

— Именно в связи с этим мы и хотим задать вам несколько вопросов, — прервал Фэрымэ один из мужчин. Его редкие волосы были тщательно уложены на макушке, глаза скрывались за дымчатыми очками, руки лежали на папке с досье. — Прежде всего, — произнес он с расстановкой, — мы бы хотели знать, не говорила ли товарищ Фогель вам что-нибудь об Эконому.

— О помощнике государственного секретаря по иностранным делам? — переспросил Фэрымэ.

— Он уже больше не помощник государственного секретаря. Мы бы хотели знать, не говорила ли товарищ Фогель что-нибудь о Василе Эконому. Постарайтесь хорошенько припомнить. Это очень важно и значительно облегчит ваше положение.

В это время второй мужчина протянул старику пачку сигарет и зажигалку. У него были редкие желтые зубы, которые он все время обнажал в меланхолической вымученной улыбке. Фэрымэ достал из предложенной ему пачки сигарету и торопливо закурил, стараясь унять дрожь в руках.

— Могу вас заверить, что в разговорах, которые я имел честь вести с товарищем министром Фогель, никогда не упоминалось имя господина Эконому.

— И все-таки вы были приглашены к товарищу Фогель после того, как у вас состоялась продолжительная беседа с Василе Эконому, в то время помощником государственного секретаря в Министерстве иностранных дел.

— Не могу сказать, что это была продолжительная беседа. Я, право, даже не знаю, можно ли назвать это беседой, поскольку господин Эконому молчал. Меня вызывали специально для того, чтобы я рассказал кое-что об Оане, дочери корчмаря из Обора. Вот я и рассказывал, а господин Эконому слушал.

— Именно об этом мы и спрашиваем, — вмешались дымчатые очки. — Почему после этого рассказа товарищ Фогель вызвала вас к себе и заставила все повторить еще раз? Или же... — Тут последовала многозначительная пауза. — Товарищ Фогель должна была узнать все, что ее интересует про Оану, непосредственно от вас?

Фэрымэ потушился:

— Вряд ли товарища министра Фогель заинтересовала старая история, она и не верила мне, подозревала, что все это мои фантазии.

— Откуда вам известно, что не верила?

— Она сама сказала сегодня вечером... или прошлой ночью, я уже не помню, когда это было, в общем, в последний раз, когда я имел честь...

— А когда она заявила, что не верит вам: до телефонного звонка или после?

Фэрымэ побледнел и начал суетливо тыкать сигаретой в пепельницу.

— После... — прошептал он. — После разговора по телефону.

Мужчины обменялись взглядами.

— Мы в этом не сомневались. Значит, до звонка она никак не давала понять, что сомневается в правдивости рассказа. Вот нам и хотелось бы узнать: что именно узнал Эконому об Оане и почему он решил, что некоторые моменты, а возможно, всего лишь один-единственный эпизод в этой истории может заинтересовать товарища Фогель? Или, если выразаться точнее, попытайтесь припомнить: описывали вы Эконому свадьбу Оаны в монастыре Пасеря? Упоминали сон Оаны?

Фэрымэ сжал ладонями виски и долго, мучительно думал.

— Насколько я помню, — наконец прошептал он, — господину Эконому я рассказывал только об отрочестве Оаны, о том, как она вместе с Доктором и другими своими приятелями путешествовала по городкам Мунтении.

— То есть, — чиновник в дымчатых очках прервал его, заглядывая в досье, — о событиях тысяча девятьсот шестнадцатого года.

— Совершенно верно. Лето шестнадцатого года, когда Румыния вступила в войну.

— Этот период нас не интересует. Нет смысла на нем останавливаться. Вернемся к свадьбе Оаны. Вы могли бы описать, как восприняла товарищ Фогель рассказ о свадьбе Оаны?

— Все, что я могу сообщить вам, — уже успокоившись, проговорил Фэрымэ, — заключается, к сожалению, в том, что я так и не дошел до рассказа об этой сказочной свадьбе, хотя товарищ министр много раз просила об этом и даже настаивала. И вовсе не потому, что я не хотел рассказывать. Как я неоднократно повторял товарищу министру Фогель, понять, что произошло на этой свадьбе с Оаной и ее друзьями, можно, только если знаешь, что предшествовало ей приблизительно за сотню лет. Это с одной стороны, а с другой — за двести лет.

— Точнее, пожалуйста, — попросили дымчатые очки, перелистывая досье. А второй следователь протянул Фэрымэ пачку сигарет и ободряюще улыбнулся.

— Я имею в виду историю Селима, — закурив, пояснил старик, — а также боярина Калом-фира.

— Вы многократно писали об этом, но связь между ними так и осталась неясна. Привожу выдержки: в тысяча восемьсот тридцать пятом году Селим, сын паши из Силистрии, спасает жизнь одному мальчику, их связывает братская дружба. Селим совсем молодым берет себе в жены турчанку и отуреченную гречанку. Но вскоре обнаруживает, что друг соблазнил обеих, и проклиная его. Этот друг, приняв имя Тунсу, бежит сначала в Ардял, а в восемьсот сорок восьмом году перебирается в Мунтению. Тунсу волочит за каждой юбкой, но женитьбы боится как огня. Так продолжается до восемьсот семидесятого года. Когда ему стукнуло пятьдесят лет, он женился на вдове, имевшей троих детей... Не нижу никакой связи со свадьбой Оаны.

- Извините меня, но связь здесь есть. Возможно, я не очень ясно написал... Все дело в проклятии Селима. Он проклял за предательство своего лучшего друга, которому спас жизнь, и проклятие это гласило: все мужчины в его роду будут роконосцами, а все женщины станут любиться с животными. Так оно и случилось. Родив Тунсу сына, его жена сбежала с батраком и забрала своих детей. А он поселился в лесу возле монастыря Пасеря. Сын его, Фэникэ Тунсу, сделался корчмарем в Оборе, женился. Но и от него тоже ушла жена, увидев, каких невероятных размеров достигла их дочь Оана, а также узнав от мужа о проклятии Селима. Бедняжку Оану, хотя она была вполне разумной и благонамеренной девицей, тоже не обошло проклятие, потому что в конце концов... но вы, наверное, знаете эту историю...

— Знаем. Именно в связи с этой историей, потому как скорее всего ее выдумали горные пастухи или их жены, именно в связи с этой историей нас интересует реакция

товарища Фогель. Что она говорила? Высказывала свое мнение? Вы помните что-нибудь?

— Она много раз восклицала: «Потрясающая женщина!»

Следователи опять переглянулись, однако лица их ничего не выражали.

— Перейдем к следующему пункту, также связанному со свадьбой Оаны. Вы заявляете, что история Каломфира, которая начинается с тысяча семисотого года, якобы также чрезвычайно важна для понимания свадьбы Оаны. Но из того, что вы написали и излагали устно, это не следует.

Снова открыв досье, следователь в дымчатых очках извлек машинописную страницу и бегло пробежал ее.

— Было весьма трудно резюмировать все рассказы, связанные с Каломфиром, поскольку вы все время перескакивали от Замфиры, которая вернула зрение Аргире в начале восемнадцатого века, к скульпторше, которая пожелала именоваться Замфирой, хотя ее имя было Марина, и которой, если бы она была жива, было бы теперь, судя по вашим словам, лет шестьдесят. Или на десять-пятнадцать меньше, а возможно, и больше. Потому что, — тут следователь поднял голову и с нескрываемой иронией посмотрел на Фэрымэ, — насколько точны даты жизни других персонажей ваших историй, даже из далекого прошлого, настолько возраст Марины варьируется в показаниях самым невероятным образом.

— Это правда, — задумчиво подтвердил Фэрымэ. — Для меня Марина до сих пор остается великой загадкой.

— Значит, перейдем к этой загадке и, возможно, разгадаем ее. Я уже сказал, что систематизировать все факты, связанные с Каломфирами, очень трудно: вы постоянно перескакиваете из одного века в другой, от Каломфира и Аргире — к Драгомиру и его двоюродной сестре Марине и только вскользь упомянули о Мынтулясе...

Сам того не замечая, Фэрымэ принялся нервно растирать колени.

— Все, что вы сказали, а потом повторяли много раз, сводится к тому, что Аргира выдала Замфиру замуж за дворового человека по фамилии Мынтуляса и дала за ней в приданое землю, на которой была потом проложена одноименная улица. Возможно, вы так мало рассказываете о Мынтулясе, потому что он ближе вам, чем боярин Каломфир и Драгомир Каломфиреску?

— О Мынтулясе мне ничего больше не известно, — пробормотал Фэрымэ, опуская глаза. — Видите ли, для меня имели значение школа и ее окрестности: дома, сады, скверики...

Редкозубый следователь грустно усмехнулся, пожал плечами и вновь протянул Фэрымэ пачку сигарет.

— Оставим пока этот вопрос, — проговорили темные очки, рассеянно глядя в досье. — Вернемся к свадьбе Оаны... Но до этого я хотел бы спросить вас о Мынтулясе. Когда вы в последний раз виделись с товарищем министром Фогель, то говорили что-нибудь о Мынтулясе? Или, возможно, об улице Мынтулясы? — уточнил он.

Лицо старика озарила мечтательная улыбка.

— Она не только говорила об улице Мынтулясы, — произнес он с нескрываемой гордостью, — но и приготовила мне сюрприз: предложила в три часа утра вместе прокатиться на машине, чтобы самой ощутить все очарование этой улицы... Конечно же, я ей сказал, что теперь, в преддверии зимы, мало что можно увидеть. И предложил прогуляться по нашей улице, когда цветут абрикосы или когда зреют вишни и румянятся персики.

На этот раз в глазах переглянувшихся следователей можно было уловить какой-то интерес и даже подобие волнения.

— Однако вы так и не отправились на прогулку. Почему? — спросил следователь в очках.

— Товарищ министр сказала, что этой ночью не удастся совершить прогулку по улице Мынтулясы, по крайней мере нам вдвоем.

— Вполне очевидно, что сказала она это после телефонного разговора. А больше она ничего не говорила?

— Нет. Больше ничего.

— Хорошо. Тогда вернемся к свадьбе Оаны. Есть два момента, интересующие нас: сон, о котором рассказала тогда Оана, и странное поведение Марины. Три ваших рассказа об этом, следовавшие с интервалом в несколько месяцев, разнятся весьма ощутимо. Начнем со сна Оаны. Вы однажды обмолвились, — тут сквозь дымчатые стекла Фврымэ пронзил испытующий взгляд, — что никогда не рассказывали о нем ни Василе Эконому, ни товарищу Фогель. Прежде чем проанализировать его, я бы хотел, чтобы вы еще раз пересказали этот сон, и как можно точнее, со всеми подробностями, какие помните. Потому что для нас в первую очередь важны детали.

Фэрымэ вздохнул и опустил руки на колени.

— Только сон? — шепотом переспросил он.

— Только сон. Что было до этого, для нас не представляет интереса.

Фэрымэ сидел, напряженно глядя в пространство, и думал.

— Дело было так, — наконец заговорил он. — В субботу перед свадьбой Оане приснился сон, о котором она рассказала гостям в воскресенье вечером. Все сидели за столом, слева от нее — жених, эстонский профессор, с правой стороны — отец, и вдруг Оана воскликнула, обращаясь к Ликсандру: «Послушай, Ликсандру, растолкуй мне сон. Мне снилось, что я плыву по Дунаю, но плыву вверх по течению и, не знаю уж через сколько времени, доплываю до самого истока. И вдруг попадаю под землю, в бесконечную пещеру, где все блестит от драгоценных камней и бесчисленных свечей. А священник, который оказался возле меня, шепчет: „Теперь Пасха, потому и столько свечей зажгли«. Но в этот момент я услышала другой, неведомый голос: „Здесь нет Пасхи, потому что в этом подземном мире мы живем еще по Ветхому Завету«. И я почувствовала великую радость, глядя на все эти свечи, огни и переливающиеся камни. И сказала себе: я тоже удостоилась узнать, каков же он, святой Ветхий Завет, и за что возлюбил Господь тех людей, которые жили во времена Ветхого Завета. И тут проснулась...» Таков был сон, о котором поведала нам Оана.

— Рассказывайте дальше, — попросил редкозубый, поскольку Фэрымэ замолчал, — все происходившее после тоже важно для нас.

— После... — задумчиво повторил Фэрымэ. — Много случилось в ту ночь.

— Нам интересно знать во всех подробностях, как реагировали Ликсандру, Дарвари и Марина.

— Именно с этого я и думал начать, — подхватил старик. — Я сидел рядом с Ликсандру, и меня поразила сначала его бледность, а потом его возбуждение. Он как ошпаренный выскочил из-за стола, бросился к Оане и схватил ее за руку. «И тебе тоже явились знаки! — воскликнул он. — Они предстали пред тобой во сне. Это та пещера под водой, которую давным-давно видел или где теперь живет Йози. Если бы ты не проснулась, вы бы с ним встретились! И он сказал бы тебе, как нам найти туда ход...» Потом, словно спохватившись, что не следовало говорить все это на свадьбе, перед таким количеством людей, он смутился и сел на свое место возле меня. Зато он не мог отделаться от Марины, которая как зачарованная выслушала и Оану, и Ликсандру, а потом с другого конца стола принялась выпрашивать, что это за знаки. Но поскольку Ликсандру молчал, Марина с обворожительной улыбкой уселась рядом с ним и обняла за талию. Она всю ночь просидела возле Ликсандру, хотя прекрасно видела, что для Дарвари это нож острый. Друзья думали, что именно эта ночь разрушила дружбу между Дарвари и Ликсандру. Но это неверно...

— Мы потом послушаем, как вы будете объяснять, почему это неверно, хотя из ваших собственных показаний следует обратное, — остановили Фэрымэ дымчатые очки. — В данный момент я хотел бы подчеркнуть следующее. Из трех версий, которые имеются в деле, а также ни наших устных показаний выделяются следующие важнейшие моменты: первое — ярко освещенная пещера, второе — ссылка на Ветхий Завет и третье — что сон был рассказан в монастыре Пасеря. Вот и получается: если знать то, что знаем мы, тогда даже представить невозможно, будто сон не был известен Эконому и он в свою очередь не пересказал его товарищу Фогель, понуждая ее тем самым вызвать вас, чтобы вы ей тоже все рассказали, в связи с чем могут обнаружиться и другие подробности.

— И все-таки я ему про сон не рассказывал, — прошептал Фэрымэ.

— Это нужно еще проверить. Во всяком случае, содержание сна могло быть известно Эконому из машинописной копии ваших показаний, экземпляр которых был найден у него в письменном столе.

— Не улавливаю связи, — пробормотал Фэрымэ, переводя взгляд с одного на другого.

— Именно в это и трудно поверить, — отчеканил редкозубый. — Весьма трудно поверить. Иначе приходится допускать целый ряд совершенно невероятных совпадений, равных по своей таинственности исчезновению Йози и тому подобным чудесам из ваших сочинений.

— Не совсем понимаю, на что вы намекаете...

— Если вы сейчас искренни, значит, еще слишком переутомлены. Все и так ясно как божий день. Ведь только в том случае, если Эконому и Фогель слышали про сон, можно объяснить, почему Эконому, один из немногих, кто знал о закопанном в лесу у монастыря Пасеря осенью тридцать девятого года польском золотом запасе*, и единственный, кому было известно, что там еще осталось необнаруженным значительное количество золота и драгоценностей, — только в этом случае, повторяю, можно объяснить, почему Эконому решился тайком перевезти этот клад в подвал своего дома на улице Каломфиреску, в тот дом, который он реквизирует минувшей весной. Перевозку, замечу между нами, трудно было бы скрыть, потому что, как вы сами неоднократно утверждали — что в свою очередь подтверждается многочисленными свидетелями, — в ваши привычки входит ежедневная прогулка по всему кварталу Мынтулясы и, какие бы перемещения здесь ни происходили, вы, используя все средства, все равно узнали бы о них.

Перепуганный Фэрымэ слушал, вцепившись в собственные колени, не в силах отвести глаз от меланхолической редкозубой улыбки.

— И только этим можно объяснить, почему недель назад под предлогом избавления от грунтовых вод, заливающих подвал, — предлог, явно заимствованный из ваших рассказов, — Эконому привез рабочих, чтобы выкопать тайник в глубине подвала, где должны были храниться золото и драгоценности из лесного клада. Нам неизвестно, каковы были его намерения, но вполне возможно, что, используя свой высокий пост, он собирался переправить остатки польских сокровищ за границу. Возможно, он надеялся заинтересовать своими планами и товарища Фогель, ради чего подал ей мысль вызвать вас и из первых уст услышать этот сон Оаны, в котором содержался явный намек на ветхозаветные блаженства. Не знаю, соблазнил ли этот план товарища Фогель, но удивительно то, что она пригласила вас на прогулку как раз в ту самую ночь, когда должны были перевозить сокровища из монастыря Пасеря на улицу Каломфиреску, то есть в двух шагах от улицы Мынтулясы. Не менее удивительно, что, случайно узнав о своем разоблачении, Эконому покончил самоубийством у себя в кабинете в час

* При вторжении гитлеровской Германии в Польшу часть польского правительства бежала из страны через Румынию.

двадцать пять ночи, а несколько минут спустя у товарища Фогель раздался телефонный звонок и иностранный агент сообщил ей, что квартал Мынтулясы будет оцеплен и прочесан спецслужбами. Вот почему она отказалась от задуманной прогулки, вызвав сомнение в правдивости рассказанных вами историй... Вам будет весьма трудно убедить нас, что между этими фактами нет никакой связи. Наоборот, мне кажется, что только усталость мешает вам в подробностях припомнить беседы, которые вы вели с Эконому и товарищем Фогель. Ваше положение значительно изменилось бы к лучшему, если бы вы подтвердили честным и откровенным признанием связь между Эконому и товарищем Фогель.

Фэрымэ смотрел испуганными и вместе с тем умоляющими глазами, словно от него требовали невозможного.

— И все это, — запинаясь, спросил он, — все это случилось несколько часов назад?

— Нет, — ответил следователь в дымчатых очках. — Вы были переутомлены, да и сейчас, видимо, не в лучшей форме. Все это случилось три дня назад. Но поскольку вас привезли сюда в состоянии крайнего измождения, вам сделали укол, и с тех пор вы спали.

— Но вы не беспокойтесь, — вмешался, улыбаясь, редкозубый. — Все это время вы получали искусственное питание. Если бы такой режим продолжался в течение недели, вы бы поправились килограмма на два...

10

— ...видите ли, — до Фэрымэ вдруг стали доноситься чьи-то слова, — все начинает проясняться, одно проливает свет на другое, совместно образуя последовательность, из которой вырисовывается определенный смысл, при условии что будет принята следующая гипотеза: с одной стороны, вы хотели что-то скрыть, с другой же — ваша память, как и любая память, подводит вас, то есть она не удерживает важнейших подробностей, но с фотографической точностью хранит какие-то второстепенные эпизоды. Однако вполне достаточно проанализировать эти второстепенные данные, чтобы найти шифр, с помощью которого можно выявить, какие действия, персонажи, мысли вы хотели бы утаить. И вот некоторые выводы. По причинам, которые еще предстоит выяснить, вы упорно старались не раскрыть подлинных отношений между Дарвари, Ликсандру и Мариной, тех отношений, которые, если бы мы о них знали, помогли нам понять, почему Дарвари решил бежать в Россию. Я еще вернусь к этому комплексу проблем, обозначим его как комплекс номер один. Второй вывод, который был нами сделан, гласит: опять-таки по причинам, которые надлежит уточнить, вы не хотите признать того факта, что Ликсандру вскоре после бегства Дарвари в Россию, то есть тридцать первом — тридцать втором году, тоже решил исчезнуть, но на свой манер, не так, как Йози, и не так, как Дарвари. Он решил изменить свою личность, то есть фамилию, профессию, возможно, и внешность. И действительно, после тридцать второго года Ликсандру не появляется ни в одном из тех мест, где его знали под этим именем: ни в банке, ни в библиотеке Академии, ни в шахматном клубе, не говоря уже о ресторанах и летних садах, где он был завсегдатаем. С другой стороны, документальных подтверждений того, что он умер или выехал на постоянное жительство за границу, тоже нет. Правда, не исключено, что он съездил за границу и позднее вернулся под другой фамилией. Фактом остается то, что ни в одном консульстве за пределами страны не было зарегистрировано ни одного человека по имени Георге Ликсандру.

Теперь мы подходим к самому важному. Из ваших показаний следует, что вы случайно встречались с ним и после тридцать второго года, но вы не говорите, как он выглядел, не упоминаете, о чем шел разговор, не указываете, как долго длились

встречи — несколько минут, или несколько часов, или же целый день. То, что даже вам доводилось встречаться с ним лишь случайно, доказывает ваша дерзкая попытка этим летом расспросить Борзу, которого вы считаете своим бывшим учеником, не знает ли он чего-нибудь о Ликсандру. Однако вполне возможно, что это вы разыграли, — иными словами, хотели убедиться, что и другие знают о Ликсандру не больше, чем известно вам. Повторяю, это всего лишь гипотеза... Вам не кажется убедительной реконструкцией комплекса номер два? — выдержав паузу, улыбнулся первый следователь.

— Я не очень понимаю, — прошептал Фэрымэ. — Поверьте, это похоже на сон. Я все прекрасно помню, все осознаю, а потом — как бы провал, и больше я ничего не понимаю.

— Вы были переутомлены, — вступил в разговор второй следователь, — и к вам применили специальные меры, скоро они дадут положительный результат. Итак, начнем с комплекса номер один, ключ к которому мы получили, проанализировав различные варианты свадьбы Оаны. Я не беру во внимание варианты, порожденные чудесами, это из области коллективного гипноза, иллюзионизма и прочих манипуляций, которыми занимался Доктор. Также не беру в расчет и варианты, связанные с первой встречей Доктора и лесника за двадцать лет до этой свадьбы, и другие занимательные истории вроде злоключений боярина Каломфира, исчезновения Йози и так далее. Я опускаю эти варианты, поскольку они незначительны и не представляют для нас интереса. Но вернемся к взаимоотношениям Дарвари, Ликсандру и Марины. Вы сказали, что дружба между Дарвари и Ликсандру не разрушилась той ночью, хотя молено предполагать обратное. — Он заглянул в досье. — В ваших показаниях говорится, что в ту ночь Марина якобы сказала Дарвари, — цитирую: «Что ж не признаешься, летчик, ведь ты не вернешься!» А Дарвари поглядел на обоих и ответил: «Я смерти не боюсь». — «Не о смерти речь, — возразила Марина. — Это я тебе говорю, что ты больше не вернешься!» Молодые люди рассмеялись. «Как стрела Ликсандру», — пошутил Дарвари. И тут Ликсандру вдруг посерьезнел и попытался переменить тему разговора. «Сегодня свадьба Оаны! — воскликнул он. — Сегодня исполняется все, что было предсказано, и грешно искушать Господа Бога другими тайнами и пророчествами». Но Дарвари не так-то легко было настроить на другой лад. «Возможно, и Марина что-то знает, возможно, и ей ведомы знаки, оттого она и не желает раскрыть, что за смысл таится в ее словах — мне больше уже не вернуться?»...»

Вот видите! Кроме того, есть противоречия между тем, что вы утверждаете сейчас, и тем, что написали двадцатого августа: с одной стороны, Ликсандру, Дарвари и Марина достаточно часто разговаривали, притом весьма серьезно, с другой — между друзьями нарастала напряженность. Дарвари стремился во всем противоречить Ликсандру, что бы тот ни сказал, и поступать вопреки его желаниям.

— Все то, о чем вы сейчас напоминаете, — с трудом заговорил Фэрымэ, — произошло до того, как Оана поведала свой сон. Чуть позднее, заметив, что Марина не отходит от Ликсандру, Дарвари действительно стал мрачным и раздражительным. Но уверяю вас, они остались добрыми друзьями, как и раньше.

— Внешне они казались по-прежнему близкими друзьями. Но в душе у них, несомненно, что-то изменилось. Потому и Марина, всю ночь не отходившая от Ликсандру, на рассвете, освободившись от чар Доктора, — цитирую: «Заклучила Дарвари в объятия и обратилась к нему во всеуслышание: «Если ты меня любишь так сильно, как уверяешь, то подождешь меня десять лет?» — «Я тебя буду ждать сколько хочешь, — отвечал ей Дарвари, — не десять, а двадцать, пятьдесят лет!» — «Тогда прошу всех нынешних гостей через десять лет на нашу свадьбу, которая состоится в сентябре тридцатого года, здесь же, в монастыре, а венцы будут держать Ликсандру и Оана». — «Не Ликсандру, — поправил ее Дарвари, — а Доктор и Оана».

В ваших показаниях от двадцатого августа вы не указываете, какова была реакция Ликсандру. «Несомненно, он помрачнел, потому что Марина тут же добавила: «Только знай, я слишком стара для тебя. Ты думаешь, я старше тебя на пять-шесть лет, а на самом деле — на двадцать. Мне скоро будет сорок!» Все вокруг захохотали, приняв это за шутку, а Дарвари воскликнул: «Даже если тебе пятьдесят, все равно я буду тебя ждать, потому что в тридцатом году тебе будет только шестьдесят, а я буду любить тебя до самой старости!»

— Он и вправду так сказал, — прошептал Фэрымэ, словно очнувшись от сна.

— Но ведь совершенно ясно, что разговор о свадьбе через десять лет был шуткой. Марина как бы предупреждала Дарвари, чтобы он не становился летчиком, «а то не вернется». С другой стороны, среди гостей на свадьбе был ее двоюродный брат Драгомир, а всем было известно, что они с детских лет обручены, ибо так решили обе семьи, «чтобы не исчез их род». Мне приходит в голову единственное объяснение: Марина разыграла эту сцену, чтобы утешить Дарвари. Следовательно, она чувствовала, что между Дарвари и Ликсандру произошел разрыв.

— Все это, — заговорил Фэрымэ, — мне напомнило замечание товарища министра Фогель...

— Товарищ Фогель уже не министр. Она получила другое назначение.

Фэрымэ повесил голову.

— Следовательно, вернемся к комплексу номер один. Хотя это была и шутка, Дарвари воспринял ее как доказательство расположения Марины. Однако, что было потом, не совсем ясно. Виновата ущербность вашей памяти, или вам было совершенно безразлично, что произошло за десять лет: с двадцатого года и до исчезновения Дарвари летом тридцатого года. Или вы просто-напросто любой ценой стремитесь скрыть какие-то события, которые объяснили бы нам не только причины бегства Дарвари, но и смысл той метаморфозы, которую претерпел Ликсандру. Я лично склоняюсь к последнему предположению и попытаюсь объяснить вам почему. После множества допросов, имея такое количество ваших показаний, что мы знаем о взаимоотношениях Дарвари, Ликсандру и Марины за это десятилетие? Весьма скудные сведения повторяются бесчисленное количество раз. Суммируем их. Вы указываете, и неоднократно, что Марина признавалась Дарвари в том, что она старше его на двадцать, а то и на тридцать лет. Цитирую: «Драгомир не решается взять меня замуж, ведь он знает мой возраст». Как-то раз в двадцать пятом или двадцать шестом году она показала Дарвари свидетельство о рождении (вы уточнили: выданное за границей), из которого следовало, что ей около шестидесяти лет. Дарвари испуганно посмотрел на нее, — тут вы замечаете: Не потому, что узнал ее настоящий возраст, а потому, что вдруг увидел, как она стара. „Если ты меня еще любишь, узнав, что скоро мне исполнится шестьдесят лет, я разрешаю тебе поцеловать меня!» Дарвари побледнел и, совершенно окаменев, устремил взгляд куда-то поверх нее. Тогда Марина воскликнула с надрывом: «Вот какова она, мужская любовь! Она связана только с телом. Воспламенить вас может только юность!» В следующий миг она бросилась прочь из гостиной, куда вернулась через несколько минут такой же юной, какой была в ту ночь, когда Дарвари впервые увидел ее в корчме Тунсу в девятнадцатом году. Дарвари упал на колени, но Марина не позволила ему поцеловать себя. «На этот раз я все-таки тебя прощаю, — наконец снизошла она, — потому что ты, наивный, как и все мужчины, полагаешь, что я загримировалась под старуху, а когда ты испугался, я, пожалев тебя, сняла грим. Но повторяю, я действительно старуха, о чем говорит и свидетельство о рождении...» Дарвари слушал ее и был счастлив, потому что в тот момент перед ним была женщина лет двадцати—двадцати пяти». Из ваших показаний нельзя себе ясно представить, что же произошло. Вы говорите, Марина любила театр, в этом тоже подражая своей прабабке Аргире. Вы рассказываете, что одеваться она привыкла странно, эксцентрично

и иногда действительно казалась старой, потому что посыпала прическу пудрой, а румяна накладывала, как старуха, желающая казаться молодой. Значит, вы полагаете, что и тогда, когда она показывала свидетельство о рождении, она загримировалась так, чтобы и вправду выглядеть шестидесятилетней?

— Долгое время я так и думал, — тихо проговорил Фэрымэ. — Но я ошибался.

— Возможно, вы ошибались. Потому что из собственных ваших показаний следует, что в тот день Дарвари сначала даже не заметил, старуха она или нет. Он заметил это только после того, как она показала метрику... Значит, речь должна идти о другом — об особой, известной только Марине технике менять по желанию свое обличье. Теперь мы подошли к последнему и самому важному эпизоду, которого, к сожалению, вы всегда касаетесь весьма кратко. Речь идет о той летней ночи тридцатого года, когда Марина по непонятным соображениям оставила Дарвари ночевать у себя и они впервые легли в постель. Я говорю о непонятных соображениях, потому что вполне законным будет вопрос, почему она не сделала этого раньше, зачем ей нужно было ждать целых десять лет, чтобы переспать с Дарвари, и, наконец, зачем ей понадобилось делать это за несколько недель до свадьбы. Во всяком случае, из ваших показаний следует, что в тот вечер они проводили время в летнем кафе возле Котрочень и Дарвари казался более влюбленным, чем когда-либо, потому что Марина, одетая скромно, но чрезвычайно изящно, выглядела гораздо моложе, чем одиннадцать лет назад, и личико у нее было совершенно детское, без следов пудры и румян. Я излагаю ваш текст от двадцатого августа. В конечном счете так и остается непонятным, что же произошло. Молодые провели вместе целую ночь. Рано утром Дарвари, проснувшись, наклонился над нею, чтобы поцеловать. Но в неверном утреннем свете, как пишете вы, он с ужасом увидел, что Марина — старуха. Она выглядела куда старше, чем несколько лет назад, когда показывала свою метрику. Вы пишете, что он долго не мог прийти в себя, потом поднялся с постели и осторожно, чтобы не разбудить ее, стал одеваться. Он был почти одет, когда заметил, что Марина, улыбаясь, смотрит на него. «Я знаю, что ты намереваешься делать, — будто бы сказала Марина. — Но не веди себя банально, как другие мужчины. Ты должен испытать великий побег. Вздыхайся ввысь, ввысь, ввысь без конца!» Вдруг ее голос зазвучал необычно растроганно: «Я дам тебе талисман, и в назначенный срок ты встретишь стрелу Ликсандру!»... Однако нет полной уверенности, что Дарвари расслышал последние слова. Он вышел, плотно закрыв за собою дверь.

Все это, как вы пишете, вам поведал позднее Ликсандру со слов Марины. Если я правильно понял, Марина после ухода Дарвари сразу отправилась на поиски Ликсандру. Удалось ей это только после полудня, и она, рассказав все, что произошло, попросила: «Попробуй остановить его, потому что у меня есть подозрение, что он попытается улететь на самолете. Он в большой опасности, потому что сам не знает, что творит». — «Он в опасности, потому что ты не дала ему талисман?» — не то в шутку, не то всерьез спросил Ликсандру. «Нет, это была всего лишь метафора, которой он не понял, — будто бы ответила ему Марина. — У меня нет никакого талисмана, и если я говорила о «великом побеге», то лишь для того, чтобы он все подвергал сомнению и испытанию и не поддавался чарам внешней видимости. Потому что ни минувшей ночью мне не было двадцати лет, как представлялось ему, ни сегодня утром больше шестидесяти, как ему показалось. Лет мне ровно столько, сколько есть»... Тут вы оговариваетесь, что Ликсандру, глядя на нее, давал ей, как и всегда, лет двадцать пять — тридцать. К сожалению, на аэродром Ликсандру попал слишком поздно, да и там поговорить с командиром эскадрильи удалось не сразу, а спустя несколько часов. Между тем Дарвари приземлился в Констанце, заправил баки бензином и полетел дальше, взяв курс на восток...

Если бы все было так, — продолжал следователь, сделав многозначительную паузу, — все было бы прекрасно, словно в сказке, и еще печальней, чем в самой грустной любовной истории. Но видите ли, вы утверждаете, что всю эту историю узнали от Ликсандру, именно от него. С Мариной вы не встречались уже с двадцать пятого — двадцать шестого года. В одном из ваших показаний вы пишете, что примерно в это время встречались и с Дарвари, который дал вам понять, — цитирую: «о волшебстве и чарах Марины», заверив, что он по-прежнему любит ее, и напомнил вам о приглашении на свадьбу в сентябре тридцатого года. Но существует целый ряд моментов, которые противоречат версии, изложенной Ликсандру. Во-первых, совершенно нереально, чтобы в тридцатом году пилот явился на аэродром, сел в самолет и взлетел безо всякого на то разрешения или приказа. Если Дарвари смог это совершить, следовательно, он замыслил побег и, что самое главное, имел сообщников и в Бухаресте, и в Констанце. Если это было преднамеренное исчезновение, как следует из свидетельских показаний, то разыскать сообщников почти не представляется возможным, хотя для нас именно это имеет особое значение. Можно предложить множество гипотез. Первая и наиболее вероятная: Дарвари в мельчайших подробностях разрабатывает план побега вместе с соучастниками, которых мы не знаем, но подозреваем, где их следует искать. Точно нам неизвестно, что за миссия была возложена на Дарвари, но, памятуя дату его бегства — август тридцатого года, мы предполагаем ее задачу. Хотя прежней дружбы уже не было, Дарвари в последний момент все-таки рассказывает Ликсандру о принятом им решении. Какова была роль Ликсандру в исчезновении Дарвари, этого мы не знаем. И не будем знать, пока не разрешим комплекс проблем номер один, то есть не обнаружим ту новую личность, в которую перевоплотился после тридцать второго года прежний Ликсандру. Потому что, только узнав, кем он стал после тридцать второго года, мы поймем, какую роль он сыграл в бегстве и исчезновении Дарвари. Тогда можно будет определить к другое, а именно: был ли он с нами или против нас. В настоящий момент я ставлю перед вами один вопрос, на который вы, возможно, не пожелаете ответить, но ответа мы все равно добьемся. Вам уже давно известно то новое обличье, которое принял Ликсандру. Но вам известно и другое: это новое обличье так хорошо его скрывает, что Ликсандру стал совершенно неузнаваем. Случилось так, что вы являетесь единственным свидетелем этой метаморфозы. Потому вы для нас представляете исключительную ценность. Ведь если Ликсандру стал неузнаваем абсолютно для всех, он может быть кем угодно в этой стране, даже одним из наших лидеров, которые в настоящее время держат в своих руках судьбы всего народа. Итак, мой вопрос: кто такой Ликсандру, сейчас и здесь, в этом городе, а возможно, и в этом здании? Вы его знаете. Скажите нам, кто он?

11

В тот год лето пришло неожиданно рано. Отправляясь на прогулку после полудня, Фэрымэ старался держаться ближе к заборам в тени деревьев. Он останавливался перед усыпанными плодами абрикосовыми или вишневыми деревьями, будто высматривая забравшихся на них ребятишек. Потом, как бы опомнившись, торопился к скамье, на которой любил отдыхать. Если на ней кто-нибудь уже сидел, он вежливо приподнимал соломенную шляпу и спрашивал разрешения присесть. Спустя несколько минут интересовался, который час, так же вежливо благодарил, но разговоров не поддерживал. Если сосед продолжал говорить, он слушал, медленно покачивая головой, потом вставал, приподнимал на прощание шляпу и следовал своим путем.

Как-то раз в начале июля в жаркое послеполуденное время Фэрымэ издали заметил, что скамья его пуста, и обрадовался, потому что очень устал. Он тяжело опу-

тился на скамью, достал носовой платок, обернул шею и принялся обмахиваться шляпой. Улица была совсем безлюдной. Вскоре его стало клонить в сон, тогда он положил шляпу рядом с собой, подпер голову рукой и закрыл глаза.

Спустя несколько минут он вздрогнул и проснулся. Рядом с ним на скамье сидел мужчина. Лица его Фэрымэ не видел, потому что тот повернулся к нему спиной.

— Прошу извинить меня, — произнес Фэрымэ. — Кажется, я задремал. Такая жара! — извинившись, он принялся обмахиваться шляпой.

Незнакомец слегка повернулся, кивнул и тут же вновь погрузился в чтение газеты. Мимо них прошел мальчишка с черными от шелковицы руками и губами. Фэрымэ проводил его ласковым взглядом.

— Будьте любезны, — обратился он к соседу, — не могли бы вы сказать, который теперь час?

— Два, два часа пять минут, — ответил тот, не поворачивая головы.

— Большое спасибо. У меня свидание в два с четвертью — в половине третьего. Я могу еще посидеть здесь несколько минут. Такая жара...

Незнакомец повернулся к нему лицом, улыбнулся и кивнул. Он вновь было погрузился в чтение, но вдруг резко поднял голову и с любопытством посмотрел на старика.

— А вы сильно изменились с тех пор, как мы не виделись с вами, господин директор, — шепотом произнес он, не отрывая от газеты глаз. — Я с трудом вас узнал...

Фэрымэ молчал, продолжая обмахиваться шляпой.

— Вы меня не припоминаете... Я учился в вашей школе на улице Мынтулясы много-много лет тому назад. Конечно, где же вам меня запомнить. Я — Борза, Василе Борза.

— Борза? Василе Борза? — повторил Фэрымэ и положил шляпу на колени. — Весьма любопытно, — вздохнул он.

— Возможно, вы помните, как я однажды разбил голову, упав с абрикосового дерева, а вы взяли меня на руки и отнесли в канцелярию, чтобы сделать перевязку? А на следующий день был праздник Десятого мая...

— Да, да, — забормотал Фэрымэ, — кажется, припоминаю. Только я спрашиваю себя, а было ли это на самом деле?..

С трудом поднявшись, он стал откланиваться:

— К сожалению, я должен идти. У меня встреча в два с четвертью — в половине третьего. Стало невыносимо жарко... Приятно было с вами познакомиться.

Незнакомец положил газету на скамью и задумчиво закурил. Когда Фэрымэ исчез за углом, из соседнего двора вышел человек и направился к скамье.

— Есть что-нибудь? — спросил он, усаживаясь рядом.

— Нет. Притворился, что не узнает меня. Да и немудрено. — Мужчина встал, запихивая газету в карман пиджака. — Я повторил несколько отработанных фраз, но, кажется, не убедил его. А может, до него еще раньше дошли слухи, что Борзы уже нет в живых, и он сразу что-то заподозрил.

Они шагали рядом.

— И все же, — спустя некоторое время заговорил второй почти шепотом, — нужно войти к нему в доверие. Он был у Анки в ту самую ночь, когда все произошло. А потом с него снимали показания следователи, Первый и Третий. Он знает очень много, и он единственный, кто все это знает. Нужно попробовать еще раз...

Они остановились на углу.

— Попробуй ты, Ликсандру, — шепнул первый.

Тэш, август 1955 — Чикаго, ноябрь 1967 года

Змей

Змей ты огнистый,
с чешуей золотистой,
с девятью языками острыми,
с девятью хвостами пестрыми,
отыщи мне ее,
где бы ни было жильё...

Не давай ей покоя,
покуда со мною
засноба-девица
не согласится
о любви сговориться.

Любовный заговор *

1

Последняя строка — и романс смолкнет, Лиза приготовилась хлопнуть. Сейчас хлопнут все, все заговорят, будут восторгаться, хвалить, а она тем временем справится со слезами. Всеми виною опять и опять повторяющаяся строфа и ее просто-напросто нелепая чувствительность:

И в золоте кудрей
Блеснуло серебро...

А собственно, с чего она вдруг так расчувствовалась, затосковала? Откуда набегало столько воспоминаний? Ей почему-то кажется, что она уже слышала этот романс, что знает его давным-давно, с тех пор еще, как была маленькой и тетушка Ляна читала ей стихи, модные в незапамятные — до Первой мировой войны — времена...

Блеснуло серебро...

Даже еще не слыша, она словно догадывалась, какие услышит слова, и ждала последней строки, которую застенчивый баритон пропел с такой чудной грустью:

А детство золотое?
Оно давно прошло...

Да, да, те самые стихи, и она уже не могла противиться волнующему потоку воспоминаний: тетушка Ляна улыбнулась ей из сада с тузовыми деревьями на бульваре Паке, а сама она вновь безумно страдала. Она безумно страдала тогда. Ей тогда казалось, что она бесконечно несчастна, юность казалась ей величайшей из трагедий, она чувствовала, что никто не понимает ее, и знала, что никто и никогда не поймет. А теперь ей казалось величайшей из трагедий ее замужество с высокопоставленным чиновником — а сколько было надежд!.. — и таким грустным все, все, все, что бы ни

* Перевод Ю. Кожевникова.

происходило... И ей захотелось очутиться где-нибудь далеко-далеко совсем одной, слушать этот романс и плакать сколько захочется.

— Напишите мне, пожалуйста, слова этого романса, — услышала она голос Дорины с другого конца стола. — Они такие трогательные.

— Слова давние, — отозвался домнул* Стамате совсем уж тихо и робко. — Мелодия новая... Мне нравится мелодия, она такая печальная...

Он повернулся к Дорине, и Лиза больше не видела его лица. Он казался чрезвычайно удивленным оглушительным успехом своего пения. Петь он не хотел и согласился только после настоятельных упрасиваний. Хозяев дома он почти не знал, да и гостей, впрочем, тоже. Однако сразу понял, что люди это все весьма достойные, в особенности сами хозяева. Так тепло, так радушно его приняли. Так роскошно убран стол, и где? Во Фьербинць, жалкой деревушке в тридцати километрах от столицы.

— Будьте любезны немного вина пополам с водой, — попросил Стере, протягивая пустой стакан.

Лиза невольно поморщилась. «Такая проза... после такого романса... И это мой муж...»

— А чьи это слова? — продолжала спрашивать Дорина. — Мне они не знакомы...

Дорина говорила громко, с другого конца стола, чтобы услышал ее и капитан Мануилэ тоже. Кто-кто, а она прекрасно понимала, для чего устроено это пиршество со множеством приглашенных, так далеко, в деревне, в доме ее родни. «Нас хотят сосватать...» И она невольно улыбнулась. За обедом она не раз поглядывала в сторону капитана Мануилэ, а он сидел и аккуратно ел, всячески стараясь, чтобы локти его не коснулись стола, и, казалось, приготавливался играть фарс, где ей будет отведена роль девицы на выданье, а он, капитан Мануилэ, сыграет роль жениха... Неужели вот так, сразу? За человека, которого она в первый раз видит?!

— Не думаю, что Баковии, — прибавила она очень громко. — И уж никак не Аргези...

«Эти имена должны смутить домнула капитана», — подумала Дорина.

— Не могу сказать, чьи они, — извиняющимся тоном ответил Стамате. — Знаю только, что очень давние...

Капитан Мануилэ, не поднимая глаз от стола, почтительно слушал хозяйку.

— Нет, я бы не смогла сдавать квартиру, домнул капитан, — говорила доамна** Соломон. — Вы ведь знаете, жильцы чего только не говорят о хозяевах...

Доамна Соломон выпустила сигаретный дым и долго внимательно следила за ним, сощуриив глаза. Он все-таки невыносим, этот мальчишка, молчит и молчит. Не то чтобы галантную тему, поддержать разговор не может. Или влюбился с первого взгляда?

Капитан хотел, но никак не мог отважиться и взглянуть туда, на другой конец стола, где сидела Дорина и задавала вопросы. Он понял сразу, до того как приехал во Фьербинць, понял, как только остался наедине со Стере в автомобиле, что свою судьбу он должен решать быстро. Родня девушки не расположена была долго ждать. Осенью Дорина получила степень лиценциата. Преподавать она не собиралась — это было всем известно, — но диплом получить хотела, ей нравилось учиться. Женихов вокруг нее крутилось пруд пруди, и всем хотелось ее окончательно пристроить. А Дорина шутила, что мечтает о медовом месяце как о каникулах, но только непременно за границей.

— Кому еще кофе? — спросил домнул Соломон, поднимая руку вверх.

* Господин (рум.).

** Госпожа (рум.).

Доамна Соломон встрепенулась, обрадовавшись возможности покинуть своего молчаливого собеседника:

— Вы меня простите, я на секундочку! Посмотрю, что там с кофе!

Капитан Мануилэ покраснел и опустил голову еще ниже, словно говоря поклоном: «Разумеется, сударыня, как же иначе?.. Вы же хозяйка...» Он искоса взглянул на Дорину, и ему показалось, что она мечтательно глядит на него. Он улыбнулся, приободрился.

— Вижу, вы любите стихи, барышня, — произнес он совершенно неожиданно.

Вокруг все замолчали. Дорина вспыхнула и машинально принялась перебирать жемчужины в ожерелье. Услышав, что заговорили о поэзии, Стамате, любопытствуя послушать, подался несколько вперед.

— Есть поэты, которых я люблю, — ответила Дорина. — Особенно среди современных...

— Это я понял, — улыбнулся капитан Мануилэ. — Стихи не слишком современные вы не узнали, хотя не такие уж они и древние, — Раду Росетти...

Лиза удивленно взглянула на капитана. Однако он вовсе не глуп... И конечно же прав: стихи и впрямь Раду Росетти. У Ляны было несколько томиков его стихов, маленькие книжечки Лиза помнит до сих пор, спустя столько лет после смерти Ляны. Они стояли в гостиной на полке в старом доме на бульваре Паке и стояли там до тех пор, пока Ляна не умерла от чахотки, так же как все ее сестры. Лиза училась тогда в старших классах лицея. Она вспомнила, с каким вождением смотрела на заставленную книгами полку. Среди них был и «Ион»*, только-только появившийся, и, когда Ляна умерла, она чуть ли не обрадовалась тому, что теперь сможет потихоньку унести с собой оба томика и они останутся у нее навсегда, никому и в голову не придет искать их и требовать обратно.

И тут же раздался властный мамин голос: «Не смей ничего брать, кругом микробы!» Книги потом сожгли, и, как говорили, вместе с бельевой корзиной, битком набитой журналами «Литературный мир»...

— Раду Росетти! Какой изумительный поэт, господа! — воскликнул Стере. — Я знавал его во время войны...

Лиза опустила глаза. Старше всего только на девять лет, а такой уже старый, чужой...

Он состарился внезапно, неожиданно, сам по себе, как будто бы ей назло, как будто для того, чтобы не без яда напомнить, что жил и другой жизнью, что он из другого поколения...

Домнул Соломон, видя, что гости разговорились, тихонько вышел из столовой. Для начала он заглянул в кладовку и, прикрыв за собою дверь, придирчиво оглядел все бутылки и сифоны, размещенные по кадкам со льдом. Потом приоткрыл дверь спальни. Доамна Соломон смотрела на себя в зеркало, в правой руке у нее дымилась сигарета, левой она поправляла прическу.

— Имей в виду — с вином покончено, — сообщил домнул Соломон.

Доамна Соломон равнодушно пожала плечами. Неслышно ступая, она отошла от зеркала и присела на краешек кровати.

— Хорошо, что обед позади, — сказала она устало.

— Отобедали замечательно, — подхватил домнул Соломон. — Всего было в изобилии. Говорил я тебе, что и без цыплят всего довольно! А сколько еще осталось. Кстати, ты наказала служанкам все прибрать хорошенько? А то с этой жарой... Вечером пригодится. — Он тоже зажег сигарету и уселся рядом с женой. — Ты мне так и не сказала, едем мы с тобой в монастырь или нет?

* Роман румынского писателя Ливиу Ребряну.

— Как хочешь, — отозвалась доамна Соломон. — Только ты же знаешь, что я там не могу спать из-за клопов и комаров.

— И не только из-за комаров... — улыбнулся домнул Соломон.

— Ты как будто и впрямь все знаешь!..

Оба молча курили, пуская дым в потолок.

— Что ты скажешь о капитане? — спросил домнул Соломон.

— Только одно: откуда ты его выкопал?

— Но он оказался вовсе не глуп. После того как ты ушла, он затеял разговор, и весьма серьезный... Он, наверно, робеет. Стере, видно, слишком быстро подхватил его и привез...

— А второй кто таков? — спросила доамна Соломон, поднимаясь.

— Стамате, приятель капитана, кажется инженер по сельскохозяйственной технике.

Брови домнула Соломона сосредоточенно нахмурились, он внимательно вслушивался, пытаясь понять, что происходит по соседству.

— Кажется, кофе принесли? — спросил он неожиданно домашним, будничным голосом.

Из столовой доносились громкие голоса и смех. В коридоре слышались тяжелые шаги, дверь приотворилась, и в спальню вошла доамна Соломон старшая. Вошла осторожно, стараясь не зашуметь.

— Вы здесь? — спросила она, не выказывая ни малейшего удивления.

Ступая с величайшей осторожностью, медленно подошла к кровати и со вздохом устало опустилась на нее.

— Ну и как он вам? — спросила она, глядя снизу вверх на супругов.

— Только бы решилась, — произнес домнул Соломон.

— Вот и я то же самое говорю...

Домнул Соломон повернулся к жене:

— Агли, а не пойти ли тебе в столовую? Посмотришь, может, они пойдут в саду погуляют... Сейчас уже и не жарко...

Доамна Соломон на ходу приостановилась перед зеркалом и опять поправила прическу.

— А ты что скажешь? — спросила старуха. Доамна Соломон пожала плечами и вышла.

— Да я и сама вижу...

Дверь закрылась, старушка вновь подняла глаза на домнула Соломона:

— Не очень-то он ей понравился...

— Да она всегда так, что, ты первый день ее знаешь? Когда мы одни как сычи, день-деньской о гостях мечтает. А когда приедут гости, устанет и все ей не в радость... А мне, например, капитан нравится. И выправка, и выучка есть...

— И другой тоже славный, — согласилась доамна Соломон.

В соседней комнате зашумели: задвигались стулья, молодые голоса смеялись, благодарили. Домнул Соломон поспешил из спальни в столовую.

— Мама, — обратился он уже с порога, — возьми на себя труд, позаботься о припасах для вечера. Мы же едем в монастырь, ты знаешь, так чтобы все у нас было в порядке.

В саду было еще жарковато. Стере снял пиджак и повесил его на вишню, оставшись в одной рубашке. Седая, коротко подстриженная голова казалась особенно круг-

лой. Мимо проходила Рири с подносом, полным запотевших стаканов. Стере остановил ее.

— Мне без варенья, благодарю, — сказал он, забирая разом в обе руки два стакана.

Опершись на вишню, Лиза смотрела, как он пьет воду: залпом, сильно запрокинув назад голову, словно вливая эту воду прямо в горло. Лиза смотрела на него и даже не удивлялась. У нее опять возникло отчетливое ощущение, что жизнь ее безнадежно испорчена, что ее обманули, распорядились ею помимо ее воли, прежде чем она успела что-то узнать. И хотелось ей только одного: рассказать кому-нибудь об этом, подружиться с кем-нибудь незнакомым и, не торопясь, долго-долго все-все рассказывать...

Она повернула голову. На травке неподалеку сидел Владимир, брат Рири, и рядом с ним еще двое гостей. Движения Владимира ей показались чем-то странными. И говорил он по-другому — значительнее, весомее. Несколько секунд она внимательно всматривалась, ничего не в силах понять. И вдруг заметила сигарету, которую юноша держал так бережно. Голубой струйкой поднимался дым в теплом воздухе сада, голубизна колебалась, дрожала и внезапно исчезала в полосе яркого солнечного света.

— Что с тобой, голова болит?

Стере подошел и нежно взял ее за руку.

— Ничего не болит, — улыбнулась в ответ Лиза.

— Можно подумать, я ничего не понимаю! — довольно громко воскликнул Стере. — Ох уж эти мне романсы!.. Такое на нас производят впечатление! Ты ведь несколько не изменилась: чувствительна, как дитя.

Стамате поднял глаза, внезапно покраснев. На Стере он смотрел ласковыми дружескими благодарными глазами.

— А не спел бы ты нам что-нибудь повеселее, домнул инженер? — спросил Стере, подходя поближе к расположившимся на травке молодым людям и не выпуская Лизиную руку.

Стамате хотел подняться, но Стере удержал его, положив руку на плечо:

— Ради Бога, не беспокойся, ты же среди своих.

— Я подумал, возможно, доамна... — запинаясь, проговорил Стамате.

— Она осталась такой, какой была: романтической и чувствительной. Поэтому я и спросил, может, ты споешь нам что-нибудь повеселее...

Стамате вновь попытался подняться. Он чувствовал себя глупо, сидя на траве в нелепой позе с поджатыми ногами и сдвинутыми локтями, и поэтому, принуждая себя улыбнуться, уставился в землю, чтобы скрыть этой улыбкой и свою растерянность, и свое нежелание петь.

— Да брось ты, голубчик, не беспокойся, — уговаривал его Стере, опять опуская руку ему на плечо. — Или стоя поется лучше?..

— Не думаю, что в саду можно петь, — сказала Лиза. — Нет той атмосферы...

Владимир раздраженно швырнул сигарету за забор. Его прервали в самый разгар спора, когда он совсем уже было расстался с обеденной застенчивостью.

— Ну можно ли петь по такой жаре? — воскликнул он насмешливо. — Лучше садитесь с нами на травку и будем болтать, пока не начало смеркаться. Домнул капитан знает немало интересного. Он только что прочитал книгу...

— Да не стоит об этом, — извиняющимся тоном сказал капитан.

— Да вы настоящий ученый, как я посмотрю! Нет! Нет! Я без шуток, — обратился к капитану восхищенный Стере.

— Лиза, подумай только, книгу о жизни Иисуса! — воскликнул Владимир.

Лиза притворилась необычайно удивленной и изобразила на лице интерес.

— Ну кто может знать что-то достоверное об Иисусе?! — спокойно заявил Стере.
— Существуют документы, — отважился возразить капитан Мануилэ.
— А документы эти разве не попы изготавливают? — насмешливо осведомился Стере. — Я еще раз повторю то, что повторял уже не раз: религия нужна мужикам и простолюдинам, чтобы анархизмом не увлекались... Но конечно, можно посмотреть и с другой стороны: Иисус как идеал совершенства, самоотречения и так далее. Как идеал он, конечно, не вызывает возражений. Напротив, нам бы надо ему следовать...

— О чем это вы рассуждаете с такой горячностью? — спросила Дорина, подходя к беседе.

Капитан поспешно вскочил на ноги, за ним и Стамате. Стере не успел их удержать.

— Мы говорим о жизни Иисуса, — ответила Лиза. — Домнул капитан недавно прочитал книгу и собирался нам о ней рассказать...

— Это не «Сын человеческий» Эмиля Людвиг? — спросила Дорина.

— Какого Людвиг? — вмешался Стере. — Не того ли, что писал о жизни Наполеона? Лизочка, у нас ведь есть эта книга...

Капитан Мануилэ с деликатной любезностью повернулся к Дорине и ответил вполголоса, так что не все и расслышали:

— Нет, барышня, читанная мной книга не так знаменита. И вдобавок вовсе не нова, она вышла лет десять тому назад и называется «Тайна Иисуса», П. И. Куцу...

— А не дадите ли вы мне ее почитать? — попросил Владимир.

— С удовольствием, домнул Сэвяну, — любезно отозвался капитан.

Лиза смотрела на капитана с симпатией. Он вовсе не глуп. Он дал возможность Стере поправиться. И то, что он говорил о жизни Иисуса, тоже было небезынтересно. Хотя говорить он мог и интереснее, мог рассказать о христианской мистике, о храме...

Владимир хотел увести куда-нибудь капитана, Стамате и Дорину, чтобы спокойно поговорить на свободе, но тут Рири отозвала его в сторону, тронув за рукав.

— Иди в дом, — прошептала она, — тебя зовет Аглая.

И Владимир направился к дому пружинистым спортивным шагом, который всегда наполнял его ощущением здоровья, напоминал, что ему только-только исполнилось девятнадцать, что учится он на филологическом и вся жизнь у него впереди.

Доамна Соломон рылась в ящиках, ища чистые салфетки, когда он вошел.

— Ты звала меня? — спросил он, переводя дух.

— Я хотела с тобой посоветоваться, может, нам взять патефон в монастырь? — сказала доамна Соломон.

Владимир молчал, словно бы что-то обдумывая. Ему нечего было ответить, вопрос застал его врасплох и показался таким неуместным, странным, чужеродным, он был во власти совершенно иных материй, о которых они только что рассуждали...

— Право, не знаю, будет ли у нас время потанцевать, — ответил он рассеянно. — Приедем мы туда вечером, пока нам покажут озеро, лес, словом, окрестности. Потом ужин...

— Что же, выходит, ты зря тащил патефон? — недовольно спросила доамна Соломон.

— Я думал, мы потанцуем здесь, — извиняющимся тоном отозвался Владимир.

— Та-а-ак, разговор, я вижу, они затеяли долгий, — ответила ему на это доамна Соломон, кивая головой в сторону сада. — Никто и не думает идти в дом.

— В саду так хорошо, — попытался задобрить ее Владимир. — Думаю, и тебе хорошо тоже; спровадили пораньше гостей...

Он засмеялся, показывая, что шутит. Но он был виноват и чувствовал себя виноватым. Когда неделю тому назад доамна Соломон позвонила ему в Бухарест и

пригласила вместе с Рири во Фьербинць, он пообещал ей привезти патефон, чтобы занять и развлечь гостей. Он знал, о чем идет речь, прекрасно знал Дорину и уже предчувствовал всеобщую скованность за обедом и послеобеденную неловкую скуку. Зато с патефоном молодые люди могли сразу же после обеда устроить танцы, и лед был бы разбит. Знал он и еще одно — страстную любовь к танцам доамны Соломон, которая большую часть года жила вдали от столицы, в глухой деревне, с глазу на глаз с мужем.

— Как тебе понравился капитан? — спросил он чуть погодя, видя, что она упорно молчит. — Знаешь, он оттаял и даже...

— Можете поступать как знаете, я ни во что не вмешиваюсь, — враждебно прервала его доамна Соломон.

«С чего это, Господи, она так сегодня сердита? — удивленно подумал Владимир. — Может, из-за того, что некому за ней поухаживать?» Он вспомнил, что Аглая веселеет, стоит только появиться у нее кавалеру — грубоватому или галантному, любому, лишь бы он не был домну лом Соломоном. К несчастью, сегодня у нее кавалеров не было. Капитан должен ухаживать за Дориной. А его приятель, инженер, оказался слишком застенчив. Вот если бы устроить танцы!..

— А может быть, мы все-таки потанцуем? — отважился на новую попытку Владимир. — Сейчас около пяти. Поедем мы не раньше половины восьмого. Танцы — лучшее средство всем поближе познакомиться...

— Да вы, кажется, наговориться никак не можете, — сказала доамна Соломон. — Тощица...

Оба опять замолчали. Владимир считал, что танцы — достаточно серьезный повод, чтобы ему вернуться в сад.

— А приятель кто у него? — вновь начала разговор доамна Соломон.

— Я только сегодня с ним познакомился. Отрекомендовался инженером по сельскохозяйственной технике. Стере его напугал, заставляя нам петть в саду.

— Стере и есть Стере, — уронил доамна Соломон.

Владимир чувствовал — ему пора ретироваться: Аглая в любую минуту могла заговорить о своих семейных делах и он должен будет ее слушать, без особого желания встать на чью-либо сторону.

— А что, если предложить нашей компании прогуляться по деревне? — неожиданно спросил он.

Аглая недоуменно на него взглянула. И чуть было не сказала: «Второй Жорж, точь-в-точь», но не сказала, потому что открылась дверь и вошел домнул Соломон.

— Тебя ищет Лиза, — сообщил он жене, обмахиваясь носовым платком. И обратился к Владимиру: — Жаль, что ты ушел! Как он красиво говорил! Имейте в виду, господа, этот молодой человек необыкновенно учен и его ждет большое будущее... — И опять повернулся к жене: — В монастырь мы с тобой едем, я молодежи пообещал. И забыл тебе сказать, — прибавил он минуту спустя, — там будут Замфиреску. Они приехали прямо из Бухареста. Устраивают что-то вроде пикника.

Доамна Соломон неожиданно проявила интерес:

— А откуда ты знаешь?

— Видел слугу господина судьи. Он пришел в деревню за сифоном.

Владимир, воспользовавшись тем, что доамна Соломон занялась разговором, выскользнул в сад. Все стояли кружком возле вишни. Капитан Мануилэ уже не дичился, дружески беседуя с Дориной и Лизой. Рири и Стере болтали со Стамате.

— Скажите мне, о чем вы тут толкуете, — вступил в разговор Владимир, силясь скрыть досаду.

Еще только подходя к этим сблизившимся, дружески беседующим людям, он чувствовал, что о нем все забыли, что никто и не вспоминает тех оригинальных идей,

тех тонких замечаний, которые высказывал он, усадив на травку обоих гостей. Самолюбие его страдало: кто, как не он, повел разговор всерьез, пожертвовав собой, взяв на себя обоих незнакомцев, и от низменной обыденной болтовни перешел к проблемам бытия и серьезным книгам. Без него капитан никогда бы не решился заговорить о том, о чем он заговорил...

— Я говорил о ересях, молодой человек, и... — начал капитан Мануилэ.

Владимир благодарно улыбнулся ему, подходя.

Но Дорина не дала договорить.

— Все-таки скажите, о чем вам думается, когда глаза у вас смотрят словно бы в пустоту? — вернулась она к прерванному разговору.

— Понятия не имею, о чем думаю я, когда гляжу в пустоту, — отозвалась Лиза.

И она была оживлена, ей была любопытна затронутая тема.

— Обычно настолько устаешь, что ничего и вспомнить не можешь, — подхватил разговор Владимир.

— А бывало так, что вам вдруг казалось, будто все уже было когда-то? — с живостью спросила Дорина. — Ну, например, вы уже стояли здесь же в саду с теми же людьми и даже говорили те же самые слова?!

Проблема, видно, занимала ее до крайности, потому что, не дожидаясь ответа капитана, она принялась говорить сама, пытаясь передать оттенки своих ощущений:

— Знаете, когда я вдруг чувствую, что все-все уже было мной прожито, мне становится по-настоящему страшно...

И тут ей показалось, что даже это с ней когда-то было. Да нет, не может быть. «Капитана Мануилэ я еще не встречала», — подумала она, успокаиваясь. И все-таки почувствовала что-то вроде головокружения.

— Иногда мне жаль, что я не записался и на философию, — проговорил Владимир. — Вопросы, связанные с душой человека, ни филологией, ни историей не разрешишь...

На веранду вышел домну л Соломон.

— Кому чаю, кому кофе, кому патефон?! — весело выкрикнул он.

Стамате засмеялся — так уместно показалось ему внезапное вторжение. Стере рассказывал о сыпняке в Яссах во время войны, и его громкий голос заглушал разговор по соседству. Но время от времени Стамате все же совершенно отчетливо слышал то, что говорила Лиза. И ему очень хотелось ей ответить. Столько хочется всего сказать, добавить. И с Рири тоже хочется поговорить, она производит такое милое, приятное впечатление.

— Решайтесь как можно скорее, — вновь раздался голос домнула Соломона.

— Я бы немного потанцевала, — прошептала Рири.

Все потянулись к веранде. Стамате немного поотстал.

— У меня аналитический ум, — различил он Лизин голос.

3

Из Фьербинць выехали с закатом. Жары уже не было в помине. Небо понемногу прояснялось и казалось выше.

— Вечер обещает быть чудесным, — сказала Дорина, повернувшись лицом к капитану Мануилэ.

— Жаль, что дорога у нас не заасфальтирована, — посожалел Владимир.

Автомобилю и впрямь доводилось туго. Дождей давно не было, толстой белой подушкой лежала пыль.

— Как только выедем на опушку, дорога выровняется, — пообещал шофер.

Откинувшись на мягкую спинку, Лиза с жадностью вдыхала сладкий полевой воздух. Как хорошо, что Стере поедет потом, позади, в другом автомобиле, они отправятся, наверное, через полчаса, не раньше...

— Это что за звезда? — спросила Дорина, вдруг неожиданно резко вскинув руку.

— Венера! — воскликнул Владимир. — Ты что, совсем не знаешь астрономии?

Капитан Мануилэ улыбнулся и, не поднимая глаз, любезно сказал:

— Барышня никогда не была влюблена... О Венере узнают и без астрономии...

— Узнают, — согласилась Лиза. — А Эминеску писал...

Дорина попыталась припомнить, что писал Эминеску, но припомнила едва лишь несколько строчек.

— Как хорошо, должно быть, жить за городом, в маленьком деревенском домике!.. — снова заговорила Лиза.

Сейчас она верила, что была бы по-настоящему счастлива в маленьком домике в лесу, на берегу озера, неподалеку от Бухареста. Недавно она смотрела американский фильм, и там как раз были эти прелестные домики на окраине — белоснежные, с просторными верандами, затененные большими деревьями. В Снагове тоже белоснежные роскошные виллы, и глядятся они прямо в озеро, и моторка ждет у причала прямо возле ступенек веранды и слегка-слегка покачивается. Как в заграничном кино...

— Сбежать от толпы, шума, телефонных звонков, — добавила она, мечтательно глядя в небо.

Теплый деревенский вечер дышал тишиной и покоем, и Лизе так захотелось почувствовать себя смертельно усталой, выпитой городской суетой, и тогда уже сладострастно наслаждаться непривычной окружающей красотой. Она вообразила себя светской львицей, утомленной безумствами ночных оргий, пересыщенной дипломатическими приемами и балами, разочарованной в любовных играх, — словом, героиней фильма, которую жизнь лелеет и балует, а она в глубине души таит горечь, ожидая чего-то другого, всегда чего-то другого...

Она повернулась к капитану Мануилэ и взглянула на него с высот своего неизмеримого превосходства, иронически и вместе с тем снисходительно-нежно. Если бы они только знали...

— Ах, какая будет луна сегодня!.. — сказала Дорина. — Хорошо бы нам побыстрее доехать и успеть еще погулять...

Они уже свернули и катили проселком. Вдалеке темной гривой на алой полоске зари виднелся монастырский лес.

«А все остальные? — подумала Дорина и обернулась. — Интересно, они уже выехали?»

Остальные — супруги Соломон, Стере, Ста-мате и Рири — ехали на автомобиле здешнего своего знакомого. Они выехали куда позднее, но автомобиль у него был лучше и ехал быстрее. Позади на горизонте за клубилось облако пыли.

— Наши! — уверенно сообщил Владимир, внимательно приглядевшись.

— У вас необыкновенно застенчивый приятель, — сказала Лиза.

— Пока как следует не освоится, — ответил капитан. — Наше поколение вообще не отличается экспансивностью. Вот молодежь, — обратился он к Дорине, — теперь куда более общительна, они занимаются спортом и знакомятся куда быстрее. И правильно делают. А мне, например, и до сих пор нелегко чувствовать себя попросту с людьми, которых я едва знаю, хотя наша профессия...

В другом автомобиле Рири, сидя возле шофера, пыталась превозмочь пространство с помощью приставленной к глазам ладони и понять, скоро ли они догонят остальных.

— ...Говорю тебе как старший брат, и ты меня послушай, — говорил Стере, — в твоём возрасте самое главное — не пропустить поезда...

— Разве я так уже стар? — удивившись, засмеялся Стамате. — Мне только-только исполнилось тридцать три...

— Вот именно, — настаивал Стере. — Самый опасный возраст. Если не решиться через годок-другой, попомни мое слово, решишься, когда будет поздно, и будет тебе тогда несладко, это я тебе говорю, и ты уж меня послушай...

Стамате, пламенея, как пион, уставился в затылок Рири. Он не решался повернуть головы, боясь встретиться взглядом с супругами Соломон. До чего же бестактно затевать теперь разговор о женитьбе... И почему он не разыграл полнейшей невинности, сделав вид, что знать не знает о видах семейства Соломон на капитана.

Поначалу ему даже нравилось слушать рассуждения Стерс, казалось, что он оказывает услугу приятелю, который едет впереди вместе с Дориной. И может быть, нарочно оставил его поговорить с ее близкими... Но разговор, начавшийся общими рассуждениями, мигом перекинулся на него лично. И Стере без всяких околичностей у него спросил, почему это он до сих пор не женился...

— О-о, мы ужасно нескромны, — выговорила доamna Соломон, очень скромно, самым носочком туфли, касаясь ноги ближайшего родственника. Когда Стере недоуменно повернулся к ней, то увидел гневно нахмуренные брови и чуть ли не искаженное лицо.

— Аглая! А они остановились! — воскликнула Рири, указывая рукой вперед.

Все посмотрели вперед: метрах в пятистах от них, на опушке леса, автомобиль притормозил.

Ему, размахивая обеими руками, подавал знаки с середины дороги высокий молодой человек, смуглый, с непокрытой головой и в темных очках. Наверное, он надел их днем и позабыл о них, — сейчас, когда солнце село, свет был совсем не ярк.

— Не сердитесь, что остановил вас посреди дороги, — начал молодой человек чрезвычайно вежливо, подходя к машине и приветствуя всех поклоном. — Полагаю, вы направляетесь в Кэлдэрушань, и прошу вас взять с собой и меня, я поеду на подножке вашего автомобиля.

Он улыбался, однако, без малейшего смущения. Правой рукой он оперся о дверцу автомобиля, левой поправил очки. Дорине стало не по себе. Взгляд молодого человека отличался необыкновенной пронизательностью, зрачки глаз были непривычно расширены, и в них словно бы мерцал огонек. Манеры и речь рекомендовали его благовоспитанным юношей из хорошей семьи. Лиза отдала должное его безупречного покроя спортивному костюму с накладными карманами.

— Я заблудился, можно сказать и так, — весело прибавил юноша. — А вернее, заснул в лесу на травке, а мои приятели тем временем уехали. Мы тоже собирались в монастырь...

Капитан поднялся, уступая ему место.

— Нет-нет, я вовсе не хочу вас беспокоить, — запротестовал незнакомец. — Я сказал, что поеду на подножке, и вовсе не преувеличивал. Я прекрасно устроюсь...

— Но будет еще прекраснее, если все мы немного потеснимся, — сказала Лиза. — Дори-на может сесть ко мне на колени...

Юноша настаивал, извинялся и в конце концов устроился в автомобиле.

— Позвольте представиться, — произнес он. — Меня зовут Серджиу Андроник, по профессии авиатор или что-то вроде того...

И он опять очень дружески широко улыбнулся и протянул руку. Лиза теперь уже точно решила, что юноша вовсе не смуглый, а очень загорелый. Наверное, он страстно увлекается спортом и много времени проводит на свежем воздухе. Господин Серджиу Андроник с отменной элегантностью поцеловал дамам ручки. Дорина вспыхнула. От склоненной его головы, густых волос на нее повеяло здоровым запахом мужественности, юности.

— Сейчас вы познакомитесь и с остальными, — пообещал Владимир, увидев второй приближающийся автомобиль.

Серджиу Андроник обернулся. Второй автомобиль затормозил рядом с первым. Владимир отрекомендовал нового знакомого вновь прибывшим.

Объяснение Андроника необыкновенно развеселило Стере.

— Не горюй, если приятели не отыщутся, — сказал он. — Повеселишься с нами.

Юноша в знак благодарности поклонился. Впрочем, казалось, что он и не думал горевать. Усевшись между Лизой с Дориной на коленях и капитаном Мануилэ, он тут же бойко заговорил не без изящества и остроумия. «Вот что значит светскость», — подумала Лиза, очарованная новым знакомцем, его успокоительной уверенностью в себе, легкостью и фантазией.

— Я приехал сегодня с утра из Пиперы подышать свежим воздухом, — заговорил Андроник, как только автомобиль тронулся с места. — А они приехали вместе со мной, они — то есть мои приятели... Я учусь летать... Вы не верите, что я могу летать? Ну так вот, я учусь...

Дорина с Лизой жадно его слушали. Летать! Какое наслаждение уметь летать!..

— А это очень тяжело? — вступил Владимир, внезапно воодушевившись.

— В первый раз, когда поднимаешь самолет. Тяжело, плохо. Кажется — всему конец и живым-здоровым тебе на землю не вернуться... А когда привыкнешь, все нравится. И ощущение такое, что жить можно только в воздухе...

Капитан Мануилэ улыбнулся почти что про себя, едва заметно и с легкой грустью. Говорит молодой человек, будто по книге читает, и впечатление от его слов необычное, странное. В особенности экзотика действует на дам. А о тебе они забыли...

Дорина с Лизой в самом деле чрезвычайно оживились. Не часто выпадала им такая удача — разговаривать с живым авиатором... И никогда еще не встречался им такой молодой подтянутый штатский, и такой элегантный вдобавок, и чтобы ехал вдобавок с ними в одном автомобиле и был бы им благодарен за то, что сидит с ними рядом...

— Только, пожалуйста, не пугайтесь моих приятелей, — продолжал молодой человек. — Они чудовища. Затрудняюсь даже сказать, на что они будут похожи, когда мы с ними встретимся. Оставил я их трезвыми и благопристойными, а вернее, они оставили меня...

И он залился смехом. Смеялся он необыкновенно заразительно, басовито и раскатисто. Лиза с Дориной тоже засмеялись. Капитан Мануилэ ограничился улыбкой. Невозможно сердиться на мальчишек. И все же он непременно окажется шалопаем...

— Ты нас перепугал до смерти! — воскликнула Лиза, наконец нападая на нужный тон, какого искала, как только юнец уселся к ним в автомобиль.

— А кто они и чем занимаются? — спросила робко Дорина.

— Один — самый что ни на есть солидный инженер завода в Решнице, — серьезно объяснил Андроник. — Другие, они и в самом деле совершенно другие, потому что среди них, во-первых, имеется наш общий приятель архитектор, а во-вторых, две его приятельницы, очаровательнейшие иностранки. Больше о них не знаю даже я...

Дорина вымученно улыбнулась. Ничего не скажешь, приятный сюрприз: барышни, наверное, не знают ни слова по-румынски и придется говорить с ними по-французски, вот уж чего бы ей ни за что не хотелось.

Зато Лизу привела в восторг возможность поговорить по-французски. Как-никак два года она прожила в Париже и до сих пор все пытается заставить приятельниц поболтать по-французски... И потом, кто знает, у этих иностранок могут быть интересные знакомства в Бухаресте. Дипломатические круги, приглашения на чашечку чая, аристократические вечера... Что бы там ни было, удивительно приятная встреча... Они чудесно проведут время...

— Жаль, что у меня нет с собой купального костюма, — снова заговорил Андроник на подъезде к монастырю. — Передать не могу, какое наслаждение купаться ночью при свете луны в озере...

— Но сейчас, наверное, еще холодновато, — отозвался Владимир. — Как-никак май...

— Да я и в феврале купаюсь! — воскликнул молодой человек.

Он говорил искренне. Говорил много, быстро, уверенно, но ни у кого не возникало ощущения, будто он бахвалится. Широкоплечий, загорелый, с красивыми мускулистыми руками, конечно, он непременно должен был купаться в феврале по утрам.

— Если будет луна, надо непременно устроить катание на лодках под пение серенад, — прибавил он. — У Арсеника есть балалайка.

— У кого? — недоуменно спросила Лиза.

— У Арсеника, приятеля, о котором я вам рассказывал и много еще чего порасскажу.

— Чего же именно? — со смехом спросила Лиза.

— О! Столько женщин еще и теперь по нему сохнут, — покачал головой Серджиу Андроник.

Автомобиль, миновав аллею, остановился возле монастырских ворот. Здесь, под густой сенью деревьев, уже не было сомнений, что настала темная ночь. Влажный холодок пробежал по спине обеих женщин.

4

Когда вся компания, поручив свои сумки и корзины с едой отцу келарю, собралась отправиться на озеро, из кельи вдруг появился Серджиу Андроник.

— Нигде никого! — воскликнул он огорченно и вместе с тем как бы забавляясь собственными злоключениями. — Как сквозь землю провалились!

Дорина невольно радостно всплеснула руками. Ее радость заметила Рири, и капитан Мануилэ тоже.

— Может, они уехали в Бухарест? — отважилась она спросить.

— Нет, этого быть не может! — ответил Андроник. — Полагаю, произошло следующее: они отправились в другой монастырь!..

Он улыбался, засунув руки в карманы и глядя на озеро, словно ничего и не произошло.

— Не отчаивайся, — утешил его Стере, — завтра утром уедешь с нами на автомобиле.

— Я вам чрезвычайно благодарен, вопрос только в том, как я проведу ночь и как встану утром! — Он повернулся к Лизе, которая смотрела на него и улыбалась: — Простите, сударыня, за столь нескромные подробности, но если бы вы знали, каким пугливым я становлюсь ночью и какая густая щетина вырастает у меня поутру! Ужас, а не щетина!..

Дамы весело рассмеялись, и веселее всех доamna Соломон.

— Ужас, ужас, я нисколько не преувеличиваю, — настаивал Андроник, — у вас просто не достанет мужества посадить меня рядом с собой в автомобиль. Впрочем, если у вас есть багажник...

Он говорил так искренне и непосредственно, что даже капитан Мануилэ не мог не засмеяться.

— Как вы думаете, мы успеем покататься на лодке? — спросил Владимир.

Домнул Соломон взглянул на часы. Он и здесь, в монастыре, продолжал чувствовать себя хозяином. Впрочем, он и здесь хлопотал обо всем, был доверенным лицом у отца келаря, да и многие другие монахи были ему знакомы.

— Без четверти восемь, — ответил домнул Соломон. — Если вы не так уж голодны...

— Ну о чем ты говоришь? Можно подумать, что всю ночь мы будем ужинать! — возмутилась Лиза.

Ей непременно хотелось покататься на лодке с этим малознакомым молодым человеком. Домнул Соломон почувствовал по тону Лизы, что допустил ошибку, заговорив об ужине.

— Как хотите, — сказал он. — Вот только есть ли лодки?

Андроник спустился к самой воде, просто чудо, как это он не провалился в густую прибрежную грязь, отливающую жирным блеском. Казалось, он что-то необыкновенно внимательно высматривает посреди озера.

— Не поскользнься, — крикнул ему Стере. — Вода здесь отвратительная.

Юноша повернулся к нему, губы его слегка улыбались.

— Кому-кому, а мне это известно лучше всех! Я пытаюсь проверить, точно ли я помню место, где два года тому назад перевернулась лодка и я чуть было не утонул...

— Да что ты говоришь?!. — испугался домнул Соломон.

Андроник поднялся ко всем остальным. Лицо у него сделалось другим: задумчивым, даже, пожалуй, грустным. Руки он опять засунул в карманы. И двигался очень медленно. Можно было подумать, что вернулся он с того света.

— «Чуть было» слабо сказано, — добавил он. — Здесь утонул мой друг, адвокат Хараламбие...

— Как, ты и был с ним в одной лодке?! Вот чудеса-то! Когда ты сказал «утонул», я тут же вспомнил Хараламбие... Надо же, какое совпадение! Я ведь тоже его знал. Когда мне сообщили, я даже собрался ехать, но что-то мне помешало, уж не помню...

— Судебное заседание, — напомнила доamna Соломон.

— Вот-вот, — согласился домнул Соломон. — Я очень тогда горевал... Ох, бедняга... бедняга...

— Как же это произошло? — взволнованно спросила Дорина.

Андроник притягивал ее, завораживал. Подумать только, пережить столько опасностей... Столько раз глядеть в лицо смерти... Тайны, мужественность, необычайные приключения — голова Дорины кружилась, словно от хмеля. Словно крепко обняла ее неведомая сила и толкала подойти поближе, еще и еще ближе, близко-близко к этому чудесному таинственному незнакомцу, на которого, однако, вряд ли можно было положиться. Капитан казался ей бесцветным и холодным. Она видела: он стоит и внимательно слушает, правой рукой крутя пуговицу на нижнем кармане кителя.

— Расскажите, как же произошло это несчастье? — повторила вопрос Дорина.

— Никто так и не понял, как оно произошло, — тихо ответил Андроник. — Сколько раз мы плавали по этому озеру, поплыли и на этот раз, и вон там, на середине, — он указал рукой, — лодка вдруг завертелась на месте и перевернулась...

— Похоже на водоворот, — сказал Стамате.

— Конечно водоворот, — отозвался Андроник, посмотрев на него очень внимательно. — Водоворот и водоворот, ничего особенного. И он неплохо плавал, и я. Лодка была бы нам в помощь. Но он сразу пошел ко дну, господа, как будто его заколдовали и к ногам привязали свинец...

Он замолчал. Все поглядывали друг на друга тревожно и боязливо. Кататься на лодке никому уже не хотелось. Видно стало, как уже темно, а под деревьями совсем ночь.

— Под водой много водорослей, — проговорил домнул Соломон. — Потом, кажется, настоятель распорядился, и озеро очистили... Но там их было очень много...

— Не повезло им, — проговорил Андроник, — не утони здесь человек, росли бы себе и росли под водой.

— И быстро он утонул? — спросила Лиза.

— Я видел его голову секунду или две, потом уже больше не видел... Иногда я и теперь думаю, как я-то остался жив?

— Тебя Бог пожалел, — сказала доамна Соломон.

Андроник улыбнулся грустной улыбкой.

— Может, и так, — произнес он смиренно.

Медленно, держась поближе друг к другу, двинулись берегом обратно. Владимир обернулся и с вожделением посмотрел на лодку, которая осталась позади, привязанная к колышку. Андроник, словно бы вспомнив о чем-то, приостановился, вынул руки из карманов и рассмеялся.

— Мало ли что было! Подумаешь! — воскликнул он. — Что же, нам теперь и на лодке не кататься?!

Он весело взглянул на остальных. Глаза его пристально и неотступно вглядывались то в одного, то в другого. Особенно пристально смотрели они на Владимира и Рири.

— А что, если нам сейчас взять и покататься по озеру? — спросил он внезапно, делая шаг назад и собираясь вернуться к лодке.

Стере удержал его за руку.

— Ну-ну-ну, не валяй дурака, — сказал он. — И судьбу не испытывай...

— Ну, если меня не оставили в покое, — прошептал Андроник как бы про себя, исподтишка поглядывая на воду.

Рири прыснула — Андроник так смешно сказал!..

— Пойдемте-ка лучше в лес погуляем, — предложил домнул Соломон и прибавил шагу.

Все не спеша потянулись за ним, и самыми последними Андроник, Владимир и Дори-на. Домнул Соломон предложил руку жене и пошел еще быстрее, ему хотелось кое о чем пошептать с женой без опасения быть услышанным.

— Как ты думаешь, кто он такой? — раздраженно зашептал он. — Имей в виду — мне он совсем не нравится... И капитан сразу стушевался. А мама сказала, что желательно все как-то решить сегодня вечером... Может, найти возможность оставить их наедине?..

Доамна Соломон равнодушно внимала таинственному шепоту мужа. Взор ее, отдыхая, покоился на ожидающем их впереди лесе.

— Что я должна, по-твоему, делать? — спросила она вяло. — Мы пригласили его, и мне не кажется, что он чем-то нам досаждаст. И за Дориной он тоже не ухаживает, так мне кажется.

— Нет-нет, чего нет, того нет, — извинился домнул Соломон. — Я и не говорил, что ухаживает, однако он гусь, этот Андроник, повидал виды и теперь такого словесного туману напускает... Капитан куда основательнее, на каждом шагу не вылезает, а если и вставит слово, то в общий разговор, а чтобы сам — нет, скромно молчит себе и молчит.

Он ждал, что ему ответит супруга. Но доам-на Соломон была все так же рассеяна.

— Нам, знаешь ли, придется позаботиться, похлопотать, — вновь заговорил домнул Соломон. — Вот оставим их наедине и посмотрим, может, паренек и найдет что сказать... Конечно, лучше бы его узнать покороче... Но не сидеть же ей всю жизнь на нашей шее...

— Не помню, чтобы тебя это особенно смущало, — заметила мужу доамна Соломон и улыбнулась. — Что вдруг на тебя нашло?

Домнул Соломон покраснел и крепко сжал жене руку.

— Не до шуток, душенька, — сказал он, убыстряя и убыстряя шаг. — Нужно же как-то в конце концов ее устроить, разве нет? К тому же мы тут все свои, одной семьей, и должны содействовать...

Тут доамна Соломон тихонько толкнула мужа в бок, прося замолчать. Впереди им навстречу двигалось по дороге семейство Замфиреску. Барышня Замфиреску первая узнала их и заторопилась к ним.

— Ах! Как хорошо, что и вы сюда приехали! — воскликнула она.

Вслед за ней, едва ковыляя от усталости, подошла и доамна Замфиреску, а следом двое мужчин — муж и свояк.

— Вы тоже сюда с ночевкой? — радостно спросила доамна Замфиреску. Теперь она успокоилась: партия в покер ей обеспечена. Две колоды карт она предусмотрительно захватила с собой из Бухареста, потихонечку сунув их в карман автомобиля.

— Мы тут целой компанией, — сообщила доамна Соломон не без гордости, указывая рукой на группки, неспешно бредущие полем.

— С нами один наш приятель, авиатор, необыкновенно забавный...

Андроник уже догнал впереди идущих, и с ним вместе Владимир, Стамате и Рири. Дорина так и шла последней вместе с Лизой и капитаном Мануилэ. Она словно бы нарочно старалась держаться подальше от Андроника и как можно реже встречаться с ним взглядом. А молодой человек вел себя как нельзя более непринужденно и со свойственной ему веселостью заговаривал то с одним, то с другим. Он не прибивался ни к какой из компаний, и, если бы не предусмотрительность Владимира и Рири, которые подозревали, ради чего супруги так далеко ушли от остальных, Андроник догнал бы их давным-давно.

— И барышня Замфиреску, — завершила с улыбкой знакомство доамна Соломон, польщенно посмотрев на Андроника: не каждый день доводится представлять друзьям авиатора, к тому же столь эlegantного, спортивного и аристократичного.

— Да здесь у вас целое общество собралось! — воскликнул домнул Замфиреску, разглядывая приближающуюся молодежь.

И тут же подумал, как можно повеселиться в монастыре. В монастыре или на даче... И почему — вопрос исключительно для мужчин — монастырь мужской, а не женский?..

— Дорина, а кто это с тобой? — осведомилась барышня Замфиреску между поцелуями.

— Позволь мне тебе представить...

Капитан Мануилэ и Стамате с любезной корректностью склонили головы.

Доамна Замфиреску оглядела одного и другого оценивающим взглядом, — теперь-то ей все понятно, задумали пристроить Дорину, окрутить одного из молодчиков. Ну ясное дело — Стамате, он, сразу видать, лопоухий, таких легко одурочить...

— Мы возвращаемся из лесу, — промурлыкала барышня Замфиреску. — Ах, если б вы видели, что там за красота!

И она закатила глаза от восторга.

— А мы только идем в лес, — сердито сказала Лиза, раздосадованная тем, что семейство Замфиреску их опередило.

Ей казалось, что Замфиреску украли принадлежавшее им добро, что лес, на который любовались другие, не может оставаться таким же красивым. И тем больше раздражали ее восклицания и восхищения барышни Замфиреску. И она их прекратила.

— Прибавим шагу, друзья, — сказала она, обернувшись к Владимиру и остальной молодежи. — А то как бы нам не пришлось брести в потемках на ощупь, пока луна не покажется.

— Вам непременно надо идти по проселочной дороге, той, что посередине, — заторопилась с советами барышня Замфиреску. — А иначе вы заблудитесь...

— Конечно-конечно, — согласилась Лиза, обходя ее. — Однако монастырь виден и отсюда, заблудиться трудно...

Она пошла рядом с супругами Соломон и Стамате. Капитан, Дорина и Стере по-прежнему замыкали шествие. Остальные вместе с Андроником шли как придется, болтая между собой.

— Имейте в виду — я ужасная трусиха, — смеясь, призналась Рири. — Пожалуйста, не пугайте меня.

— Ничего вам не могу обещать, — притворяясь серьезным, отвечал Андроник. — В лесу все шутки жутковаты.

Дорина услышала его и мечтательно улыбнулась. Она шла опустив глаза и ни на кого не смотрела.

— Лес — самое подходящее место для твоего приятеля, — убеждал Стере капитана. — Вот пусть и споет ночью в лесу.

— Конечно-конечно, — рассеянно соглашался капитан Мануилэ. — Только боюсь, как истинный горожанин, он не слишком вдохновится лесом.

— А хотите, сыграем в казаков-разбойников, — вновь услышала Дорина голос Андроника. — И если не сделаете меня атаманом, искать меня будете всю ночь.

Рири опять рассмеялась; улыбка Дорины сделалась натянутой, почему-то ей казалась обидной крепнущая на глазах дружба Рири, Андроника и Владимира.

— Осторожнее, барышня!

Это сказал капитан, когда Дорина споткнулась о сухую ветку. Треск испугал Дорину меньше громкого голоса капитана Мануилэ. Она обернулась и встретила с ним глаза. Глаза капитана светились в темноте по-кошачьи. Дорине сделалось не по себе.

— Оцарапались? — спросил он, подавая ей руку.

Теперь голос у него был низкий, теплый и движения плавные, ласкающие.

— Неужели чулок порвала, Дорина? — спросила, подходя, Рири.

Она торопилась узнать подробности происшествия. За ней следом, несколькими размашистыми шагами преодолев разделяющее их расстояние, появился и Андроник.

— Я пришел не затем, чтобы узнать, порвался ли ваш чулок, — сообщил он, смеясь. — Я хочу предложить вам одну игру... А вы будете нам помогать, капитан? — обратился он совсем уж по-приятельски к капитану Мануилэ.

— Охотно, если в игру принимаются старики, которым перевалило за тридцать, — отозвался капитан.

— Игра предлагается вот такая, — принялся объяснять Андроник. — Мы все по очереди один за другим отправляемся... Вот только нам нужны часы со светящимся циферблатом, — спохватился он.

— У Стамате великолепные часы, в любой темноте все видно, — сообщил капитан.

И посмотрел вперед, на дорогу, где шли, не торопясь, несколько человек и среди них его приятель. Но различил он его с большим трудом.

— Погодите, я сейчас, — пообещал Владимир и умчался.

Супруги Соломон и Стамате сидели на стволе упавшего дерева.

— Какая чудная ночь! — воскликнула Лиза.

Она делала вид, что устала, но на самом деле поджидала отставших, и больше других Андроника. Ее уже тяготила молчаливость ее теперешних спутников. Стамате говорил мало, тщательно выверяя каждое свое слово. «Можно подумать, что влюблен», — сказала про себя доamna Соломон. Бегом подбежал Владимир, и Стамате поднялся.

— Случилось что-нибудь? — спросил дом-нул Соломон.

— Ничего. Меня отрядил к вам капитан Мануилэ, — обратился Владимир к Стамате. — Он просит вас дать нам ненадолго ваши часы... Мы хотим сыграть в одну игру, — добавил он, отирая лоб.

— Пойдемте-ка и мы, — внезапно заторопилась Лиза, неизвестно отчего беспокоившись.

И пошла быстрее, чем подобало бы, по аллее, едва различимой в серых сумерках. Сердце у нее билось громко-громко, и она чувствовала, как громко оно бьется, словно предстояло ей что-то чрезвычайно важное, словно ожидало ее что-то необыкновенно значительное там, где среди остальных стоял Андроник.

— Принес! — победно воскликнул Владимир, обращаясь ко всем разом.

Андроник взял часы и передал их Стере.

— Выжидаете минуту, но только одну минуту, — продолжил он объяснение, — даешь сигнал бежать следующему. Кто вернется, не побывав у дерева, узнает, что его ждет!..

Рири рассмеялась.

— А мне страшно бежать одной к дереву, — пожаловалась она.

— Кому страшно, тот не играет и ждет здесь вместе с судьей, — сказал Андроник.

— Ну нет, тогда я побегу!

Супруги Соломон и Лиза ничего не поняли.

— Так что это за игра, голубчик? — спросила доamna Соломон.

— Теперь давайте мне в залог свои фанты, — снова заговорил Андроник, не отвечая на вопрос. — Сложим их в шляпу.

Он быстро оглядел присутствующих мужчин. В шляпе был один Стере, и еще капитан Мануилэ в кепи.

— Мы попросим господина капитана одолжить нам кепи, — вежливо попросил Андроник.

Капитан снял кепи и, улыбаясь, протянул его.

— Спасибо. Теперь кто пойдет со мной выбирать дерево? — спросил Андроник.

Дорина не отказалась бы пойти, но ее опередили Владимир и Рири.

— Да объясните же и нам, в чем состоит эта ваша игра! — раздраженно потребовала Лиза.

— Ты сейчас все поймешь, — ответила несмело Дорина, — знаешь, она похожа на бега, только в лесу... Не нужно бояться и не нужно спотыкаться и падать... бежишь ты, через минуту бежит другой...

Глаза ее следили за тремя удаляющимися фигурами тех, кто отправился выбирать дерево.

5

Начинал игру и первым бежал Владимир. Ему дали фант Дорины — платочек, перевязанный полосатым шнуром от марцишора. Он не бежал, а летел огромными прыжками, остерегаясь, однако, стволов и пней. Дерево он увидел издали. В дупле ствола лежал его залог и зажигалка Андроника. Владимир зажег зажигалку, поло-

жил платочек Дорины и пустился другой дорогой обратно бегом. Он слышал команду Стере:

— Следующий!..

«Только бы не погасла зажигалка до Дорины», — подумал Владимир. Он обернулся. Между деревьев уже мелькала белая блузка девушки.

— Владимир! — крикнула Дорина. — Не убегай далеко, мне страшно!

— Не хочу проигрывать фант! — извиняющимся тоном откликнулся Владимир.

Дорина искала дерево по зажженному огоньку. Вокруг себя она ничего не видела. А если подует ветер и огонек погаснет?.. Прижимая руки к груди, она побежала быстрее. Сколько секунд прошло? Дорина напряженно всматривалась в темноту впереди себя... «Не перепутала ли я дорогу?» И тут узнала дерево. По большому листу бумаги, который прикрепил Андроник как опознавательный знак. Подойдя ближе, Дорина увидела в глубине дупло и трепещущий огонек. С волнением взяла зажигалку в руки. Крепко сжала и не выпускала, даже не думая, почему вдруг взяла. Потом быстренько поменяла фанты. Теперь была очередь Стамате, а фантом у него — самописка. Ее так легко держать в руке, когда бежишь...

— Следующий, — услышала она далекий голос Стере. И, испугавшись, что не успеет, бросилась опростельно обратно.

Словно бы еще темнее стало. Если бежать другой дорогой, то и огонька не видно будет. И Дорина побежала той же тропинкой. Через несколько секунд она увидела перед собой тень, несущуюся словно бы испуганными прыжками. Услышала учащенное дыхание. Стамате бежал низко нагнув голову и крепко сжав кулаки. Как будто хотел установить рекорд.

— Ты ошиблась дорогой, — крикнул он Дорине, чудом не упавшей ему на грудь.

— Мне было так страшно, — пожаловалась Дорика, не убавляя шага.

«Неужели я проиграю, если вернусь той же дорогой?» Мысль о проигрыше ее взволновала. Могло случиться, что и Андроник, который побежит пятым...

— Ты вернулась той же тропинкой? — спросил Стере, когда она прибежала.

Он стоял с часами в руках, необыкновенно сосредоточенный, если не сказать важный; ему всерьез польстило, что его выбрали судьей. С другой стороны — кого еще? Только у него был такой мощный голос и такая дикция, что его можно было слышать и возле дерева.

— Мне было так страшно там, — виновато сказала Дорина, прижимая руки к груди. — Казалось, вот-вот змея выползет...

Дамы вздрогнули.

— Здесь змеи не водятся, — уверенно сказал Андроник.

— Следующий, — внезапно скомандовал Стере, не отрывавший глаз от часов. — Лиза, беги!

И она побежала. С той секунды, как убежал Стамате и было объявлено, что следом ее очередь, она стояла вся напрягшись и пристально вглядывалась в темноту. Она следила за тенью Стамате, как та мелькала и терялась между деревьями. Она немного боялась ночи, которая поджидала ее в нескольких шагах, которая вмиг ее поглотит и она будет одна-одинешенька. В особенности ей стало не по себе, когда она услышала Дорины слова о змеях, по спине у нее так и побежал холодок. Но слова Андроника ее успокоили. В конце концов, все они просто играли. Две-три минуты одиночества в лесу. А потом за ней следом побежит Андроник...

Она быстро добежала до дерева с белым опознавательным знаком. Обменяла фанты. Потом нащупала зажигалку. Зажигалка не горела. Может, подул ветер, а может, Стамате, недотепа, не сумел ее зажечь... Она стояла перед деревом. Сердце у нее

колотилось, но не оттого, что она бежала. Ей вдруг сделалось холодно. Так холодно, что у нее застучали зубы.

— Пятый! — услышала она голос мужа, словно еще сильнее охрипший. И все стояла, прислонившись к дереву, пытаясь совладать с дрожью. Какую глупость она делает, какую глупость...

Андроник тронулся с места, шагая широко и ритмично спортивным шагом атлета, целиком поглощенного игрой. Вслед ему смотрели все. Дорина и Рири тоже, и смотрели совсем не равнодушно, как растворяется в сумерках легкий и гибкий силуэт. Потом Дорина повернулась направо, ожидая увидеть Лизу. Подождала несколько мгновений и вновь вперила взгляд в темноту. Что же, Господи, ее так задержало?.. Рири нервно переступила с ноги на ногу. Теперь наступал ее черед. Когда Стере поднял руку, приготовляясь крикнуть: «Следующий!» — Рири рванулась с места.

— Лиза! — нетерпеливо крикнула Дорина. — Ты заблудилась?

— Что она там себе думает, эта девчонка? — спросил и Стере, не отрывая глаз от циферблата. — Прошло уже две минуты и пятнадцать секунд. Не могло с ней что-то случиться? Заблудиться она не могла?

— Лиза-а-а! — протяжно позвал Владимир. — Ты потерялась?..

Лиза слышала крик, но не торопилась отвечать, она хотела успокоиться. Она была раздражена, разочарована, чуть ли не плакала. Андроник ничуть не удивился и не обрадовался, обнаружив ее возле дерева. Он только вежливо спросил:

— Устали, сударыня?

Она повторяла про себя какие-то слова. Она ждала, что что-то случится, ждала что-то услышать. Андроник направился к дуслу, обменял фанты, зажег зажигалку, предварительно почистив фитиль, и, уходя, без всякого участия спросил:

— Вы так легко сдаетесь? У вас еще осталось секунд тридцать.

И ушел эластичным широким шагом, исчез за границей света. Лиза почувствовала детское унижение. Ей захотелось громко заплакать, крикнуть ему что-то обидное. Тень Андроника быстро затерялась между деревьями. А она так и не сдвинулась с места. Теперь было бы просто смешно бросаться и бежать за ним. Хотя не менее стыдно было бы встретиться здесь с Рири...

Увидев Рири, она шагнула в темноту, за дерево, и отправилась другой дорогой. Сердце у нее уже не колотилось. Пустота после дурацкого напряжения...

— Лиза-а-а, — снова услышала она голос Владимира.

— Она стояла там прислонившись к дереву, — объяснил Андроник, вернувшись. — Мне показалось, что она устала.

В миг, когда уходил капитан Мануилэ, Лиза появилась из-за деревьев.

— Что это с тобой, братец? — ласково спросил Стере.

— Я слишком быстро бежала, и у меня закружилась голова, — ответила Лиза.

Ей показалось, что Дорина взглянула на нее удивленно и не без подозрительности, и это взвинтило ее еще больше. До конца игры она стояла в стороне и недовольно курила, вздрогнуть ее заставил голос Андроника, вздрогнуть и заволноваться.

— Теперь начинается вторая половина игры, самая интересная. Судьи теперь не будут. Все разбегаются и прячутся. Единственный судья у нас — часы.

Лиза подошла ко всем остальным.

— Фанты есть у всех? — спросил Андроник.

— И я тоже убегаю? — спросил Стере. — Боюсь, для меня это будет затруднительно.

— Не нужно бежать далеко, — успокоил его Андроник. — Только чтобы спрятаться... — И опять обратился к остальным, словно читая лекцию: — Каждый не менее чем через четверть часа возвращается сюда и берет в качестве фанта все, что ему попадет под руку. Как залог, как слово чести... понимаете?..

— И что же, мы оставим здесь часы? — спросил капитан Мануилэ.
— Но, кроме нас, здесь же никого нет, — ответил Андроник.
— А зачем вообще нужны часы? — спросил домнул Соломон.
— Это и есть главная загадка игры, в которую мы играем, — засмеялся Андроник. — Власть, судия...

Никто не понял, что же все-таки будет и как все будет, поэтому и загорелись нетерпеливым желанием начать поскорее, завертев головами в разные стороны, словно бы выбирая себе тропинку в лесу и место, где можно спрятаться. А тем временем наступила уже настоящая ночь. Над озером небо еще слегка светлело; зато среди ветвей засветилось уже несколько звездочек. И всю округу одела глубокая тишина, такая глубокая, что никто ее даже не заметил, и она никого не испугала.

— Бежать нужно по одному, чтобы было как можно больше направлений, — прибавил Андроник. — Только не бегите все разом в монастырь, чтобы я тут один не куковал.

— А ты что, собираешься остаться? — спросил капитан Мануилэ.

— До последнего.

Стамате искал глазами приятеля, желая что-то спросить.

— Кто проиграл, бежит первым, — произнес Андроник.

Лиза вздрогнула. Улыбаясь, она вышла из ряда и, видя, что все ей машут, побежала.

— Не беги слишком быстро, голова закружится, — крикнул ей вслед Стере. Лиза ему не ответила.

6

Наконец остались двое: капитан Мануилэ и Андроник. Слышно было, как тяжело и осторожно ступал Стере. Время от времени раздавался девичий смех или вскрики. Издал боевой клич Владимир, засмеялись Рири и доamna Соломон, которые сговорились держаться поближе друг к другу.

— Ваш черед, домнул капитан, — напомнил с улыбкой Андроник.

— А что, если мы сыграем с ними шутку, спрячемся здесь и никуда убегать не будем? — предложил капитан.

— И испортим игру. Как раз тогда, когда начнется самое интересное.

— А что именно, вы не можете мне сказать? — попросил капитан.

Андроник рассмеялся и словно бы на мгновение оперся на плечо капитана. Как будто бы мимоходом ударил. Капитан вздрогнул.

— И я не знаю, что произойдет, — сказал Андроник. — Игра хороша лишь тогда, когда ее не знает никто.

— Вы это серьезно? — удивленно спросил капитан. — Но в таком случае для чего оставлять здесь часы?

— Ни в коем случае не для того, чтобы их украли, — мгновенно отозвался Андроник. — Согласитесь, громоздко и нелепо придумывать новую игру, вовлекать в нее добрый десяток человек и все только для того, чтобы кто-то получил возможность украсть часы со светящимся циферблатом!..

Капитан покраснел, но взгляда не отвел. И продолжал смотреть, не отрываясь, прямо в глаза Андронику. Молодого человека ничуть не смущали испытующие глаза капитана Мануилэ.

— А для чего же? — спросил еще раз капитан.

— Как будто трудно догадаться?! — воскликнул Андроник. — Ну просто для того, чтобы знать, сколько времени.

Он снова засмеялся и махнул Мануилэ рукой, давая понять, что давно пора прятаться.

— Я последний, — сказал Андроник.

Капитан недоверчиво покачал головой и широко зашагал, не разбирая дороги. Андроник ждал, следя за его тенью до тех пор, пока она не исчезла между деревьями. И снова рассмеялся.

— Теперь и я исчезну, — проговорил он сквозь зубы.

Подошел, взял часы и взглянул на светящийся циферблат: девять часов пять минут.

— Я позволю им поиграть до десяти часов, — пробормотал Андроник самому себе, — а потом послушные детки вкусно поужинают и улягутся в постельки...

Он положил часы обратно на пенек и торопливо зашагал в сторону озера. На опушке посмотрел сперва налево, потом направо, желая убедиться, что никто его не видит. Впрочем, он не сомневался — все побежали прятаться поглубже в лес. Здесь тоже слышались взрывы смеха, испуганные вскрики, треск веток под ногами. Он направился к копне свежескошенного сена и беззаботно вытянулся на нем, заложив руки за голову. Глазам его открылось необъятное небо со светящимися в потемках льдистыми звездами. Издалека приглушенно слышались звонкие голоса в лесу.

— Только бы не поддаться их страхам, — шепнул еле слышно Андроник и улыбнулся.

Убегавшая первой Лиза внезапно остановилась как вкопанная, испуганно глядя в темноту впереди себя. Ей показалось, что она видит там чью-то тень, притаившуюся в засаде неподалеку и внимательно в нее всматривающуюся. Ей даже показалось, что она различает дыхание, тяжелое, сиплое дыхание зверя. Ей сделалось страшно до жути, и она замерла, застыла на месте, не решаясь больше глядеть вперед. Тень шевельнулась тихонько, осторожно, опасаясь зашуметь.

Лиза, может быть, так и стояла бы с расширенными от ужаса глазами, не осмеливаясь дышать, если бы не услышала подле себя неожиданно громкий голос, идущий справа:

— Кто это там?

И узнала Стамате, который продвигался вперед вытянув руки, и тоже явно не без опаски.

— Тш-ш, только не шумите, — прошептала ему Лиза. — Не кажется вам, что там впереди кто-то есть?

Стамате пристально взгляделся:

— Ничего не вижу...

Может, так сипло дышал ветер? Стамате был теперь совсем близко от Лизы и даже словно бы чувствовал ее близость, вот здесь, справа от себя. И никогда, казалось, еще не был так смущен.

— Никого нет, — прибавил он, чтобы успокоить ее.

Но на деле тень как будто внезапно замерла: ни движения, ни шороха. Ветер, тихий-тихий, трогал где-то наверху ветки.

— Что остальные? — внезапно спросила Лиза с любопытством. — Вы кого-нибудь видели?

— Барышню Рири, — ответил Стамате, подходя к Лизе еще ближе, — она была одна...

— И вы ее оставили?.. — недовольно спросила Лиза.

— Она меня не интересовала, — отважился сказать Стамате, беря Лизу за руку.

Лиза не отняла руки. Ее забавляла и, пожалуй, льстила внезапная страсть, которую она сумела зажечь в молчаливом инженерере. Она чувствовала, что может без опаски играть им. Он так робок, так благовоспитан.

— Интересно, чем сейчас занят Андроник? — спросила она внезапно, словно бы для того, чтобы прервать неловкость молчания. —

Мне он кажется весьма подозрительным субъектом, — прибавила она быстро. — Вы хоть что-то поняли в этой игре?

— Ничего, — галантно поторопился с ответом Стамате. — Но мне она так еще больше нравится... Не играй мы, мне бы никогда не остаться с вами вот так, наедине...

Она чувствовала, как колотится у него сердце. Он держал ее руку, почти прижимал ее к груди. Лиза засмеялась.

— А вы уверены, что мы с вами здесь одни?! — спросила она, глядя ему в глаза.

Стамате вздрогнул. Но тут же решился. Обнял ее и стал целовать. Лиза без труда высвободилась из его объятий.

— Нет-нет, только не это, — сказала она, убегая.

— Но вы же проиграли. Мы играем в фанты...

Лиза бежала по лесу. Она уже не боялась, чувствуя, зная, что следом за ней бежит Стамате.

От ощущения свободы возрастала радость побега.

— Я могу споткнуться и упасть, и виной всему будете вы, — пожаловалась она, чувствуя за спиной дыхание мужчины.

Стамате поймал ее в объятия, на этот раз он ее не выпустит. Но Лиза и не вырывалась.

— Разве мы не играем в фанты? — прошептал Стамате.

Он хотел поцеловать ее. Лиза отстранилась, смеясь. Но, отстраняясь, она ждала продолжения дерзких попыток.

— А если нас кто-нибудь увидит? — шепнула она таинственно.

— Подойдет близко-близко и совсем бесшумно, — прошептал он в ответ почти в самое ухо, касаясь губами волос.

В Лизе просыпалось волнение, она чувствовала, как бьется у него сердце, позволяла обнимать себя.

— Кто здесь? — услышали они голос Владимира.

И замерли, не ответив. Лизе очень хотелось рассмеяться, но она сдержалась, уткнувшись лицом в грудь Стамате.

— Ш-ш-ш... — почти в самое ухо шептал Стамате. — Мы сыграем с ним шутку.

— Кто, кто здесь? — опять и опять с беспокойством спрашивал Владимир.

Ему чудились приглушенные голоса, смех, шорох, замороженный его слух различал волнуемую любовную тайну, возбуждающую, чувственную. По всему его телу растекалась неведомая теплота и томление, похожее на дурманящий хмель. Рядом, возможно всего в нескольких шагах, за вот этими высокими задумчивыми деревьями происходит что-то неведомое, немислимое. Но кто там может быть?.. Владимир шагнул вперед. Но заметил в другой стороне тень, которая махала ему обеими руками. И он направился к ней, осторожно, боясь наступить на ломкий сухой сучок.

— Ты кого-нибудь еще видел? — спросила доamna Соломон, беря его под руку.

По горячечному теплу ее ладони Владимир понял: с женой дядюшки Соломона что-то стряслось. Она дрожала, глаза ее лихорадочно блестели, голос звучал еще более хрипло, чем обычно.

— Ты представить себе не можешь, как мне было страшно, пока я тебя не встретила, — пожаловалась она, приныкая к нему всем телом. — Я была одна, я заблудилась...

Мало-помалу дрожь завладела и Владимиром.

— Как же ты могла заблудиться? — спросил он для того, чтобы что-то сказать, а не для того, чтобы получить ответ.

Молчание несказанно пугало его, молчание, в котором слышался лишь торопливый стук сердца да горячее дыхание тетюшки.

— Мне казалось, что кто-то идет за мной по пятам, — сказала доamna Соломон. — Тебе не страшно?

— Нисколько, — спокойно ответил Владимир. — Только я ничего не понял в нашей игре. И даже представить себе не могу, сколько прошло минут с тех пор, как углубился в лес.

Он повернулся к доамне Соломон, встретил ее блестящие глаза и покраснел.

— А не пойти ли нам посмотреть, который теперь час? — спросил он наудачу, только бы скрыть волнение.

— Мне боязно, — прошептала доamna Соломон. — Лучше пойдем куда глаза глядят и захватим кого-нибудь в разгар любовного преступления, сыграем с кем-нибудь шутку...

Тетушка все крепче сжимала его руку.

— Лиза! — послышался голос Стере. Доamna Соломон рассмеялась.

— Каждый ищет свою жену, — сказала она с важностью. — Может, в этом и состоит игра.

Лиза, услышав шаги, попыталась высвободиться из объятий Стамате.

— Пусти меня, — шепнула она.

Доamna Соломон внезапно остановилась, словно бы ощутив колдовство тех же чар, которые взбудоражили и Владимира.

— Здесь кто-то есть, — сказала она тихонько. — Сейчас мы узнаем...

И они стали потихоньку подкрадываться к дереву. Лиза опередила их, выйдя им навстречу.

— Не иначе как фавн поселился в этом лесу! — воскликнула она, стараясь казаться безмятежно спокойной.

— И будем надеяться, что только один, — подхватила доamna Соломон.

Она было вновь собралась опереться на руку Владимира, но он застыл неподвижно, вперив глаза в темноту, из которой появилась Лиза. Кто же там был? И что там могло произойти, в густой кромешной тьме, под ее черным кровом?.. Он стыдился своих мыслей и злился на свое тело, скованное робостью. Ему хотелось бежать отсюда. Лес теперь сделался словно бы живым человеческим существом, теплым, телесным. И словно бы наплывал со всех сторон туманящий хмель женской наготы, и словно бы под каждым деревом учащенно дышали обнявшиеся пары.

— А у тебя что стряслось, Владимир? — спрашивала тем временем Лиза. — Это ты только что кричал, да? — задала она с улыбкой новый вопрос.

— Будто сама не знаешь? — ответил он, чувствуя себя униженным и мрачнее. — Можно подумать, что до сегодняшнего дня ты не слышала, как я кричу...

Доamna Соломон рассмеялась и пододвинулась поближе к Лизе.

— Оставь мальчика в покое, не смей мне его огорчать, — сказала она покровительственно.

Владимир сам себе был мерзок. Надо заговорить о чем-то другом, куда-нибудь спрятаться, скрыться.

— Интересно, а где все остальные? — спросил он и, высвободившись из настойчивых рук доамны Соломон, сложил ладони у рта и громко гикнул.

Оглушительно-раскатистое «Эй» разом освободило его, самолюбивая его рана затянулась, как только ему показалось, будто весь лес встрепенулся и отозвался на его крик.

— Вла-а-ад! — радостно отозвался девичий голос. — Где ты там прячешься?
— Давайте устроим ей сюрприз! — предложила Лиза.
— От нашего сюрприза ей станет страшно, а нам смешно, — согласился Владимир.

В прогалине появилась боязливо ступающая тень.

— Никаких сюрпризов! — закричала Ри-ри. — Я вижу, где вы.

Но шла она все-таки с большой опаской... Из-за каждого дерева кто-то мог неожиданно выскочить, прыгнуть, схватить, напугать...

— Сейчас я вас посмешу, — прибавила она, подходя. — Только не надо устраивать мне сюрпризов...

Она остановилась и переждала несколько мгновений, преодолевая дрожь.

Из темноты ей навстречу шел Владимир.

— А где ты была? — задал он вопрос, отвлекая ее и успокаивая.

— Пошла посмотреть, который час, и заблудилась. А кто там еще? — быстро спросила Рири, вглядываясь в темноту.

— Лиза и Аглая, — прежним успокаивающим тоном ответил Владимир. — Ты кого-нибудь еще видела?

Рири рассмеялась:

— Я пошла посмотреть время, а там, знаешь, Стере и Жорж развалились на травке...

Из-за деревьев появилась заинтересованная Лиза.

— Кто-нибудь видел Андроника? — спросила она.

— Нет, я не видела... Может, он нам еще что-нибудь готовит... А у меня тоже сюрприз, — прибавила Рири уже куда громче. — Дорина и капитан гуляют ну точь-в-точь влюбленная парочка...

Заинтересовавшись, подошла поближе и до-амна Соломон.

— Ты их видела? Точно капитан? Или Андроник? — спросила Лиза.

Рири покачала головой. Нет, нет, конечно, капитан Мануилэ шел с Дориной рядышком, и они потихоньку между собой переговаривались, а Дорина все вверх смотрела, словно из лесной чащи хотела выбраться на простор и на свободе любоваться небесным сводом.

— Они вдвоем шли? — опять спросила Лиза. — Андроника не было неподалеку?

Рири вновь покачала головой: никого, ни души не было. И сама удивилась, до чего горячо отрицает присутствие Андроника, как будто защищает его от незаслуженного обвинения, и вспыхнула.

— Интересно, о чем могут говорить влюбленные? — улыбнулся и словно бы удивился Владимир. — Надо будет сказать Жоржу, он обрадуется...

Капитан Мануилэ столкнулся с Дориной случайно, он не искал ее. В путь он отправился последним, постоял, подумал и пошел напрямик по просеке. Шел углубившись в собственные мысли, чувствуя все отчетливей и отчетливей отвращение к себе: какое гадкое, постыдное малодушие, с чего ему, человеку зрелому, взрослому, слушаться какого-то мальчишку?!.. Наваждение, да и только!.. Многое казалось ему странным в этом Андронике. Странным и неприятным. Но неприятнее всего было то, что его шумное, беспокойное вторжение, его нелепые детские затеи (мальчик, без сомнения, привык делить все свое время между спортом и женщинами) нарушили некий лад, не дав возможности насладиться ночным таинственным лесом. Огромный дремотный лес больше не занимал Мануилэ. Как не занимал его и просторный городской парк, где кричат увлеченные игрой подростки и дети... Затейная Андроником беготня лишила лес всякой таинственности, и сень листвы, так казалось теперь капитану, могла прятать теперь только целующуюся парочку или храпящего сновидца.

Он уже подумывал, не повернуть ли ему назад, как вдруг совсем рядом с собой заметил Дорину. Он узнал ее расшитую блузку и белые беспокойные руки.

— Это вы, господин капитан? — окликнула его девушка.

— По нечаянности, я, — отвечивал капитан. — А вы кого ждете?

Дорина словно бы и впрямь затаилась в засаде. С пенька, который она себе облюбовала, можно было, оставаясь невидимой, наблюдать за множеством разбегающихся между деревьями тропок. Но на вопрос капитана Дорина ответила однозначно и даже с негодованием. Мануилэ все понял, и кровь бросилась ему в лицо. Андроник всерьез раздражал его. И раздражал все больше. Уязвленное самолюбие заставляло презирать и глупую девчонку, которая вообразила, будто легче легкого вскружить голову первому встречному.

— Я не понял, в чем все-таки смысл игры, — говорил между тем Мануилэ, наблюдая замешательство Дорины. — Мне думается, Андроник вознамерился что-то стянуть и исчезнуть... Но замечательно то, что все без исключения служат его прихотям, — поторопился он добавить, заметив, что Дорина приготвилась возражать.

— Не думаю, чтобы домнул Андроник был всего-навсего заурядным мошенником, — сказала Дорина, овладев собой.

Капитан рассмеялся и, шагнув, оказался близко-близко от девушки. Ему вдруг почудилось, что перед ним — нет, не невеста, не благодетельная барышня, которая требует безоглядного почитания, а одна из тех веселых девиц, которые роем мелькали в его холостой жизни. Он взял ее за руку и легонько потянул к себе.

— Забудь о нем, голубка, он не достоин того, чтобы его защищала такая славная барышня...

Дорина застыла в изумлении от столь внезапной перемены. Кто он такой и что себе позволяет, да еще так фамильярно?

Но звать на помощь она не стала. В общем, капитан не сказал никакой грубости, и жест его был вовсе не так уж дерзок, только слишком уж неожидан...

— Пойдемте лучше пройдемся, — предложил капитан Мануилэ.

Дорина колебалась, но капитан тихонько тянул ее за собой.

— Вы ведете себя несколько странно, — отважилась сказать ему Дорина.

— Вообразите, будто отыгрываете фант, барышня, — засмеялся Мануилэ. — Разве сердится кто-нибудь на фанты? Да и кавалер сплошь и рядом попадает не тот, который по нраву...

Прямота его вынудила Дорину к извинению:

— Ничего подобного я не говорила. Но должна признаться, ваш голос напугал меня.

— Может быть, виной тому эхо... Но подумайте, может ли что-то случиться с нами в этом лесу? — помолчав, спросил капитан, оглядывая все, что только мог оглядеть.

Дорина подняла глаза к небу. И впрямь, оно было так спокойно, так незыблемо-надежно...

— Мы как будто в Цишмиджиу, — добавил Мануилэ.

— Нет, скорее в Синае, в парке возле монастыря, — уточнила с улыбкой Дорина.

— И это обидно, ведь правда? Особенно если предвкушал в лесу жутковатую встречу со сказкой, чертями и вурдалаками.

— Не продолжайте, прошу вас! Мне сразу становится страшно! — воскликнула Дорина, загоразиваясь руками.

— Не бойтесь. Я тоже на что-нибудь да гожусь. Но что бы мы ни говорили, нам было бы куда лучше без этого взбалмошного юнца.

Дорина насупилась. Мануилэ раздражал ее настойчивым повторением одного и того же. «Кто знает, что про меня думает этот мужлан?..» Дорина и впрямь понадеялась в какую-то минуту, что идет Андроник. Забавно было бы повстречаться с ним

наедине. И возможно, кто знает... Она и теперь оборачивалась. Ей казалось, что кто-то идет за ними, но никого позади не было. Все остальные были далеко-далеко.

— А что, вы думаете, делают остальные? — осведомилась Дорина, только бы переменить тему.

— Как и мы с вами, беседуют о любви, — с нарочитой грубостью ответил капитан.

Дорина тревожно вздрогнула. А что, если он сейчас предложит ей руку и сердце? Было бы только смешно... Но все же вполне возможно, что в один прекрасный день именно этот человек... Ах, если бы он был дурачком вроде Стере, которого просто-напросто можно было бы презирать...

— Мне хотелось бы порассуждать с вами как раз насчет этой материи, — вновь заговорил капитан. — И совершенно серьезно... А чем заняты остальные, я, честное слово, не знаю, но вас я бы хотел спросить по-дружески, разумеется, если вы мне позволите...

— Ну разумеется, — поспешила уверить его успокоенная Дорина.

— Я хотел бы узнать ваше мнение вот по какому вопросу: штука, которую именуют любовью, что она, по-вашему, — случайность, внезапный пожар или итог долгих лет дружеского расположения и взаимопонимания?.. Ваше, именно ваше собственное мнение мне чрезвычайно интересно.

— Видите ли, я пока еще не имела дела ни с каким видом собственности, — пошутила Дорина. — Но конечно, какое-то мнение есть и у меня... Конечно, я думала о любви, и скорее как о чем-то идеальном, поскольку еще ничего не знаю о ней...

Она говорила много, охотно, с жаром. И вдруг поняла, что сама не знает, что говорит, говорит будто в беспамятстве, думая совсем о другом, тревожно завороченная мерцанием беспокойных глаз... И она замолчала и стала глядеть вверх, на небо, ища покоя.

«Она думает о другом», — уязвленно понял Мануилэ. И он с такой остротой ощутил присутствие того, другого, что душная волна ревности перехватила ему дыхание и заставила покраснеть.

— Я понимаю, понимаю, — сказал он, овладевая собой.

— Разве не так? Но это так трудно высказать, — извинилась Дорина.

Они по-прежнему шли рядом. «О нем, она думает только о нем», — чувствовал капитан.

— Интересно, а который теперь час? — вдруг спросила Дорина, словно вспомнила о необыкновенно важном деле. — Не пора ли нам возвращаться?

7

Шел десятый час, и терпению семейства Замфиреску приходил конец. Все втроем они сидели во дворе на лавочке и смотрели на келарскую.

— И не сомневайтесь, все так и есть, как я вам сказала, — говорила доamna Замфиреску. — Они спят и видят, как бы сбыть Дорину с рук...

Барышня Замфиреску, сочтя унижительным оборот, который приняла их беседа, поднялась со скамейки и отправилась к озеру.

— Пойду посмотрю, не возвращаются ли, — сказала она.

— И я думаю, что не ошибаюсь, предполагая, кто уладит дело, — продолжала госпожа Замфиреску. — Слаживалось все тишком, еще в Бухаресте, так чтобы мы ни о чем и знать не знали... Можно подумать, что боялись, будто мы у них женишка украдем...

Она засмеялась, хотя было ей не до смеха, она нервничала. Хоть бы Лиза побыстрей возвращалась, у Лизы она что-нибудь бы выведала...

— Ты, наверно, тоже проголодалась? — спросил домнул Замфиреску. — Может, не будем больше ждать и поужинаем?

Наконец-то доамна Замфиреску могла дать выход своему раздражению:

— Да мы обедать кончили в четыре часа! И уж ты-то, слава Богу, накушался!..

Домнул Замфиреску мигом повернулся к своей супруге, готовясь дать ей резкий отпор. Но тут к ним, размахивая руками, подбежала барышня.

— Идут! — крикнула она весело. — У озера уже голоса слышны... Какая приятная у них компания!..

Теперь она уже жалела, что не пошла с ними в лес. Может, они играли в какие-нибудь игры или хором пели. Раз так долго не возвращались...

— Хорошо, что идут, — оживился домнул Замфиреску. — Будем надеяться, что не все разом усядутся за карты...

Разобиженная доамна Замфиреску поднялась со скамейки и подошла к дочери.

— Не стоит говорить, что мы их ждали и не ужинали, — зашептала она. — Пусть не думают, что мы тут без них с тоски умирали... Посмотрим, пригласят ли нас вообще...

Голоса раздавались совершенно отчетливо, но никого не было видно; наверно, шли очень медленно. То и дело слышался смех. Доамна Замфиреску тоже заготовила улыбку. Опять усевшись на скамейку, она оживленно заговорила, стараясь расшевелить свою маленькую компанию. «Пусть не думают, что мы тут без них скучали и ждали их как манны небесной...»

— ...А когда взойдет луна, Хорике? — нежно спросила она домнула Замфиреску.

— К полуночи, — ответил супруг, глядя на небо.

— ...Уж кто-кто, а я не грешил, — услышался голос Стере, — мы с Жоржем сидели тихо на месте, а не гоняли, как вы все, по лесу...

— Ну и что? Скажете, плохо было? — смеясь, спросил Андроник.

Смеялся он так, что сердиться на него было невозможно. Искренне и заразительно смеялась сама горделивая, мужественная юность. Барышня Замфиреску уже радостно улыбалась, хотя компания только-только приближалась к воротам.

— Грешнее всех я, — прибавил Андроник. — Я так и не осуществил задуманного...

— А может быть, вы нам скажете, что вы такое задумали, — попросила Лиза.

— Нет, не могу, — извиняющимся тоном ответил Андроник, — потому что еще не отказался от задуманного... Вся беда в том, что я немного заплутался и не успел. А то, глядишь, вы и теперь бегали бы по лесу...

— Но я же умру от любопытства! — воскликнула Лиза.

— Не стоит, сударыня, — заверил ее Андроник. — Игра продолжается и без нашего ведома...

Семейства встретились, и доамна Соломон принялась рассказывать Замфиреску лесные приключения.

— Потрясающе! — восклицала она. — Какая тишина! Какой воздух!..

— А я, что я говорила вам! — вставила в разговор свое слово барышня Замфиреску.

Говорили все разом, наперебой. Оттаял даже Стамате и время от времени позволял себе пошутить: поцелуй Лизы прибавил ему уверенности в себе.

— Как только выйдет луна, мы тут же отправляемся в лес, так и знайте, — заявил он.

— Только не я, — отказался Стере. — Молодежь — дело другое.

Доамна Замфиреску радостно захохотала. На кого, на кого, а на Стере можно положиться, и еще, наверное, можно рассчитывать на Соломона.

Поужинают и сядут играть где-нибудь в отдельной комнатке у отца келаря.

— Кто у нас занимается ужином? — спросил домнул Соломон. — Корзины из автомобиля принесли?

Рири, Лиза, доамна Соломон собирались идти накрывать на стол.

Барышня Замфиреску в первую секунду тоже открыла было рот, чтобы предложить свои услуги, но тут увидела, что Дорина по-прежнему сидит на скамейке. Значит, и ей можно остаться. Здесь столько молодых людей — болтовня, смех, шутки, — здесь лучше...

— Кто со мной в погреб за вином? — вновь спросил домнул Соломон.

Почти все мужчины захотели осмотреть монастырские подвалы. Особенно нетерпеливо хотели осмотреть их Андроник и Владимир.

— Только имейте в виду, что вино придется нести в ведрах, — посетовал домнул Соломон, польщенный вниманием, которым встречалось каждое его предложение.

— В ведрах и корчагах, — уточнил домнул Замфиреску. — И позаботьтесь, чтобы продали вам темно-рубинового, потрясающее вино... Хорош и мускат, но слишком скоро ударяет в голову.

— Больно крепок, — вмешалась доамна Замфиреску. — Хорике, а мы какое вино привезли?

— Да тоже вроде неплохое.

— Нет-нет, мешать не будем, — отказался Стере. — И не забудьте попросить брынзы. Брынза здесь — пальчики оближешь!

Веселой гурьбой собрались на поиски отца ключаря. Заслышав шум во дворе, черными тенями из келий выскользнули монахи, но отца ключаря среди них не было: домнул Соломон, будучи знакомым с ним лично, удостоверил это. Отец ключарь — высокий, сухопарый, костистый, с редкой бородкой, «будто траченной молью, и вдобавок гундосит». И домнул Соломон заговорил в нос, подражая отцу ключарю.

Стамате и капитан Мануилэ рассмеялись.

— А Андроник куда подевался? — спросил вдруг домнул Соломон, обнаружив, что молодой человек исчез.

— Пошел, видно, приятелей отыскивать, — сказал Владимир.

— Неужто ты поверил его рассказам о приятелях? — ироническим шепотом осведомился капитан.

— Ш-ш-ш! Он же может слышать, — прервал его Стамате. — Нехорошо сплетничать за спиной...

— Именно, именно, — поддержал домнул Соломон. — Мне кажется, он хороший мальчик из хорошей семьи, жаль только, что слишком взбалмошный и беспокойный, — прибавил он, желая всем потрафить.

Наконец отыскали ключаря и попросили налить двадцать литров темно-рубинового. Монах взял две объемистые корчаги, ведро и повел их, показывая дорогу.

— Как-то управитесь?.. — пробурчал он, не глядя на гостей.

Перед дверью, окованной железными полосами, монах остановился, нашарил ключ и аккуратно, не торопясь, отомкнул замок. Потом зажег свечку, переложил ведро в левую руку, взял свечку правой, отдав перед тем корчаги Владимиру.

— Не оступитесь, ступеньки у нас поистерлись, — предупредил он.

Шли в темноте осторожно и не без странного волнения. Подвалы были глубокие, и чем глубже, тем обширнее. Владимир воодушевился, его восхищало все: холод и сырость, таинственность старинных сводов, игра теней от мигающей свечки.

— Кто знает, что здесь происходило, — проговорил он зачарованно.

— И я об этом подумал, — отозвался капитан. — Будто давит здесь на тебя что-то... А стоят всего-навсего бочки с монастырским вином.

Стамате с удивлением оглядывал стены подвала.

— Дай нам, пожалуйста, и брынзы тоже, — говорил домнул Соломон.

Монах выпустил вино из бочки, и оно с шипением хлынуло в корчагу, распространяя густое терпкое благоухание. Владимир как замороженный глядел на рубиновый водоворот в глиняном горшке. Ударив в ведро, вино брызнуло в разные стороны.

— Из здешних вин самое лучшее, — сообщил Андроник.

Вздрогнув от неожиданности, все обернулись.

— Откуда ты взялся, голубчик, мы и шороха не слышали? — весело спросил домнул Соломон.

Андроник махнул рукой на проход между бочками.

— Вот отсюда, — объяснил он спокойно. — Во дворе я вас потерял и отправился прямо в подвал. Не первый раз сюда спускаюсь, — прибавил он с улыбкой. — Сколько ведер вина здешнего выпил...

Монах поднял глаза, вглядываясь в лицо говорившего. Неверный свет свечи выхватывал из темноты бледные, с глубокими тенями лица.

— Узнали, отче? — спросил Андроник, приглаживая рукой волосы.

— Много гостей принимает монастырь, — ответил монах, опуская глаза, — трудно припомнить.

— Но уж меня-то вы знаете, — медленно выговорил Андроник, словно бы говорил для одного только монаха. И быстро обернулся к остальным, обводя руками своды: — Эти стены я знаю, словно жил в них с первого дня... Иной раз мне даже чудится, будто я сон смотрю, так много всякого вспоминается. Кто мне это рассказал, кто помог увидеть?.. Я словно бы родился с этим монастырем...

Домнул Соломон рассмеялся. Он держал в руках одну из корчаг и с удовольствием ее взвешивал.

— Говоришь как по писаному, — сказал он Андронику. — Как в той сказке, где людям привиделось, словно они уже жили когда-то, словно успели уже прожить другую жизнь...

— Нет, — с подкупающей простотой ответил Андроник, — мне не кажется, что я уже жил когда-то и успел прожить другую жизнь. Мне кажется, что я так и жил здесь все время, с того самого дня, как построили монастырь...

— Тому уже больше сотни лет будет, — сказал монах без особого удивления.

— И много больше, твое преподобие, — с улыбкой добавил Андроник.

Владимир не без робости взглянул на призрачное в неверном свете лицо Андроника. Может, подвальный сырой холод, может, хмельной запах пролитого вина, а может, шевелящиеся на стенах тени поуняли его восторженность. Ему подумалось, что Андроник над ними издевается, рассказывает сказки, морочит всем головы. Лицо Андроника показалось ему сумрачным, но как-то по-особенному блестели у него глаза, когда он смотрел то на одного, то на другого, словно готов был тут же рассмеяться. «Неужели никто не замечает, что Андроник над нами издевается или просто-напросто рассказывает свои сны, хлебнув неведомо где винца?»

— После честной расплаты, бояре, отправляемся восвояси, — провозгласил домнул Соломон, отсчитывая банкноты.

И капитан Мануилэ, как другие, тоже словно бы онемел, затерявшись в потемках. Очнулся он, услышав Андроника, который опять заговорил, обводя рукою стены.

— Думаю, теперь никто и знать не знает, — говорил Андроник, — что на этом самом месте умерла дочь Морущи, настоящая его дочь, хоть и незаконная, а не та, которую он удочерил при втором своем браке...

Монах поднял удивленные глаза и мелко торопливо перекрестился. Андроник притворился, что ничего не заметил, и продолжал, пристально глядя на Мануилэ:

— Я и сам не смог бы сказать, откуда знаю об этом, но так все оно и было. В этих самых стенах умерла бедняжка Аргира, красавица, на меду замешенная, как говорили о ней в насмешку...

— А отчего она умерла? — спросил Владимир вполголоса.

— Привезли ее сюда силком, старик отец ничего не знал... Говорили, что не знал ничего и настоятель... В те времена женщин в мужские монастыри не допускали. Привезли ночью, и вскоре она скончалась, а отчего и как, неизвестно. От нее хотели избавиться, потому что в тот год ожидалась вторая женитьба старика и у него должна была быть другая дочка... На третью ночь умерла Аргира... Вот здесь, на этом самом месте... — Андроник оглянулся и обвел руками круг. — Вы хоть иногда молитесь за нее, отче? — неожиданно резко спросил он монаха.

Ключарь отрицательно покачал головой. Он в первый раз слышал эту историю, и она показалась ему языческой, неправдоподобной. Боярская дочь, умершая в подвалах монастыря, — нет, в такое он не верил.

— Пойдемте, а то что-то зябко, — сказал дом-нул Соломон.

Тронулись. Зябко было всем и от подвального холода, и от жутковатой истории, нежданно-негаданно рассказанной Андроником.

— С чего ты вдруг решил стращать нас этой девицей? — спросил Андроника дом-нул Соломон, как только они поднялись наверх.

Андроник рассмеялся.

— Я так шучу иногда, если придет в голову озадачить милых, приятных людей, — сказал он каким-то не своим голосом. — А ведь правда чрезвычайно грустная история.

Ночь показалась теплой после подвального холода. И виден был немалый кусок неба между кельями и деревьями. Двор, казалось, был слегка подсвечен где-то неподалеку спрятанным светом.

— Красота какая! — воскликнул домнул Соломон, глядя вверх и изумляясь обилию звезд. Он стоял посреди двора, прижимая к себе корчагу с вином. Андроник, воспользовавшись его неподвижностью, подошел и шепнул ему так, чтобы не слышали остальные:

— Очень прошу, не рассказывайте дамам мою историю... У них испортится настроение...

Домнул Соломон хитро подмигнул ему. Но, приглядевшись к Андронику, потерял всякое желание шутить. Глаза Андроника отливали металлическим блеском, мрачные, угрожающие.

— Черт, да и только! — воскликнул с усилием домнул Соломон. И действительно почувствовал себя бессильным и слабым перед этим неоперившимся юнцом. Вспомнил, сколько все они натворили глупостей. А что, если Андроник один из тех проходимцев, которые напускают на добрых людей сонную одурь, подсыпав в вино порошочек, а потом их грабят?..

Домнул Соломон тронулся было с места, томясь неопределенным сомнением.

— Выпить не хочешь? — спросил он, опять останавливаясь. — А то попей из корчаги.

Андроник в свой черед хитро подмигнул и, взяв из рук домнула Соломона корчагу, бережно поднес ее к губам. Он пил с наслаждением, жадностью, пил залпом, не отрываясь, как будто во сне. Домнул Соломон глазам своим не верил. Но питье Андроника, такое понятное, мужское, его успокаивало. Он легонько тронул Андроника за плечо:

— Будет, голубчик, оставь хоть капельку и всем остальным...

— Всем непременно! — ответил Андроник с тайной иронией и поднял голову от корчаги.

И они прибавили шагу, торопясь догнать всех остальных.

8

Ужин подходил к концу. Близилась полночь. Молодежи уже не терпелось подняться из-за стола и отправиться в комнату по соседству — поговорить, затеять какую-нибудь игру, может, даже потанцевать. Доамна Соломон обронила мельком, что позаботилась и прихватила с собой патефон Владимира. Можно носовым платком заткнуть усилитель, и снаружи ничего не будет слышно. «Впрочем, — добавила она, — в такой поздний час все монахи давно спят».

На первый взгляд убранство стола было крайне скудно: маленькие тарелки, бумажные салфетки, разной величины стаканы. Но благодаря стараниям доамны Соломон и доамны Замфиреску тарелки украсились холодным жарким, колбасами, сардинами, сыром, брынзой, фруктами. Дамы отвели именно эту комнату под столовую не без умысла, предназначив для игр и танцев другие, куда более просторные и чистые. Они не сомневались, что буфет с холодными закусками, как назвала их стол доамна Замфиреску, надолго никого не задержит, и поэтому решили не занимать тарелками и стаканами другие комнаты. В одной из них дамы намеревались позже устроить себе спальню и сложили в ней свои дорожные мешочки, тальмы, свертки. Постели они поставят все рядом и расположатся, таким образом, с наибольшим удобством. Доамна Соломон объявила, что и она остается, хотя с самого начала жаловалась на обилие комаров.

Владимир, подавая пример остальным, поднялся из-за стола первым. Он немало выпил за ужином и чувствовал теперь кипение отваги и избыток воодушевления. И доамна Соломон, и барышня Замфиреску, между которыми он сидел, обе за ним ухаживали и каждая хотела шепнуть на ушко секрет, почти прижимаясь грудью к его плечу. Словом, ужин послужил ко всеобщему раскрепощению. Монастырское вино хорошенько всех разогрело, всех, даже не слишком склонное к чувствительности семейство Замфиреску.

— Пойдемте посмотрим, не показалась ли луна, — сказал Владимир, поднимаясь со скамьи и предлагая руку барышне Замфиреску.

— А что, если пойти на озеро? — предложил кто-то.

Заскрипели отодвигаемые от стола скамейки, слышались слова благодарности заботливым хозяйкам, ответы тонули во взрывах смеха и шуме голосов. Все расположились в средней, самой большой комнате. Домнул Соломон, загибая пальцы, считал желающих выпить кофейку, как вдруг заметил взгляд бледного как смерть Андроника, направленный на входную дверь. С тех пор как все поднялись из-за стола, Андроник не проронил ни слова. Он, казалось, чем-то чрезвычайно озабочен, взвинчен и что-то беспрестанно ищет, то и дело оглядываясь по сторонам.

— Неважно себя чувствуешь? — осведомился домнул Соломон.

Обеспокоенные Лиза и Рири тотчас же подошли к Андронику.

Вопрос домнула Соломона показался им необыкновенно удачным предложением, позволяющим оказать внимание удивительно обаятельному молодому человеку, который так блистательно импровизировал за ужином.

— А не выпить ли вам чашечку кофе? — спросила Лиза, счастливая, что может опять его взять под свою опеку.

За столом он сидел рядом с нею. И она даже начала на что-то смутно надеяться, хотя

Андроник не позволил себе ни малейшего неподобающе фамильярного жеста.

— Нет-нет, я прекрасно себя чувствую, — холодно улыбнулся Андроник. — Я взволнован совершенно по другой причине. Но если назвать ее, вы поднимете меня на смех...

— Клянусь вам!.. — горячо произнесла Лиза.

Андроник вежливо прервал ее, подняв руку.

— Не будем преувеличивать, пустяки, — сказал он. — Речь идет о сущей безделице... Но эта безделица может сильно огорчить кое-кого из присутствующих...

— Что случилось? — заинтересовалась доам-на Замфиреску, подходя вместе с доамной Соломон и Владимиром.

— Пока еще ничего, — ответил Андроник. — Но случится, и очень скоро... Можно несколько секунд помолчать? — спросил он.

Стере в столовой громко разглагольствовал перед домнулом Замфиреску и капитаном Мануилэ. У дверей шумела другая компания: Стамате и прочая молодежь.

— Что? Что такое? — обеспокоился чей-то голос.

Мало-помалу все сгрудились тесным кружком вокруг Андроника. Стало тихо.

— Будет лучше сказать вам все как есть, — громким шепотом произнес Андроник. — Тут совсем рядом змей...

Женщины все как одна вскрикнули.

— Стоит ли пугать милых дам подобными шутками? — не без раздражения спросил капитан Мануилэ.

— Я совсем не хотел их пугать, — ответил Андроник. — Но змей действительно есть, и он действительно совсем рядом...

Женщины снова испуганно заохали, кто-то нервно и коротко рассмеялся. Андроник продолжал, словно бы ничего не замечая:

— Он приползет к нам после нашей прогулки, а может, и еще позже, когда мы все уже ляжем спать...

— Господи спаси!.. — воскликнула, крестясь, доамна Замфиреску.

Андроник, нахмурившись, смотрел в пол.

— Вот я вас и спрашиваю, — продолжил он, помолчав, — не лучше ли было бы принять его прямо сейчас?

Все молчали, словно бы онемев от неожиданного предложения. Что это — очередная шутка? Или эксцентричный юноша затевает с ними новую игру?

— Что вы имеете в виду, говоря «принять»? — спросил после долгого молчания капитан, пытаясь улыбнуться.

— Займусь этим я сам, — проговорил Андроник. — Но действовать нужно быстро...

Всем сделалось жутковато и вместе с тем необыкновенно интересно.

— Перво-наперво должно быть тихо-претихо, — распорядился Андроник. — И пусть все построятся вдоль стен... Вот так...

Он подошел к домнулу Соломону и легонько подтолкнул его к двери, словно направляя к предназначенному тому месту, у самой стены. Домнул Соломон, нимало не сопротивляясь, направился туда, куда ему указали. Едва почувствовав на своем плече руку Андроника, он ощутил что-то вроде толчка, и горячая волна крови дотронулась до его сердца. Добравшись до места, он застыл без сил, не умея даже улыбнуться, напряженно сосредоточенный на ожидании.

— Прижмитесь как можно теснее к стенам, — раздалась новая твердая и громкая команда Андроника. — Как можно теснее к стенам. Не двигайтесь. Случиться может

все, — подчеркнул он, переводя взгляд с одного на другого. — Ничего серьезного ни с кем из вас не произойдет... Но если вы будете вздрагивать и вскрикивать, вы спутаете мне все карты и мне придется туго...

Недоуменно глядя встревоженно блестящими глазами, гости рассаживались вдоль стен, как можно теснее прижимаясь к ним. По-прежнему скептически улыбаясь один капитан Мануилэ.

— Не иначе, нас готовят к сеансу фокусника, — произнес он довольно громко.

— Без фокусов не обошлось, — ответил ему, ничуть не сердясь, Андроник. — Но будет лучше, если у нас хватит времени...

— Господи, но откуда, в конце концов, этот змей?! — взорвался капитан. — Если известно, где он, то почему бы не отправиться туда и его не убить, покончив с ним одним махом?!

— Он уже здесь? — испуганно спросила Лиза.

— Где он сейчас, я не знаю, — насупившись, ответил Андроник. — И если вы хотите... — Он засунул руки в карманы и по очереди оглядел всех. — Я не могу насильно навязывать благо, — сказал он и улыбнулся.

— А для чего нам нужно сидеть вдоль стен и не двигаться? — спросил Стамате, желая показать всем, что нисколько не напуган.

— Чтобы змей не испугался, — объяснил Андроник. — Я позову его, и он тихонечко приползет...

— Позовешь его сюда, к нам в дом? — воскликнула доamna Соломон.

— Может, ты и заклинания знаешь? — насмешливо осведомился капитан. — Или просто будешь водить нас за нос, как водил в лесу?

Но женщины все до одной непременно хотели посмотреть, что станет делать Андроник. Пусть фокус, пусть шутка, зато будет что-то необыкновенное, интересное, да уже и сейчас необыкновенно интересно...

— А долго нам так сидеть и не шевелиться? — спросил Стере.

И словно бы разрушил чары первого приказа Андроника. Все зашевелились, заговорили, правда не отваживаясь пока отодвинуться от стены. Время от времени все поглядывали себе под ноги, как будто опасались нежданно-негаданно увидеть перед собой на полу змею.

Андроник нервничал, снова засунул руки в карманы. И опять попытался добиться полного послушания.

— Сейчас нет времени рассказывать, как я буду его вызывать и откуда этому научился... Все расскажу потом. Но я же говорил, что вы поднимете меня на смех, — добавил он раздраженно.

— Разве мы смеемся? — едва ли не со смехом запротестовала Лиза.

Она посмотрела в угол, где сидел домнул Соломон, и странная тревога закралась ей в душу. Ей показалось, что домнул Соломон не слышит ни единого звука из того, что творится вокруг него. Он сидел, сидел неподвижно в той самой позе, как велел сидеть Андроник. Лиза постаралась поймать взгляд доамны Соломон. Та не тревожилась. «Может, я все придумываю?» — подумала Лиза, успокаиваясь.

Андроник взглянул на часы.

— Если вы не утихомиритесь через минуту, — проговорил он, — мне придется извиниться перед вами, что я напрасно вас обеспокоил, и отправиться восвояси... Вот все, что мне хотелось вам сообщить...

Тон Андроника всех несколько обескуражил. Уж слишком серьезно он это высказал... На секунду все застыли в недоумении: то ли успокоить его, пообещав вслух тишину, то ли ничего уж не говорить вовсе, молча обменявшись друг с другом знаками.

— Вот и хорошо, — прошептал Андроник. — Прошу, так вот и посидите...

Он снова нахмурился и, казалось, побледнел. Сделал шаг, приостановился, потом решительно направился в глубину комнаты и задул лампу. Фитиль другой лампы он привернул.

— Слишком светло, — прошептал он. — Только бы не напугать...

Вернулся к входной двери и широко ее распахнул. Прodelывал он все это ни на кого не глядя; казалось, в комнате он один и готовится к встрече с кем-то... Остальные сидели затаив дыхание и потом шумно вздыхали, с трудом переводя его.

— Еще раз прошу вас, не шевелитесь. Все может случиться... Для вашего же блага...

Он говорил как будто для находившихся где-то неведомо где, не поднимая ни на кого глаз. Большими шагами ходил он по комнате и словно бы был недоволен тем, как расставлены в комнате стулья. На ходу он взял один стул и отнес в столовую. Вернулся, остановился почти на середине комнаты, потер себе лоб, по-прежнему не поднимая глаз, и вдруг решился: встал на одно колено и застыл, сложив обе руки на другом.

«Сейчас главный фарс и начнется», — подумал капитан, раздраженный дурацкими приготовлениями Андроника.

И все-таки вслух произнести это он не решился. Он оглядел своих сотоварищей. Стамате заворуженно ждал, готовый поверить всему, что только перед ним ни разыграют. Девушки казались довольно сильно встревоженными и столь же заинтересованными. Доамна Замфиреску была в ужасе, домнул Соломон сидел как каменный. «Сколько же будет длиться эта комедия? — задался вопросом капитан. — Что ж, может, фарс и удастся, и тогда мы посмеемся от всего сердца».

Тут он обратил внимание, что Андроник к тому же еще что-то шепчет, по-прежнему оставаясь в странной, избранной им для себя позе. Капитан попытался понять, что же он такое говорит. Звуки были чрезвычайно странные. И слова словно бы не румынские. Слова со множеством гласных, долгих, тянущихся. И все-таки что-то Андроник выговаривал, и то и дело слышалось слово «змей». Колдовство, да и только... А вернее, только нелепый балаган... Мысли капитана Мануилэ как бы затуманились, когда он, повернув голову, увидел всех остальных, молчаливо дремлющих с бледными восковыми лицами.

9

Прошло несколько минут, но капитану Мануилэ казалось, что прошло их великое множество. Он изо всех сил боролся с дремотой, а на него все наваливалась и наваливалась неслыханная усталость, и веки, тяжелея, смыкались. Вдруг ему показалось, будто в комнате что-то переменилось. Полутьма словно бы разорвалась на два полотнища, и между ними легла на пол серебряная дорожка. Наверное, скрывавшаяся за облаками луна наконец заглянула в комнату, и ничего в этом не было удивительного.

«...Словно серебро ручья», — сонно вспомнила Лиза. Слова припомнились ей, когда она увидела ту же, что и капитан, серебряную ленту света, медленно стекающую на пол. Ее мысли, ее тоска были, оказывается, давними, детскими, еще с бульвара Паке, но сейчас она будто рассталась с ними. «Что же я делала столько времени? Когда успела стать взрослой, так ничего и не заметив? И мне никто ничего не сказал?..»

Андроник больше не шептал. Ждал и он. Лунный свет медленно подбирался к его ногам. Неужели и впрямь начинается колдовство?.. Дорина, не отводя глаз, смотрела на Андроника, словно забыв, что происходит все наяву. Что бы ни произошло сейчас, она бы не удивилась. Как во сне, любая встреча, любая нелепица показались

бы ей естественными, обыкновенными. Она была вне досягаемости, ничего дурного не могло приключиться с ней, как во сне...

И вот естественно, обыкновенно в комнате появился змей, он прополз у них между ног, и никто не испугался. Только сердце упало и в груди стало пусто-пусто.

Большой серый змей полз медленно, и похоже было, что кольца у него одеревенели и разгибались с трудом. Полз он тяжело, но легко поднимал плоскую голову и так же легко опускал ее, как будто шел по следу.

Подполз к лунному озеру и приостановился, охмелев. А потом, раскачиваясь, подполз к Андронику. Казалось, серебряный свет околдовал и его: он двигался теперь с ленивым изяществом, и при каждом новом изгибе мерцала его темная чешуя. Дорине почудилось, будто змей направляется прямо к ней, и внезапное чувство ужаса разбило сонные чары. Она словно проснулась, а перед ней было что-то жуткое, на что невозможно было даже взглянуть, даже поднять глаза, — очнулась перед грозной, немислимой опасностью. Приближающийся змей, он будто пил ее дыхание, с шумом гнал по жилам кровь, ослабляя плоть ужасом и трепетом неведомой еще любовной болезни. Странно смешивались в устрашающем танце ледяной мерцающей рептилии учащенное дыхание страсти и смерти.

— Иди, скорее иди! — услышала Дорина из дальнего далека голос Андроника.

Кого он зовет так властно? Вспыхнувшая кровь алым жаром окрасила щеки девушки, словно до нее донеслось самое сокровенное и самое запретное из слов. Ужас и отвращение обуревали ее с той же силой, с какой боролись в ее крови целомудрие и немислимые желания.

— Где ты так задержался? — слышала она приглушенный голос Андроника.

Змей все ближе подползал к Андронику и, казалось, боролся с собственной робостью, не отваживаясь положить голову на раскрытую ладонь, которую протягивал ему юноша. И замер в испуге, в ожидании, но голова его беспрестанно подергивалась, словно пыталась выпутаться из сети чар.

— Иди, иди сюда, — повелительно звал его Андроник.

Лиза закрыла глаза, прижалась к стене, в любую секунду она могла потерять сознание от слабости и бессилия. Она видела, как змей положил голову на ладонь Андроника, и словно бы сама ощутила холод омерзительного прикосновения, как будто и в ее плоть глубоко проникла стрела противоестественной чужеродной плоти.

— Еще ближе! — воскликнул Андроник.

Дорина, хмелея все отчаянней, бледная, смотрела не отрывая глаз; никакие силы человеческие не могли уже вырвать ее из того невидимого круга, который сблизил ее с Андроником. Змей осторожно заструился по кисти, по руке и боязливо коснулся головой горла Андроника. Юноша схватил его правой рукой, сжал в кулаке и сказал, глядя ему в глаза:

— Отчего ты так робеешь? — и улыбнулся.

Мануилэ мало-помалу опоминился; он видел змея в руках Андроника, но происходящее так походило на сон, от которого он старался избавиться, что он даже не удивился. Широко раскрыв глаза, он оглядывал комнату. Бледные лица, которые он видел перед собой, его не встревожили. Но вот точно такой, как до этого, такой же точно и в этом хмельно болезненном сне, где им снится прогулка по озеру, и «*Le Mystère de Jésus*»*, которую он прочитал так поздно, — с поднятой правой рукой — Владимир. И вдруг лодка переворачивается, точь-в-точь как говорил Андроник на берегу, и бесшумно идет ко дну, словно сделана из синица...

— Уморил подружку и остался теперь один-одинешенек? — говорил Андроник, словно услышав тихий ответ змея.

* «Тайна Иисуса» (фр.).

Лиза открыла глаза, и ей опять стало так же жутко, как и вначале. Голова змея подергивалась возле лица Андроника, и эти трепетные подергивания казались Лизе исполненными высочайшего всеобъемлющего смысла. Неслыханное колдовство истекало от голоса Андроника и змеиного танца.

— Хочешь и здесь кого-нибудь ужалить? — спрашивал Андроник у своего приятеля. — Отомстить хочешь?.. Но ты же видишь, что тут люди все добропорядочные, и к тому же столько красивых барышень, — прибавил он, улыбаясь и все так же глядя змею в глаза.

Дорина снова порозовела, и сердце у нее забилося громко-громко. Мысли помчались уже без всякой робости, — и мысли, и желания. О ней говорил Андроник, ну конечно о ней: «красивые банышни». Ее выбрал Андроник...

— Ты пришел на свадьбу? — с удивлением спросил Андроник. — Ты почувствовал, что здесь будет свадьба?!

Капитан Мануилэ внезапно покраснел: пусть даже все это снится, но есть вещи, о которых нельзя говорить во всеуслышание и во сне. Он слегка повернулся к Дорине и взглянул на нее исподтишка. Девушка сидела неподвижно, мертвенно-бледная, губы у нее подрагивали. В этот самый миг она пускалась в путь. Лодка ждала их на том самом месте, ждала их двоих, чтобы нести по глади вод. Рядом с Андроником, который обнимал ее, она чувствовала одно — ликующую радость. Сейчас они оттолкнутся от берега и окажутся в этой лодке рядом, может, даже тесно прижмутся друг к другу, как в гнезде. «Следующий», — услышала она голос Стере и приготовилась тронуться с места. Но невидимая тяжесть не пустила ее, удержала возле Андроника. «Ну же! Беги!» - вновь услышала она голос Стере, звучащий почти как команда. «Проиграешь свой фант», — сказал кто-то насмешливо по соседству. И Дорина поняла, что это значит, и опустила глаза. Значит, свадьба, она даже знала, что будет... Почему же она не может оттолкнуться от берега, почему не может сдвинуться с места, почему не бежит?.. «Беги! Беги!» — услышала она множество голосов за спиной. Неужели Андроник не хочет, чтобы она решилась? Ему не нравится ее фант?..

— А кто жених, кто невеста? — вновь заговорил Андроник насмешливо. — Какую барышню выбрал бы ты, проклятый, у которого больше нет подружки?!

«Ну конечно, - догадалась Лиза, - Андроник издевается над змеем». А когда он говорил о красивых барышнях, которых здесь так много и из которых нужно выбрать одну, он думал о ней. Выбрать нужно одну, и одну выбирает сейчас Андроник. Для этого он и усадил их всех в кружок. Он хочет рассмотреть их получше, всех околдовать, но выберет только одну. Он и есть жених. «Он выбрал меня, одну меня», — догадалась Лиза в восторге от чудесного мужественного танца змея.

— Не стесняйся, скажи, кто тебе здесь больше всех нравится? — насмешливо шептал Андроник.

Барышня Замфиреску вздрогнула. А что, если выберут ее? Змей подползет к ней, и она почувствовала, как он ползет по ее груди — дерзкий, скользкий и страшный. Нет, нет, не может этого быть, с чего, собственно, ее, почему именно ее?..

— Ну ладно! — воскликнул со смехом Андроник. — Ты же проклятый!.. А теперь отправляйся, тебя заждалась покойница...

Перепуганная доамна Замфиреску так и думала: нечистый этот змей тоже чья-то грешная душа, явившаяся кто знает из какой могилы. И супруга у него из мертвых. Как и у многих других. У других людей, которые давным-давно умерли и которых закопали в землю. И они иногда приходят оттуда, и иногда в обличье змея, — приходят в дома к живым и пьют оставленное для них молоко и вино, смешанное с медом... Страх доамны Замфиреску был сродни страху почтения. Если бы она только смогла перекреститься, она бы помолилась за грешные души. Никто не знает, кому нет покоя

на том свете и кто послал нечистого этого змея в такую даль к ним в дом... Только бы не утащил еще кого. Только бы не принес в дом смерти, потому что и на такое они... способны...

— У тебя дальний путь, — шептал Андроник, — ты доплывешь до острова на середине озера и останешься там, спрячешься. Никто и знать не будет, что ты выползал на мой зов. Ты не тронешь ни единого человека. И с тобой ничего не случится, живи с миром... А теперь в путь, отправляйся!

Змей застыл на миг в лунном свете, изящно раскачиваясь и словно бы ища что-то невидимое. Андроник медленно поднял руку и указал ею в сторону двери. И, как будто испугавшись его угрозы, змей, раскачиваясь, пополз, то поднимая, то опуская голову. Владимир теперь хорошо разглядел его, только теперь — потому что только теперь кончился его безумный бег по лесу, — он бежал, и кто-то невидимый гнался за ним по пятам. А когда началась эта погоня, он не знал. Фосфоресцирующий циферблат становился все больше и больше и уже ослепил его зеленоватым подобием лунного света, а в середине свернулся змей. Как же он не заметил, что в часах Стамате, с которыми он бежал по лесу, притаился змей? Стрелка часов незаметно выросла, и испуганный Владимир заметил, что в зеленоватом свете шевелятся и оживают, поблескивая, змеиные кольца. Немедленно бросить, избавиться от часов! Да разве он до сих пор их держит? Они же где-то там, сзади. «Следующий!» — услышал он голос Стере. Какая радость, что он может убежать ночью в лес, к добрым большим деревьям, которые его спрячут! Как добр Стере, что позвал его именно в эту минуту, и он убежит от нечистого дыхания за спиной, спасется от заволаживающего света зеленоватого циферблата... И вдруг из зеленоватого пятна света на полу прямо перед ним вытянулся змей... Но он его уже не боялся. Змей был на полу у его ног, а не позади, огромный, невидимый...

— Быстрее, быстрее! — командовал змею Андроник, тоже делая шаг к двери.

Аргира, красавица, на меду замешенная, превращенная в змея, его послушалась. Значит, сказку Стамате о Стамате рассказывал Андроник! Просто удивительно, как он сразу не догадался. Он догадался, только узнав голос Андроника, увидев его рядом с собой, когда тот шел к двери. А до этого ему казалось, что рассказывает все монах. Нет, конечно, ему почудилось, старика ключаря здесь нет и в помине. И сидят они, разумеется, не в погребке. И все остальные тут, перед ним...

Андроник секунду незряче глядел в темноту за распахнутой дверью. Потом вернулся на середину комнаты, поднес руку ко лбу и принялся что-то шептать. Теперь капитан Мануилэ слышал слова его отчетливо, словно именно ему нашептывал их на ухо Андроник. Опять та же ворожба, разумеется, и опять так же часто повторялось слово «змея», которое Андроник произносил то так, то этак, то свистя, а то растягивая конец. Мануилэ улыбнулся: «Весь этот рассказ — невероятное детство среди цыган, — казалось, не был выдумкой Андроника, или все-таки он опять морочил нам головы? И как удалось этому цыганенку притащить сюда, в комнату, настоящего змея?» Капитан Мануилэ видел его собственными глазами. Огромный серый змей, который танцевал при лунном свете и поднимался по руке Андроника... Неужели таким чудесам научили Андроника цыгане? И кто знает, скольким еще темным умениям?

Вот усыпит ворожкой весь дом, стянет что захочет и сделается невидимкой...

Мануилэ оглядел остальных: хоть бы теперь сообразили, что Андроник на все способен, замутит головы какой-нибудь травкой и украдет, к примеру, часы Стамате. Но никаких таких опасений не прочитал капитан на бледных осунувшихся лицах. Все сидели по-прежнему тесно прижавшись к стенам, и лица у всех были как восковые. И опять стало не по себе капитану, и веки как будто набухли тяжестью. А что, если заорать... Или хотя бы пошевелить пальцами! Но он не смог даже застонать. Точь-в-точь

как в тот жуткий неожиданный миг: он был еще совсем маленьким и вошел в комнату к маме, а было это летом в деревне, и увидел ее неподвижно лежащей на полу, со странным незрячим взглядом. Он не понял тогда, что случилось. Потом уже она сама рассказывала, что приходила цыганка с раковинной погадать, уселась на пол, достала из торбы руку мертвеца, обвела ею круг, а больше уже она ничего и не помнила... Теперь Мануилэ понимал отчетливо все, что происходило. Он понимал, что Андроник заколдовал всех, а потом преподнес свою невероятную историю об украденном боярском дитяти, выросшем среди цыган.

Первым очнулся от помрачения Стере. Он видел, что Андроник отвернулся к окну, знал, что змей давно уполз, и отважился встать и пройти несколько шагов по комнате в сторону двери, сперва с робостью и опаской, а потом решительно и быстро. На дворе встретил его ночной ветер, свежий и чистый, и разбудил окончательно. Стере устало вздохнул, потер себе лоб, пытаясь понять, что же все-таки с ним произошло. В голове мелькали отрывки воспоминаний. Чувствовал он себя усталым, болели ноги, ломило суставы. Он уселся на краешек скамьи и глубоко вздохнул.

10

— Господа! — послышался голос Андроника. — Продолжим же наш праздник! Змей, нечистое порождение земных недр, воплощение на земле дьявола, изгнан из нашего общества!..

Но никто не откликнулся на шутку Андроника. Опоминались все с трудом, боязливо отстранялись от стен, искали один другого взглядом. Андроник подошел к домнулу Соломону и положил ему на плечо руку. Тот, очнувшись, вздрогнул.

— Домнул Соломон, все кончилось! — воскликнул Андроник. — Я прогнал его! Он ушел...

Домнул Соломон, казалось, не слышал. Молодой человек грозно посмотрел ему в глаза и сказал шепотом:

— Проснись! Ничего не было!..

В тот же миг раздался протяжный, болезненный женский стон, и доamna Соломон истерически разрыдалась. Всем сделалось не по себе.

Боязливо заглянул в комнату с порога Стере. Доamna Соломон билась в истерике и, казалось, вот-вот лишится сознания. Андроник подошел к ней и сжал запястье.

— Сударыня! Сударыня! — позвал он властно, стараясь перекрыть истерические всхлипы женщины. — Мы шутили, опомнитесь!..

Доamna Соломон на секунду испуганно смолкла и снова затряслась от судорожных рыданий.

— Можно было ожидать и этого, — сказал Андроник, словно бы говоря с одним из сидящих рядом мужчин.

Но все еще как будто дремали, занятые собственными видениями, и непонятно откуда несущийся плач лишь слегка удивлял. Андроник подошел вплотную к доамне Соломон и положил ей на лоб правую руку.

— Довольно, — сказал он, — все прошло, не так ли?

Женщина, подчиняясь ему, прерывисто вздохнула. Кризис миновал, но, стыдясь собственной слабости, доamna Соломон встала и пошатываясь ушла в соседнюю комнату.

— Что случилось? — недоуменно осведомился с порога Стере. — Кто так плакал?

— Аглая, — прошептал домнул Соломон обреченно и словно прося за нее прощения. — У нее никудышные нервы... Не выдержали, — прибавил он, как будто бы объясняя самому себе.

Опамятовался и капитан Мануилэ, подошел к Стамате и попросил у него часы, желая собственными глазами увидеть на фосфоресцирующем циферблате, сколько теперь времени.

Стамате долго и пристально смотрел на минутную стрелку.

— Двенадцать часов одиннадцать минут, — наконец сказал он.

Андроник рассмеялся.

— Насчет времени можете непосредственно обращаться ко мне, — сказал он, подходя к капитану. — Все длилось не более трех минут, а может, и меньше...

— Дольше, гораздо дольше, — задумчиво произнес капитан, стараясь связать воедино обрывки воспоминаний и отыскать кончик.

— Вам показалось, — настаивал Андроник. — Так всегда бывает. Время в подобных случаях течет медленнее.

Говорил он громко, отчетливо, и руки сунул в карманы, делая вид, что вообще ничего не произошло. Он старался совладать с той сковывающей болезненной робостью, которая, казалось, завладела всеми. Казалось, никто и шевельнуться не в силах, предварительно не оглядевшись по сторонам, как будто опасались затаившегося невидимки, готового напасть каждую секунду. Окружающее пространство стало иным, оно утратило однородность, уплотнилось в одних местах и угрожающе разъехалось в других.

— Что же это такое было? — услышал Андроник голос Владимира.

— Колдовство, дражайший мой друг, — улыбаясь, отвечивал ему Андроник.

Он постарался не упустить возможности и объясниться, сославшись на многообразие жизни.

— Кто, как не ты, занимается литературой, историей, — прибавил Андроник, — и, наверное, ты лучше разбираешься во всяких странностях. Я умею только их делать... и то изредка и в шутку...

Андроник говорил, а сам обводил глазами комнату, стараясь разбудить любопытство остальных и заинтересовать их.

— Чего только не символизируют змеи в религиях разных народов, — продолжал он, возвышая голос. — Вспомни, что змей...

— Спаси нас Господи! Господи спаси! — торопливо крестясь, жалобно запричитала доамна Замфиреску.

Слово «змеи» всколыхнуло в ней весь недавно пережитый ужас. Андроник замолчал и отошел от Владимира.

— Теперь я понял, что произошло, — сказал Андроник, ища на столе коробок со спичками. — Все му виной потушенная лампа и избыток лунного света...

Лунный свет мешал открыть глаза и Дорине. Казалось, только в нем надеялась она отыскать разгадку, казалось, только из его серебряных вод могло прийти понимание, что же все-таки произошло. Цепочка событий обрывалась слишком часто.

Чего она только не перечувствовала, каких не пережила видений, но связать их воедино, понять их смысл не могла. Но что бы ни происходило на берегах лунных вод, сотворено было льдистым лунным светом. И свадьба, и жених с невестой, и лодка, столько времени качающаяся возле берега и уплывшая с такой неохотой...

— Вот теперь куда лучше! — воскликнул Андроник, зажигая одну лампу и выкручивая фитиль другой.

Лунный свет растворился, осев невесомым туманным налетом на стеклах. Комната снова выглядела обыденно и уныло, заключенная навсегда в своих четырех стенах. В тишине слышался доносящийся снаружи треск цикад, наверное далеких-далеких.

— Дамы и господа! — попытался еще раз развеселить компанию Андроник. — Теперь все точно так, как было. И не придумать ли нам какую-нибудь игру в ожидании кофе?..

Домнул Соломон с испугом вспомнил, что не так давно спрашивал, кто будет пить кофе. Сколько с тех пор прошло времени? «Я ставил кофе на огонь, и, может, его уже подали, может, выпили?! И все же Андроник ждет, что сейчас опять будет кофе?..» Домнул Соломон в недоумении потер лоб, ему начало казаться, что ему примерещились и собственные мысли, и окружающие лица, и только его растерянность объединила их вместе. Однако комната была той же, что и раньше. И сидели в ней те же самые люди. А вот Аглая, она в соседней, ей стало плохо. Надо пойти ее проведать.

Домнул Соломон решительно направился в соседнюю комнату. Жена его лежала на кровати, лицо у нее было страдающее, бессмысленное.

— Как, ты думаешь, следует поступить? — спросила она хрипло, заметив, что он стоит возле кровати.

Домнул Соломон пожал плечами. Не то чтобы вопрос поставил его в тупик, но ответить на него он не мог и ограничился пожатием плеч.

— Я подумала о Дорине и о ней спросила, — прибавила доamna Соломон так же враждебно и хрипло.

— Да-да, конечно, а я было почти позабыл, — сказал домнул Соломон. — Знаешь, теперь все стало совсем по-другому...

— Почему?

— Не знаю, единственное, что могу сказать, — не знаю. А ты знаешь?

Доamna Соломон повернула голову. Она трудно дышала, и каждое движение, казалось, давалось ей с большим трудом, грозя чуть ли не обмороком.

— А с тобой что? — спросила она.

— Ничего, все хорошо. Думаю, хорошо бы выпить кофейку...

Несколько секунд он внимательно смотрел на жену, а потом застыл вперившись в пустоту. Если бы он мог понять, что же произошло после того, как он поднял руку вверх и спросил: «Кто хочет кофе?» Или было это после обеда, когда он вышел на порог веранды и точно так же поднял руку?..

— Оказывается, — услышал он снова голос Андроника из соседней комнаты, — у вас готовится свадьба, а вы мне ничего не сказали! Теперь я понимаю, почему вы все такие веселые...

— Видишь, — сказала доamna Соломон со вздохом, — так оно и есть. Даже он догадался!..

— Однако капитан так ни слова и не сказал, — сумрачно отпарировал домнул Соломон.

А было на самом деле только то, что капитан Мануилэ был неприятно поражен дерзостью Андроника и, покраснев, уставился в раздражении взглядом в пол. Заговорил Андроник явно не ко времени. Капитана удивило и угнетающее молчание всех остальных, он не понимал его. «Что с ними стряслось, на лице у всех такая растерянность? И никто не говорит о самом интересном из того, что было, о змее, который выполз как из-под земли посередине комнаты?..»

— Откуда ты знаешь, что ожидается свадьба? — заинтересовалась доamna Замфиреску.

«Сейчас все и прояснится», — поняла вдруг она. Но Андроник поглядел на нее с улыбкой и пожал плечами. Говорить он собирался вовсе не с ней...

— Кто будет счастливой невестой? — спросил он снова, стараясь говорить с улыбкой и придать своим словам вид шутки.

Капитан Мануилэ быстро взглянул на Дорину и увидел, что она порозовела, потупив взгляд. И это немало поспособствовало его решимости.

— Вы нескромны, господин Андроник! — воскликнул он, смягчая любезностью тона нелюбезность слов.

— Стало быть, прошу меня извинить, господин капитан, — мгновенно откликнулся Андроник. — Но я не собирался выдавать тайну, я хотел только сказать, что все случившееся — добрый знак... Эта ночь в монастыре и знак, который нам неожиданно был явлен...

Он рассмеялся, и даже громко, но смех его ничуть не развеселил сидящих в комнате. Все по-прежнему жалось по стенкам, растерянно поглядывая друг на друга в надежде встретить понимание и сочувствие. Казалось, каждый боится оступиться в пустоту, потерять сознание. Один Стере, стоящий на пороге, под дуновением свежего воздуха, наверное, жил наяву. И ему и впрямь пошел на пользу смех Андроника. Видно, паренек-то заморочил всем головы и теперь в лицо смеется...

— Кто бы ни была счастливая невеста, я хочу выпить за ее здоровье, — сказал Андроник.

И на самом деле отправился в соседнюю комнату и вернулся со стаканом, полным ало-рубинового вина.

Все с любопытством следили за ним, словно у них на глазах происходило что-то необыкновенное.

Молодой человек залпом выпил вино до дна.

— Жду, что и другие последуют моему примеру, — прибавил он.

Но никто не отважился пить. Барышня Замфиреску изумленно смотрела на Андроника.

Она ничего не поняла из того, что произошло. Ею овладевал сон, тяжелый сон усталости и болезненного бессилия.

— Кто хочет погулять и подышать немного свежим воздухом? — снова спросил Андроник.

Кое-кто повернулся к двери, но ночь внушила им робость. Только Владимир и Стамате сделали шаг к двери. Надо, надо. Там, снаружи, свежий воздух. «Мы не пойдем в лес, мы даже не спустимся во двор, постоим на крыльце, подышим свежим воздухом...»

— Свежий воздух, — сказал капитан Мануилэ. — Чудесная мысль. А чем намерены заняться дамы?

Он взглянул на Дорину. Глаза их встретились, и девушка порозовела. Теперь знают все. Знает и капитан, какие сказки ей снились, страшные сказки...

— Спать очень хочется, — с трудом вымолвила Дорина.

Капитан Мануилэ вздрогнул. Как изменился Доринин голос, нет, не стоит оставлять ее в таком состоянии.

— И все-таки я бы вам не советовал немедленно ложиться в постель, милая барышня, — сказал он нежно. — Как бы не приснились дурные сны!..

Андроник остановил его, взяв за руку.

— Не говорите ничего, что могло бы напугать ее, — прошептал он. — Оставим дам лучше на несколько минут одних... Все само собой образуется...

Владимир, Стамате и Рири вышли во двор. Луна добралась почти до середины неба. Ночь была мирной, тихой и ничуть не таинственной.

— Я и теперь хорошенько не понимаю, что все-таки с нами было, — сказал Владимир. — Был змей или его не было?

— Змея я видел собственными глазами, — ответил капитан Мануилэ. — Большой водяной змей... Интересно только, откуда его взял Андроник?..

Андроник несколько надулся и ответил, пожимая плечами:

— Я его ниоткуда не брал. Позвал, чтобы отогнать подальше, опасаясь для нас для всех какой-нибудь несчастной случайности... И он меня послушался, теперь, думаю, плывет по озеру, торопясь добраться до острова, во-он того...

Он махнул рукой, показывая через стену на озеро.

— Где плывет? — спросила Дорина.

Только теперь все заметили, что и Дорина вышла на порог, стоит с ними и слушает Андроника. Рири подошла к ней, но ничего не сказала. Андроник спокойно посмотрел на Дорину и, снова махнув рукой, повторил:

— По озеру к острову, барышня. Там ему некого жалить...

Дорина безучастно его выслушала. Сообщение Андроника, что змей никого не ужалит, оставило ее равнодушной.

— Тебе не холодно? — спросил Стере.

— Здесь мне лучше, — ответила девушка. — Я испугалась плохого...

— Вам показалось, — успокоил ее Андроник. — Ничего не бойтесь... Все это должно было произойти, обязательно...

— Правда, правда, — отозвалась Дорина, как во сне.

— Что должно было произойти обязательно? — беспокойно спросил Мануилэ.

— Сказка со змеем, — ответил Андроник. — Все так и вышло. Я сразу почувствовал, что он хочет прийти к нам... Но не хотел портить настроение за ужином... А когда сказал, то получилось, что несколько поторопился... — Он засмеялся и поглядел на каждого в отдельности. — ...Но дело шло к полуночи, — прибавил он неуверенно, словно бы опасаясь, что признание его сочтут неискренним. — А после полуночи я не имею над ним никакой власти...

Он внезапно умолк и нахмурился. Молчали и остальные, растерянно переглядываясь.

— Должно быть, трудно выучиться этому ремеслу, — сказал наконец Мануилэ.

— Какому ремеслу? — недоуменно переспросил Стере.

— Колдовству со змеем, — разъяснил Мануилэ. — Ясно, что дело это нелегкое...

Андроник заколебался: он неохотно говорил о своих тайнах.

— Я и не помню, когда ему выучился, — сказал он, избегая прямого ответа, — давным-давно. Я много всякого умею и знаю, а кто и когда научил — понятия не имею. Лучшее доказательство — история Аргиры, которую я вам рассказывал, в монастыре о ней никто и понятия не имеет...

Ни Стере, ни Дорина не слышали истории Аргиры, но и не любопытствовали ее узнать. Им было достаточно того, что сказал Андроник, сейчас ничто уже не казалось им любопытным, таинственным, загадочным, ничто не влекло разгадать, понять.

— А я и представить себе не могу, чтобы вы... так близко... — сказала Рири, и сказала она это для себя неожиданно, от полноты впечатления, но слово «змей» произнести не решилась.

— Я обо всем расскажу вам завтра, — улыбнулся Андроник. — Я не могу говорить об этом в темноте.

Дорина вздрогнула. Рири, и не поглядев на нее, сразу же взяла ее за руку.

— Не могу, потому что боюсь вам повредить, — продолжал Андроник. — Я уже понял, до чего вы впечатлительны...

Он повернулся к Дорине и со значением посмотрел ей в глаза. Девушка побледнела.

— Понять совсем не трудно, — прошептал Андроник. — Особенно когда готовишься к такому значительному событию.

Наконец-то показался на пороге и домнул Соломон. Наконец-то и он, кажется, опаматовался.

— Кто хочет ложиться спать, — сказал он, — пусть позаботится о постелях. Кто хочет кофе, пусть поднимет руку!

Мы чувствовали такую усталость, что хотели только спать.

— Кажется, я все-таки испортил вам праздник, — произнес Андроник, глядя в глаза капитану.

11

Час спустя все уже улеглись. Уговоры Андроника выйти всем из дома и погулять по парку не имели успеха.

Никому не хотелось говорить. Кофе тоже пили через силу: что-то вроде тяжелого похмелья сковывало и одурманивало всех. Ни у кого не хватило сил устроить и постели как следует. Однако кровати сдвинули и подняли шторы на окнах. Для мужчин в соседней комнате положили тюфяки прямо на пол, и многие так и легли, не раздеваясь. Даже Андроник отказался от мысли отыскать себе пижаму. Он сдвинул две скамьи и заявил, что выспится на них куда лучше, чем на полу.

— Что-то ко мне сон не идет, — сказал он, видя, как остальные готовятся спать и прикручивают лампу, — может, кто-то пойдет со мной прогуляться?

Компанию ему составил лишь капитан Ма-нуилэ. Хоть и он тоже устал, не мог сосредоточиться, чувствовал, что воля его подавлена, но, побежденный Андроником, он не мог оставить его одного. Они вышли во двор.

— Вам я могу сказать, — начал Андроник. — Мне очень неприятно, что я испортил всем праздник... И не будь этого проклятого, мы бы покатались теперь на лодке по озеру...

— Ну уж не по озеру, — отозвался Мануилэ. — Время совсем неподходящее. После него какая-то зябкость осталась, чувствуете?

— Зябкости не чувствую, — ответил Андроник, поднимая голову и глядя на небо. — А чувствую подмывающее желание совершить что-нибудь из ряда вон... Влезть на дерево, прыгать с ветки на ветку, купаться в заколдованном озере...

С удивлением и даже с некоторой завистью слушал его капитан Мануилэ. Разумеется, он из тех, проклятых, если не колдун в полном смысле этого слова. Иначе откуда в нем такая сумасшедшая сила, жизнеспособность, фантазия?

— После полуночи, — продолжал Андроник, — сам не знаю, что со мной творится... То мне чудится, что я птица, то барсук, то обезьяна... Смешно, не правда ли? — спросил он, обращаясь к своему сотоварищу.

— Нисколько, — серьезно отвечал капитан.

— А наутро я ничего не помню и не знаю, где провел ночь.

— Вот теперь и впрямь есть чему посмеяться, — с той же серьезностью сказал капитан.

Андроник грустно улыбнулся:

— Вы ошибаетесь, если имеете в виду женщин и, как принято это называть, любовь. Ночное колдовство для меня в другом... Поглядите-ка, — он протянул руку к небу, — вот лес, который куда могущественнее любви. И значимей...

Он умолк, словно испугавшись, и несколько мгновений стоял неподвижно, уставившись в пустоту.

— ...Значимей, потому, что не ведаем, откуда оно, где начало и где конец... Любовь, женщина, они перед тобой, на твоей постели, и ты видишь, как зарождается любовь и как она умирает... А все это?..

Он обвел руками ночное небо и большие уснувшие деревья и словно бы сам почувствовал испуг и трепет. Мануилэ явственно ощущал волнение Андроника. Все вокруг и в самом деле казалось иным, чем всегда...

— И если бы мы согласились с радостью слушаться их власти, — вновь заговорил Андроник. — Но нет... Постоянные перемены, помрачения, а иной раз и безумие... Я говорил об этом...

— Я понял, — устало проговорил Мануилэ. — Это похоже на отраву...

— Нет, не на отраву, — живо прервал его Андроник. — Это у нас в крови, но не родители виной тому, что в нас такая кровь. Однако я вижу, что вы меня не слушаете, — прибавил он с мягкой улыбкой.

Капитан глядел перед собой дремотно и бессмысленно. Каждое слово молодого человека, казалось, добавляло ему усталости, наводя все гуще и гуще дрему.

— Да, — признался он, — и прошу меня извинить. Едва держусь на ногах. У меня был тяжелый день... И вдобавок столько странностей...

Андроник пожал ему руку и с улыбкой смотрел, как тот поднимается по ступенькам. Капитан был похож на пьяного, спотыкался на каждой ступеньке. Мануилэ, войдя в комнату, даже не искал себе места, одетый, он повалился на первое попавшееся. Все вокруг спали тяжелым сном.

Оставшись в одиночестве, Андроник задумчиво прошелся вдоль келий. Нигде ни шороха, ни дуновения. Неестественный покой, казалось, охватил и лес. Андроник не спеша побрел вдоль аллеи, что вела от ворот к монастырю. Огромные деревья высились справа и слева, но вдруг попадался и кустик акации или шиповника, случайно выросший здесь. В призрачном свете луны все спало глубоким сном. Андроник услышал громкое щебетание в одном из кустов и резко остановился.

— Ты еще не спишь? Ну-ка иди сюда!

Он протянул руку и подождал. Быстрый шорох, качание веток, и маленькая пичужка робко уселась у него на ладони. Андроник осторожно поднес ее к своему лицу. Птичка встрепенулась, но не улетела.

— Что это с тобой? — притворился удивленным Андроник. — Я еще понимаю, стоял бы день...

Другой рукой он осторожно погладил птичку по головке. Птичка встрепенулась и весело принялась охорашиваться.

— Советую тебе немедленно лечь спать, а то как бы и ты не влюбилась!..

Он вытянул руку, и птичка без всякой опаски послушно взлетела, даже не чирикнув. Юноша постоял еще, внимательно разглядывая листву, словно желая убедиться, что его и впрямь послушались.

Затем оглянулся, не зная, куда бы ему направиться, и пошел по аллее, но вскоре передумал, решив навестить озеро. Проходя мимо келий, он еще раз прислушался, не проснулся ли кто-нибудь. Та же мертвая тишина заколдованной крепости. Но стоило ему выйти из монастырских стен, направляясь к озеру, как он утонул в море звуков. Цикады, кузнечики, лягушки, ночные птицы, которые просыпаются при луне и пронзительно вскрикивают, — нет, здесь не возникало сомнений, что жизнь кипит всегда и не скудеет, несмотря на сон.

«Успокойся! Не плачь больше! Ничего не было!» — шептал ей Андроник почти в самое ухо. Доамна Соломон заплакала еще горше, ощутив тепло его мускулистого стройного тела, услышав его слова, произнесенные с такой неподдельной страстью. «Прошу тебя!» — умолял Андроник, и его губы коснулись ее уха. Никогда не испытывала доамна Соломон ничего подобного. Она словно бы вмиг растаяла от одного, но огненного прикосновения. Хотела отстраниться, но руки Андроника обняли ее так крепко. «Думаю, в этом лесу прячется не один сатир», — страстно шептал он. Доамна Соломон рассмеялась. «Кто тебе позволил читать мои мысли? — спросила она, желая защитить себя и поставить его на место. — Пойдем посмотрим, чем заняты остальные!» — прибавила она торопливо. «Они спят, — шептал Андроник, — не беспокойся. И потом, разве ты не видишь, что зажигалка погасла, это знак, залог, фант...» Доамна

Соломон пыталась высвободиться из его объятий, но тепло его тела пьянило ее, околдовывало. «Только бы не зажег кто-нибудь огня, только бы нас не увидели», — вздохнула она...

Лиза снова слышала голос Стере: «Следующий!» — на этот раз вдалеке, глухо, настойчиво, так что она скорее догадалась, чем расслышала это слово. «Теперь его очередь, — подумала она, стараясь успокоиться. И все-таки дрожала. — А что, если первым приползет змей?» Но боялась она напрасно. Андроник бесшумно скользил между деревьями. «Ты меня ждешь?» — спросил он, улыбнувшись. «Да. И хочу сказать тебе, что это я погасила зажигалку...» И, показывая, Лиза протянула руку к дуплу, но Андроник и не взглянул туда. Ничуть не робея, он подошел к ней и обнял. Лиза вздрогнула, но мужское тело было таким сильным, таким влекущим, что она замерла. «Отдай мне фант!» — прошептал Андроник. Лиза попыталась высвободиться из его объятий, — ведь было бы еще слаще, если бы он гонялся за ней по лесу и наконец яростно схватил крепкими горячими руками. Но не смогла. Андроник не отпускал и шептал ей на ухо. «Ты его видела?» — спрашивал он. Лиза чувствовала, как лицо ей заливают краска, но ей приятны были эти его дерзкие, бесстыдные слова. «Ты его не боишься?» — спрашивал Андроник. Лиза стыдливо покачала головой и хотела спрятать лицо на плече юноши, но он закрыл ей рот поцелуем и не отпускал, для и для свой огненный поцелуй и не давая вздохнуть. И от разымающей сладкой истомы, доходящей до смертной жути, Лиза стала терять сознание и, теряя его и повернув испуганно голову, увидела в сжатом кулаке Андроника змею...

Пошарив рукой наугад в потемках, Владимир обнаружил рядом с собой Лизу. И растерялся, не решаясь спросить, как она попала к нему в постель. «Да это вовсе не твоя постель!» — воскликнула Лиза, отвечая на его безмолвный вопрос. И действительно, с молчаливым удивлением Владимир обнаружил, что он проснулся вовсе не у себя в комнате, а в какой-то длинной, незнакомой, заставленной цветами в горшках. «А кто зажег свечу?» — спросил он вдруг. «Никакой свечи нет, тебе почудилось, — ответила Лиза. — Луна светит». И улыбнулась. И стала пристально и призывно глядеть ему в глаза. «Это грех, — сказал Владимир. — Что скажет Стере?» Лиза придвинулась к нему близко-близко и прошептала: «А что ты делал в лесу? Искал змея, да?» Владимир испуганно вздрогнул. И увидел с испугом, как изменилось Лизино лицо: отвратительная уродина злорадно смеялась огромным лягушачьим ртом. Он заслонился от нее руками. Дышать стало тяжело, била дрожь. И все полз и полз липкий нелепый страх, смешанный с отвращением... «А ты не бойся, — снова услышал он женский голос, — пойдем лучше посмотрим, как там остальные»... Раскрыв глаза, Владимир с удивлением обнаружил перед собой Аглаю. «Они убили его, — сообщила она с улыбкой. — Все разом набросились и убили!» Она говорила о змее, он понял и вздохнул с облегчением. «Не бог весть что такое он и был, — продолжала доамна Соломон. — Вот все, что от него осталось». И она показала часы. Циферблат их был теперь усыпан блестящими бусинами. «Только бы не опоздать, — подумал Владимир. — Наступает мой черед». Они ждали вдвоем, когда раздастся сигнал. Доамна Соломон придвигалась к нему все ближе, обняла за талию, прижалась грудью. Владимир чувствовал, как обнимает его сладкий хмель, нежит благоуханное тепло, и вздрогнул. «Нет, этого нельзя, нет, нет», — повторял он и услышал крик Стере: «Следующий» — и вырвался из объятий женщины, и яростно кинулся в ночь, ставшую доброй и ласковой душой леса.

Только успела Дорина заснуть, как кто-то тронул ее за плечо и сказал:

— Вставай! Уже утро!

Дорина изумилась:

— Как? Уже?.. А остальные? Они так и останутся тут, в монастыре?

— Да это же было давным-давно и к тому же во сне снилось... Неужели ты о них еще помнишь?

Дорина улыбнулась: и правда. Все же во сне снилось: и тягостный праздник у четы Соломон, и игра в лесу, и змей...

— Только никогда не произноси этого слова вслух, — сказала ей та, что ее будила, словно прочитав ее мысли. — Ты ведь не будешь его говорить, потому что не хочешь, чтобы...

— Конечно не буду, я запомню, что не надо... Но если все-таки...

Женщина, которая ее будила и теперь сидела возле нее, огорченно нахмурилась:

— Вот уже девять лет никто его не видел... Искали по всему свету, но так и не встретили...

— Кого? — вздрогнула Дорина.

— Твоего жениха. Может, он и про свадьбу забыл, а свадьба сегодня...

— Так скоро? — робко спросила Дорина. — Но ведь даже не рассвело еще...

— Он человек, только покуда нет солнца... А как оно покажется, он спрячется и никто его не увидит...

Дорина осмотрелась вокруг. Какая просторная, какая роскошная комната, сводчатый потолок, золотые стены. Подумать только: она проспала тут всю ночь и даже не подозревала о такой красоте...

— Вставай, вставай быстрее, — торопила ее женщина. — Тебя уже ждут с подвенечным платьем...

— Но я должна сначала поговорить с мамой, — воспротивилась Дорина.

Женщина снисходительно улыбнулась. Взяла Дорину за руку и кивнула в глубь комнаты, и там словно бы открылась еще одна комната, и еще, и не было им конца, как в зеркале.

— Ну разве есть у тебя время возвращаться? Это же было так давно... Никто и не помнит уже, когда это было...

Дорина взглянула на анфиладу комнат, которая, кажется, терялась где-то в другом измерении, но не огорчилась. Она постаралась припомнить что-то из своей былой жизни. И поняла, что и впрямь прошло очень много времени, и вернуть ничего невозможно, и никто не в силах сделать так, как было.

— Надень кольцо, — напомнила ей женщина. — И не снимай до тех пор, пока не будешь стоять напротив него.

— Напротив Андроника? — робким шепотом осмелилась спросить Дорина, вздрогнув от волнения.

— Вы его называете Андроником...

Женщина посмотрела Дорине в глаза и грустно улыбнулась.

— Ты знаешь его?

— Я его видела, и тоже, как ты, ночью, — ответила женщина. — Он был тогда красивым мужчиной...

— И как ты его называла? — снова спросила Дорина.

— Тебе его так называть не следует...

Дорине стало не по себе от странного взгляда женщины, которую она видела первый раз в жизни.

— Идем! Нас ждут...

Ее взяли за руку и почти силком повели к дверям. Но возле порога Дорина, дрожа, остановилась. Ей показалось, что за порогом — вода. Вода глубокая, черная, ледяная, которую неискушенный взгляд легко принял бы за ковер.

— Мне страшно, — прошептала она.

— Не бойся, не утонешь, — успокоила ее женщина. — Со мной не утонешь...

Женщина опять взяла ее за руку, Дорина закрыла глаза, но нога ее не погрузилась в воду. Она скользнула будто по стеклу. Зато ступнями она чувствовала, какая эта вода холодная. Дыхание у Дорины перехватило, и оно застряло где-то в глубине груди.

— Вдохни поглубже, — приказала женщина. — И ни о чем не беспокойся, потом привыкнешь жить и под водой...

— А сейчас мы где? — испуганно спросила Дорина.

— У него во дворце...

— А как же могут попадать сюда солнечные лучи? — продолжала спрашивать Дорина, озабоченно оглядываясь по сторонам.

— Да потому что весь-весь дворец стеклянный... Взгляни...

Женщина указала рукою вверх. Вверху было небо. Далеко-далеко, стеклянное, серебряное. И робкий, рассеянный свет сочился, может быть, с того света. А яркий свет сиял и сверкал где-то впереди.

— Нас ждут... И будут сердиться, если мы задержимся...

Женщина крепко держала Дорину за руку, ускорила шаг. Дорина заворуженно смотрела на сияние, разгорающееся впереди. Она слышала гул множества голосов и странные нежные звуки скрипок, словно кто-то едва-едва касался струн. Перед ними белели ступени, похожие на мраморные. Встав на первую, Дорина остановилась в нерешительности.

— Поднимайся! Поднимайся! — властно приказала ей спутница.

Как же было тяжело подниматься. Словно бы неведомая сила противилась ей на каждом шагу, и под тяжестью ее Дорина изнемогала.

— Поднимайся! Поднимайся! — послышались голоса сверху.

Дорина вновь почувствовала, что ее тянут за руку. Она крепко зажмурилась, чтобы не плакать, и сделала еще один шаг. Немыслимая тяжесть усилий доводила до головокружения.

— Почему же так тяжело? — прошептала она.

— И ему было не лете. Забыла, сколько времени он не мог сдвинуть с места лодку? Вы ведь долго сидели на берегу, а лодка все никак не отчаливала...

— Да, да, не отчаливала, — вспомнила Дорина.

Вспомнила она и пламенные глаза Андроника. И его руку, горячую, сильную, которая ее тогда поддерживала, давно, во сне...

— Поднимайся, поднимайся, — вновь услышала она голоса сверху.

— А это кто? — спросила Дорина.

— Остальные. Их много. И все они поднялись сюда... Тебе ведь очень тяжело, правда?

Глядя на мучения Дорины, она невесело улыбнулась.

— Много их еще? — спросила Дорина.

— Если любишь, то нет.

Девушка зажмурилась, закусил губу и напрягла последние силы. Одна ступенька, еще одна...

— А он не может помочь мне?

— На этой лестнице — нет, это не его лестница...

Голосов сверху больше не было слышно, не было слышно и скрипок. Куда же делись все эти люди, которые так ждали ее и так внимательно за ней следили? — спросила себя Дорина.

— Никуда не делись, — ответила женщина. — Они тебя ждут. Взгляни!..

И Дорина очутилась вдруг посреди огромного зала, залитого ярким светом, сверкающего зеркалами. Где она? Неужели в сказке? Вокруг нарядные женщины в старинных платьях, мужчины в шитых золотом мундирах, с длинными палашами и в шлемах.

— Ни с кем не говори! — быстро шепнула ей спутница.

Ослепленная великолепием, Дорина робко шла по великолепной зале, которой, казалось, не будет конца. На нее смотрели холодно, отчужденно и все-таки словно бы старались задержать. Круг вокруг нее сжимался все теснее. И каждый манил ее рукой и показывал что-то удивительное: невиданную золотую птицу, бокал с драгоценными камнями, хрустальную туфельку. У Дорины закружилась голова, и она закрыла глаза руками.

— Только не отвечай, что бы тебе ни говорили, — услышала она опять шепот проводницы.

И Дорину еще более властно потащили за руку.

— Взгляни на Аргиру, красавицу, — кричал Дорине юноша, преградив ей дорогу и указывая на спрятанный в углу трон.

Дорина невольно повернулась. Вдалеке в потоке света сидела бледная девушка с черными косами и широко открытыми глазами.

— Она тоже была невестой, — прибавил юноша, улыбаясь. — Она тоже пришла оттуда, откуда и ты. Посмотри на нее!

Дорина вздрогнула. Девушка казалась мертвой: она сидела словно каменная, с белым лицом, неподвижными и немигающими глазами.

— Три дня он знался с ней! — снова закричал юноша, по-прежнему преграждая ей дорогу. — Теперь она мертвая, давно уже мертвая. Погляди на псе хорошенько!..

Даже не скажи ни слова неизвестный юноша, Дорина смотрела бы и смотрела на девушку, застывшую на троне. Холодная задумчивая печаль, застывшая на ее неподвижном лице, казалась ей все таинственней.

— Идем же, — прошептала ее спутница и вновь взяла ее за руку.

— Кто это? — спросила Дорина. — Она тоже была невестой и потом умерла?

Женщина замялась и ничего не ответила. Она старалась, чтобы Дорина шла к ней поближе, и торопилась вывести ее из этой толпы, которая смотрела на них с той же отчужденностью.

— Вглядись в нее хорошенько, и ты поймешь, кто она, — вновь заговорил юноша. — Она тоже одета в подвенечное платье, разве ты не видишь?

Дорина вдруг остановилась и вздрогнула. Девушка на троне показалась ей знакомой: широко раскрытые глаза, сжатый рот...

— Разве ты не видишь, что это ты?! — торжествующе вскричал юноша.

Скрипки смолкли, словно повинувшись мановению невидимой руки. Мертвая тишина сковала зал. Дорина застыла с широко открытыми глазами, застонала и упала как подкошенная.

Мало-помалу она поняла, где находится. Комнату заливал колдовской лунный свет. Она услышала громкий храп, прерываемый вздохами. И еще другие, не такие понятные звуки: что-то вроде протяжных всхлипов и невнятного стрекотания невидимых кузнечиков. Девушка провела ладонью по лицу, пытаясь понять, что же про-

изошло с ней. Различила тяжелое дыхание по соседству. Легонько повернула голову и взглянула: неловко запрокинув голову, спала Лиза. В другом конце, положив кулачок под щеку, уютно спала Рири. В комнате было на удивление светло, освещены были и самые укромные уголки, но луна не глядела в окно. В окне призрачно голубел маленький кусочек неба.

— Мне приснился сон, — прошептала вслух Дорина, чтобы успокоиться.

Но ей все-таки было страшно — одной бодрствующей среди стольких спящих. Шум, который она слышала, казался ей таинственным, колдовским, непонятным. Потом она догадалась, что слышит, как квакают вдалеке лягушки. Она на секунду задумалась. Да, она в монастыре. Ей приснился сон. Все, что происходило, привиделось ей во сне...

Но тут она вспомнила об Андронике, и у нее снова перехватило дыхание. Что же, и он был только наваждением? И змей тоже?..

Она сидела с открытыми глазами, стараясь припомнить все, что было. Но ничего не могла представить себе отчетливо. Прохладный лунный свет смотрел на нее глазами Андроника. И она словно бы чувствовала его близость и особенно остро — запах свежести, исходящий от сильного юного тела, и еще убийственную нежность взгляда и могучих рук... А змей?.. Дорина покраснела и крепко, до боли, зажмурила глаза. Несказанное омерзение, страх и болезненный соблазн вновь ожили в ее растревоженной памяти. То одно, то другое воскрешала перед ней намять, мысли вспыхивали расплывчатые, неотчетливые, не умеющие зацепиться одна за другую. И были все они болезненными, томительными и все равно непонятными. Но змеиные чары не рассеялись, змеиные и Андроника. Успокаивал ее только сам Андроник, когда она вспоминала его и видела прекрасным, полным жизни и невероятно мужественным.

Дорина довольно долго выбиралась из сновидений и воспоминаний. Храп из соседней комнаты доносился по временам с пугающей отчетливостью. В комнате по-прежнему было светло и лунно. В раскрытое окно тянуло свежестью, но холодно не было. Спящие женщины тяжело дышали. Все они спали с приоткрытым ртом, свернувшись, прижав к себе руки. Дорина смотрела, как поднимается и опускается у них грудь, напрягаются мускулы, маслянисто поблескивают лица. Никогда еще ей не приходилось видеть столько смертельно усталых спящих женщин. Никогда еще не был так ясновидящ ее рассудок, и никогда еще не был он так болезненно уязвим, готовый под воздействием страха подчиниться любому наваждению. Дорина сидела с открытыми глазами, потом закрыла их и неожиданно заснула, как будто мягко соскользнула в бездонное озеро.

13

Андроник довольно долго шел лесом, не слишком спеша повернуть назад к озеру. Добравшись до опушки, где несколько часов назад все так увлеченно играли, он замедлил шаг и запел. Поначалу голос звучал робко, печально, но мало-помалу окреп, сделался громче, любовный зов тоже сперва нежен, а потом страстен. Пел он без слов, но иногда в его песне мелькало вдруг девичье имя. Лес, казалось, дремотно слушал его, порой трепетно вздрагивал и снова успокаивался. Но сверху то и дело слышался испуганный шелест, листья, дрожа, прижимались один к другому, и, казалось, тревожила их невидимо беспокойная торопливая рука. Песня Андроника уносилась вдаль, обтекая стволы, отталкиваясь от листьев.

— О-о-о — и-и-и, ана-а-а-а!..

Лунный свет пробирался между веток, стелился по траве, будил цветы, и они открывались ему навстречу влажно и робко. Андроник, опасаясь их потревожить, внима-

тельно осматривался, прежде чем сделать шаг. Песня его смолкла, ее впитала земля, и в лесу раздавалось только невнятное бормотание. Похоже было, будто листья тянутся вслед за Андроником, растревоженные его присутствием и теплым глубоким голосом. Просыпались птицы в гнездах, глухо встряхивали крыльями, коротко испуганно вскрикивали. Андроник останавливался и, с улыбкой глядя вверх, манил их рукой:

— Не угомонились еще, красавицы?

Щебетание вскоре смолкало, растворившись в смутном шепоте листвы. Пустилось в полет несколько больших ночных бабочек, ветер подхватил их, будто на гребень волны, собираясь опрокинуть, но они осторожно уселись на шершавый ствол и сложили крылышки. Андроник проследил за ними, глаза его поблескивали в темноте двумя угольками. Улыбаясь неведомой радости, он шел дальше и мурлыкал что-то потихоньку себе под нос.

Перед узловатым, от старости согбенным деревом он остановился и внимательно оглядел его сверху донизу, словно бы изучая ствол и ветви. Потом разделся, оставил одежду на траве и принялся взбираться на дерево, очень быстро и очень ловко. Добравшись до самой развилки, Андроник устроился поудобнее, раздвинул листья руками и оглядел лес сверху. Но он не был еще на самом верху и всего увидеть не мог. Теперь он карабкался по самым высоким веткам. Хрупкие ветки вздрагивали под его тяжестью, но не ломались. Казалось, он лишь перебирает руками, не повисая всей тяжестью своего тела на ветках, и словно бы бродит между листьями, сделавшись легким, как птица. Когда он поднял голову, небо распахнулось над ним. Неподвижное светлое небо, освещенное луной.

— Вот я и не один, — произнес Андроник и протяжно радостно вскрикнул.

Голос его улетел далеко-далеко поверх деревьев, и слышно было, как вдали он слабеет, напоминая эхо. Но ему никто не ответил. Только взлетела большая птица, широко распахнула крылья и медленно полетела между деревьями.

— Ау-у-у! — крикнул опять Андроник.

В ответ — то же удивленное молчание леса. И наверху — то же светлое и мертвое небо. Андроник стал спускаться. Легко, словно бы забавляясь, находил он вниз дорогу, перебираясь с ветки на ветку. Вот он уже и внизу, отер листком лицо, оделся и отправился обратно другой дорогой. Минуя освещенную луной поляну, он отыскал глазами куст и направился к нему. Растянулся на траве, приложил к земле ухо и прислушался.

— Никого, — сказал он с улыбкой, — куда все подевались этой ночью?

Поднялся, ласково погладил ладонью траву, словно попросив прощения за невольную неприятность.

— Пойду-ка на озеро и искупаюсь, — решил Андроник.

Он прибавил шагу. На опушке живее чувствовался ветерок. Кланялись колосья вдоль тропинки. Андроник шел, насвистывая, к озеру. На берегу он остановился и прислушался. Вдалеке сухо шуршал камыш. Ни сонного всхлипа, ни кваканья лягушек, ни стрекотания кузнечиков, — озеро молчало, и молчание его пронизывало холодком. Ни одна птица не ворохнулась испуганно в камыше. Андроник попытался разглядеть что-то. Но ничего не увидел, — вода и вода. Приятной свежестью повеял ветер. Юноша сделал несколько шагов, словно выбирая место поудобнее, и принялся торопливо раздеваться.

Дорина довольно долго не решалась сделать шаг вперед. Он ведь знает, что она здесь, и все-таки не разыскал ее, не позвал... Теперь она совершенно отчетливо видела Андроника: он стоял обнаженный, в одной только расшитой шелком повязке вокруг бедер. Он совсем не готов, он же должен быть одет, и одет по-дорожному. Или он не выбирал ее в невесты?.. Но в толпе незнакомых девушек, которых он оглядывал так

внимательно, фант он протянул ей, ей протянул — золотое яблоко. Оно и было знаком, он выбрал ее в невесты...

— Дорина! — удивленно воскликнул Андроник, заметив ее. — Как красиво ты нарядилась!

— Я ждала тебя, — прошептала девушка. — Мы же уходим...

И, чтобы не видеть его обнаженных плеч, опустила глаза.

— Чего ты боишься? — спросил он. — По-другому не бывает, в чем мать родила. Так завещано...

— А я?

— И ты... Только потом, — прибавил он, улыбаясь и беря ее за руку.

И она почувствовала, словно к ней прикоснулся огонь, как чувствовала всякий раз, когда до нее дотрагивался Андроник, пронизывающую дрожь и странное, неведомое наслаждение.

— Ты умеешь плавать? — тихо спросил Андроник. — Если лодка опрокинется, ты сможешь доплыть?

Дорина испуганно схватилась за его руку.

— Если ты меня оставишь, я утону! — воскликнула она.

— Не надо бояться. Что бы ни произошло, не бойся, — ободрил ее Андроник. — Не эта лодка переправляет мертвых. Если бы ты знала, сколько водных пространств пришлось мне преодолеть, пока я плыл туда и потом обратно... Смотри.

Он протянул руку, указывая вдаль. И Дорина увидела водную гладь до горизонта, светящуюся, неподвижную.

— Это так далеко? — спросила покорно. Андроник засмеялся и придвинулся к ней.

— Все близко, когда любишь, — прошептал он. — Сейчас тебе надо будет сесть на дно лодки и не бояться. Мы минуем девять морей, девять земель. И потом сыграем свадьбу...

— Так не скоро? — огорчилась Дорина. — Кто знает, что с нами случится за это время, — произнесла она задумчиво.

— А куда нам спешить? — нежно спросил Андроник. — Дни у нас здесь текут быстрее минут. Если уж ты попала сюда, то назад пути нет. Здесь ведь красивее, правда?

— С тобою всюду красиво, — ответила девушка.

И смолкла, залюбовавшись им. Как же он красив, строен, крепок. Он казался не человеком, а божеством, младшим сыном змея из сказки.

— А почему ты покинул дворец? — спросила она. — Зачем опять пришел сюда, на берег?

— Тебе там было плохо, ты испугалась... Чего? Эти люди давным-давно умерли, разве ты не видела, что они не могут причинить тебе никакого вреда?..

— Среди них была и я сама тоже, — прошептала со страхом девушка. — Это я сидела на троне, невидимая остальным.

— Да, конечно, — безмятежно согласился Андроник, — и это тоже неизбежность.

Дорине опять стало страшно, и она прижалась к нему. Ей хотелось, чтобы ее приласкали, успокоили.

— Не бойся ничего, — сказал он, — я с тобой. И мы больше не разлучимся...

Теперь он смотрел на воду. Там их ждала лодка, ждала давным-давно. Дорине все казалось знакомым и даже казалось, что и к путешествию она готова давным-давно.

— А где будет свадьба? — спросила она еще раз. На всякий случай.

— На противоположном берегу...

Он взял ее на руки и бережно понес к воде.

— По-другому нельзя, — успокоил ее Андроник.

Шагнув в лодку, и лодка накренилась. Он мягко усадил Дорину. Лодка покачивалась ласково-ласково, и у девушки закружилась голова, и она подперла ее руками. Андроник сидел рядом с ней. Прежде чем взяться за весла, он показал:

— Там посередине остров. На нем я живу...

Вдруг неведомо почему Дорина вспомнила змея и вздрогнула. Она видела вновь, как, чешуйчатый и гибкий, танцует он в лунном свете... Змей в потемках мог ее ужалить...

— На этом острове живет змей! — воскликнула она в ужасе. — Ты же прогнал его туда, ты сам его прогнал!

И увидела, как Андроник поднялся в лодке, очень бледный и гневный-гневный. Глаза у него сверкали, сверкали и словно бы слепили ее.

— Для чего ты сказала это, моя любимая? — печально спросил он.

Но слова его больно вонзались в уши, словно выползали из змеиной пасти.

— Почему не послушалась повеления? — спросил он.

Теперь и Дорина вспомнила: «Только никогда не произноси этого слова вслух!» Она забыла. Теперь поздно. Забыла... С ужасом смотрела она на Андроника, своего повелителя, и ждала проклятия. Глаза она закрыла ладонями.

— Девять лет будешь меня искать и только тогда найдешь, — услышала она голос Андроника.

И когда хотела взглянуть на него и молить над ней смириться, увидела пустую лодку. Андроник исчез. Только водная гладь расстилалась перед ней до горизонта. Она сидела молча, без сил, не зная, что будет делать. И тут вдруг услышала шелест листвы на берегу и повернула голову. Никого. Ветер, пробегая, оживил высокие ветви деревьев...

Она проснулась, еще слыша печальный шелест. Половина комнаты была в темноте. Свет луны лежал возле самых окон. Дорина поняла, что порыв ветра всколыхнул занавеску. Встала и подошла к окну. Вдалеке слева блестело озеро. Дорина улыбнулась, вернулась к постели, не понимая, где она все-таки находится. С удивлением оглядела женщин, которые спали рядом с ней. Медленно, но уверенно, как и положено во сне, прошла между кроватями и прямо перед собой увидела дверь, хоть ее и не искала. За стеной услышала странный шум, который напугал ее. Там кто-то, захлебываясь, хрипло дышал, похоже было, что кого-то мучили. Но ни решимость, ни мужество ее не покинули, и, прикрыв глаза, она пересекла большую комнату и подошла к двери, ведущей на улицу. Дверь была наполовину приоткрыта. Дорина вышла во двор. Босые ее ноги не ощутили холода, обнаженные плечи не чувствовали, как резок ветер. Уверенно и решительно направилась она к озеру.

Спустилась с пригорка, дошла до берега и там увидела лодку, которая ждала ее. Точь-в-точь такую, какую только что оставила во сне.

Она ступила в холодный вязкий ил, но и его не почувствовала. Торопливо, сосредоточенно отвязала лодку от колышка, села в нее и оттолкнулась. Отыскала глазами остров и решительно и мягко налегла на весла, и была при этом похожа на того, у кого осталась только одна надежда...

Лиза проснулась, дрожа от холода. Окно было широко распахнуто, и угадывалось приближение рассвета по посвежевшему ветру и иному запаху воздуха. Луна поблед-

нела и не светила уже так ярко. Но и темнота не была уже так густа и вдалеке будто клубилась туманом.

Лиза проснулась с тяжелой, больной головой, словно после буйного празднества. Она с трудом поняла, где находится и почему заснула наполовину одетой, чуть ли не вповалку со всеми остальными. Она довольно долго пролежала не шевелясь, даже не позаботившись получше укрыться и по-прежнему чувствуя холод. Ей показалось, что в миг, когда она проснулась, где-то неподалеку ударили в било. Как неприятно было проснуться в чужой неудобной комнате, усталой, нерадостной и грешной уже на всю жизнь. Все утратило смысл, краски, ничто не обещало радости. Короткое хрипловатое щебетание послышалось, кажется, из левого окна. Может, надо встать закрыть его?.. Но как это тяжело и до чего бессмысленно...

Теперь она постаралась укрыться получше и натянула на себя одеяло. Поняла, что слева от нее пусто. Рири во сне положила туда голову и выставила колени... Лиза повернула голову, ища с изумлением других. И увидела, и не одну, и не раз потеряла себе глаза, словно так их можно было заставить видеть лучше. Внезапно ей пришел на память Серджиу Андроник и беготня в лесу. Но дальше провал, какое-то беспокойство и ощущение какой-то унижительной неловкости. Да, была игра... Фарс... И что еще?.. Капитан Мануилэ... Дорина... змей. Она вновь посмотрела на Рири, которая спала сладко-пресладко, и вздрогнула. Дорина!..

Теперь у нее возникло отчетливое ощущение, что она видела, как минуту назад Дорина вышла из комнаты. Без сомнения, она направлялась к Андронику, в соседнюю комнату. Мысль эта взволновала Лизу; оскорбленная добродетель, страх, ревность, любопытство. Она забыла, что Андроник спит не один. Лиза приподнялась на локте и еще раз оглядела множество спящих тел вокруг и поняла, что не ошиблась, вспомнила Стере, других... Разумеется, и они спят все вместе. Тогда, возможно, Дорина... Теперь она уже помнила отчетливо, хотя и не назвала бы времени, что Дорина, проснувшись, пока все остальные спали глубоким сном, тихонько выскользнула из комнаты, отправившись на свидание с кем-то на улице, возможно с Андроником...

Лиза застыла, прислушиваясь, не слышно ли шороха, шепота? Но тяжело и сонно дышали женщины, и раскаты храпа доносились из соседней комнаты. Внезапно встревожившись, Лиза решила. Осторожно, стараясь не задеть свернувшуюся калачиком Рири, она подобралась к изножью кровати и выглянула в окно. Высунулась как можно дальше. Почувствовала горький запах недавно повядших листьев, свежей древесины. Небо было голубым и к краю бледнело. Слева, покрытое туманом, виднелось озеро. Лиза еще послушала и вернулась в комнату, направилась к двери. Дверь была приоткрыта. Кто угодно мог войти... Стон. Она вздрогнула. Но тут же поняла, что испугалась напрасно, доamna Замфиреску вздохнула во сне. Спала она прикрывшись пальто. Лиза взглянула на нее мельком и с неприязнью. Из соседней комнаты доносился теперь громче и раскатистей храп мужчин. Может, там спит и Андроник?

Она вернулась к кровати, взволнованная, нерешительная. «И в золоте кудрей блеснуло...» Глупая строчка застряла в памяти, вертелась и не пускала следующую: «А детство золотое?..» Лицо капитана, лицо Стамате. Поцелуи в лесу. Стыдно, тошно от всех, от всего, что было. «А детство золотое?..» Без всякого толка и порядка замелькали в памяти сцены и разговоры за обедом во Фьербинць, в саду. Стере, снявший пиджак, идет к вишне его повесить... Домнул Соломон спрашивает, подняв руку: «Кто еще хочет кофе?» И совсем уж без всякой связи голосом Андроника: «Если вы не утихомирите через минуту...» И еще его слова: «Я взволнован совершенно по другой причине. Но если назвать ее, вы поднимете меня на смех»... Она готова была схватить его за руку, она сказала: «Клянусь»... Воспоминания обретали стройность. Как рав-

нодушно принял он ее горячность. Теперь ей стыдно, Андроник ее злит, мучительно раздражает, раздражает всем: поступками и своей такой мужественной красотой. Дорины все еще нет. Разумеется, она ушла с ним. Лиза все поняла: милая парочка, после того как все уснули, встретились во дворе и отправилась в лес. В лес, ночью. Он лег с Дориной. Ярость захлестнула ее, ярость и неистовое желание скандала. Ее уже била дрожь. Тяжело дыша, она подошла к доамне Соломон и принялась ее будить. Та не просыпалась, жалобно стонала во сне. Лиза вернулась к Рири и мигом разбудила ее, сдернув одеяло. Потом вновь стала будить доамну Соломон.

— Вставайте, вставайте, что-то случилось с Дориной! — шептала она.

Доамна Соломон нехотя приоткрыла глаза и терла их, стараясь проснуться.

— Не знаю, куда-то делась Дорина, — сообщила Лиза чуть громче, приближая к ней лицо.

Рири ничего не поняла из того, что слышала. Ей хотелось спать, голова была тяжелой, сухая боль теснилась где-то в самой сердцевине мозга. Она стиснула виски руками и попыталась понять, где же она. Возле себя она увидела барышню Замфиреску. И вдруг испугалась, нелепым глупым страхом, что эта девушка слышит все, что говорится, и только притворяется, будто спит.

— Потихше, чтобы никто не услышал, — прошептала Рири Лизе.

— Лучше одевайся, а то как бы чего не случилось, — сказала Лиза, ища туфли.

— Но все-таки в чем дело, милая? — удивилась доамна Соломон.

Проснулась и доамна Замфиреску. Поднявшись, она пыталась привести в порядок прическу, убирая лезшие в глаза волосы.

— Что случилось? — спросила она с удивлением.

— Кажется, что-то нехорошее с Дориной, — раздраженно сказала Лиза и вышла из комнаты. — Пойду посмотрю, что там с ней...

Рири одевалась молча, глубоко дыша, чтобы проснуться. Она не сомневалась — ей предстоит вмешаться в необычайные и опасные события. Жизнь Дорины зависела от ее мужества и решительности, и ей становилось жаль бедняжку Дорину, и она чувствовала к ней бесконечную любовь и нежность.

— Идемте же! — позвала Лиза доамну Соломон. — Может, она во дворе?..

Доамна Замфиреску все с тем же изумленным выражением лица сидела на кровати. Испуганным взглядом она искала свою дочь. Увидев ее на другом конце комнаты крепко спящей, она успокоилась.

В комнате стало холодно. Рассвело. Доамна Замфиреску вдруг вспомнила о вчерашнем змее. Но без всякого страха. Потихоньку перекрестилась и приготовилась с любопытством слушать.

В комнату мужчин осмелилась заглянуть только Лиза. С осторожностью приоткрыв дверь, она просунула туда голову. От тяжелого спертого воздуха, смешанного с винным перегаром, прикрыла глаза и позвала Стере, один раз, другой, кто и где спит, она различить не могла. Комната выходила во двор, и в ней было совсем темно.

Сначала ей отозвался только храп с тюфяков. Затем хриплый голос Стамате спросил:

— Кто здесь?

— Разбудите, пожалуйста, Стере, — прошептала Лиза с порога. — У меня к нему небольшая просьба...

Стамате с трудом сообразил, чего от него хотят. С секунду он думал, кто же такой Стере. Имя ничего ему не говорило. О себе он думал, что он где-то совсем в другом месте, среди других людей и даже в другом времени. Нечаянно он разбудил приятеля. Капитан шумно зевнул, не подозревая, что Лиза смотрит на него с порога.

— Разбудите, пожалуйста, Стере, — попросила чуть громче Лиза.

Мануилэ, услышав женский голос, мгновенно вскочил, ему сделалось неловко. Проснулся и домнул Соломон.

— Что-нибудь случилось, сударыня? — спросил капитан.

— Мне кажется, с Дориной что-то нехорошее, — прошептала Лиза, исчезая. — Постарайтесь, пожалуйста, разбудить Стере...

Потом она вспомнила, что не спросила об Андронике. Может, он и сейчас в комнате, если со всеми лег спать... И все-таки ей было неловко открывать еще раз дверь и спрашивать о нем. Тем более что так она могла посеять подозрение...

— Что стряслось? — спрашивал домнул Соломон, выходя полуодетый в среднюю комнату.

— Не знаю, куда-то исчезла Дорина... Домнул Соломон на секунду замер, не в силах понять того, что услышал.

— Пойдем поищем ее, может, ей стало дурно и она сидит во дворе, — прошептала Рири.

Дверь раскрылась, на пороге стоял капитан. Он наспех постарался привести себя в порядок и причесаться, но все-таки был лохмат.

— Но страннее всего то, что и домнула Андроника нет в комнате...

Он многозначительно посмотрел на домнула Соломона. Рири подошла к входной двери. Увидела, что она открыта, и первая вышла на крыльцо. Здесь был совсем другой воздух. И звезды еще не исчезли с неба, но тишина была уже исполнена особого смысла; она казалась затишьем перед схваткой, высшим мигом ожидания; еще секунда — и этот мир исчезнет и настанет совсем иной, новый, какого не могло быть ночью.

— Мы даже не знаем, который теперь час, — озадаченно бормотал домнул Соломон, выходя во двор.

— Двадцать пять минут четвертого, — сообщил Стамате, посмотрев на свои часы со светящимся циферблатом.

Доamna Соломон и Лиза мигом обежали взглядом монастырский двор.

— Здесь ее нет, — уверенно сказала Лиза.

— Может, она пошла в сад? — предположила Рири.

Капитан Мануилэ методично обследовал закоулок за закоулком, не сходя с места. Казалось, он изучает, в каком из укромных уголков могла бы спрятаться Дорина. И ему вдруг почудилось, что они играют все в ту же, затеянную в лесу, игру, и почему-то почувствовал себя униженным. Отвернувшись от двора, он стал глядеть на озеро.

— Ее надо искать там, — сказал он очень серьезно и даже махнул рукой.

Рири вздрогнула. Нет, быть того не может, нет, нет, нет...

— Господи спаси! — вздохнул домнул Соломон.

Лиза не стала ждать, кто еще надумает идти, и первой отправилась к озеру. Рири и Стамате пошли за ней следом.

Выйдя с монастырского двора, Лиза пустилась бежать бегом. Упустишь мгновение — и проиграешь. Дорина опередит тебя и спрячется...

— Я даже не знаю, ложился Андроник спать или нет, — услышала она позади себя голос капитана Мануилэ.

Лиза сбежала с пригорка, и вот она уже на берегу озера. Она тут же заметила, что нет лодки. Подошла, осмотрела колышек, к которому лодка была привязана.

— Безумие! Настоящее безумие! — воскликнула Лиза. — Кататься на лодке!

Ну конечно, эта парочка отправилась ночью гулять. Они гуляли всю ночь; и он шептал ей всякие нежности: «А детство золотое?..» Бледная как смерть Лиза побежала берегом, пытаясь разглядеть лодку.

— Смотрите! — закричала Рири с пригорка.

Все повернулись и стали смотреть туда, куда указывала девушка. Теперь все отчетливо видели лодку и в ней полуодетую Дорину, одну-одинешеньку, которая потихонечку устало гребла.

— Одна! — в изумлении воскликнула Лиза.

Она видела Дорину совершенно явственно, но не хотела верить собственным глазам. Несколько секунд она не хотела даже соглашаться с тем, о чем уже догадалась: Дорина сошла с ума!.. Господи! Возможно ли? Нет, она не решалась додумать все до конца. Лиза вновь взбежала на пригорок, где остальные застыли в изумленном недоумении, невольно следя глазами за легкими черточками, которые оставляли на воде лопасти весел.

— Она с ума сошла! — закричала Лиза.

— Она плывет к острову, — спокойно сказал Стамате.

Домнул Соломон старался что-то придумать. Но пока растерянно оглядывался по сторонам.

— Нам нужна еще лодка, — шептал он, кусая губы. — Должна же быть у них еще где-нибудь лодка...

Он вспомнил: Хараламбие, лодка настоятеля, на которой его и отыскивали, и почувствовал у себя на лбу холодный пот.

— Дорина! Дорина! — закричал он как безумный.

Стамате приложил обе руки ко рту и тоже крикнул:

— До-ри-на-а-а!

И тут же вспомнил, как Владимир кричал в лесу: «Лиза-а-а!» — и ему показалось, что в ту игру играли давным-давно и совсем другие люди. Потянуло холодом, он поежился. На озере, верно, их крики не были слышны, потому Дорина и не оглянулась.

— Посмотрите туда! — позвала вдруг Лиза.

На другом конце озера купался мужчина, плыл ритмично и неторопливо взмахивая крепкими руками.

— Андроник! — воскликнул Мануилэ.

И все застыли в молчании, не прибавив больше ни единого слова. Андроник тоже плыл к острову и, наверное, даже не подозревал о Дорине.

15

Доплыв до берега, Андроник отряхнулся и потихоньку побрел в глубь острова. На иле, на песке видны были его следы, но на траве их не было. Андроник шел медленно, он никуда не спешил; останавливался, смотрел, запрокинув голову, на верхушки деревьев, словно спрашивал у шепчущей листвы, скоро ли рассветет. С водяной глади тянуло свежим ветерком, но обнаженный юноша его, казалось, не чувствовал. Его околдовали тишина и пронизанный ожиданием чуда воздух. Андроник углубился в лес, там в тенистой влажности вольготно росли раскидистые кусты с сочными крупными листьями, пахло мхом и гнилой корой. Ветки, будто отяжелев от капель росы, клонились к земле. Андроник не замечал скатывающихся капель — прохладной ласки листвы. Он углублялся в гущу леса, словно искал сокровище и надеялся найти его, внимательно оглядывая кусты и деревья. Заметив пригорок с хилой акацией и несколькими дикими рожками, он убыстрил шаг. Взбежав наверх, недоуменно оглядел озеро. Постоял секунду неподвижно, глубоко и редко дыша, как дышат во сне, и спустился другим склоном к воде.

Тщательно и не спеша отыскивал он место на траве, где мог бы с удобством улечься. В конце концов облюбовал устье ложбинки. Трава тут росла высокой, мягкой, а под ней чуть сочилась вода, словно иссякающий источник, который, не ровен час, того

и гляди, исчезнет. Андроник осторожно попробовал ногой, не слишком ли мокро, и блаженно растянулся на траве, подложив руки под голову. Он лежал, не чувствуя ни холода, ни желания спать, и, отдыхая, смотрел на небо.

Дорина опомнилась, когда лодка, приглушенно всхлипнув, ткнулась в ил и замерла. Она была одна посреди водной глади, вдалеке от надежного берега, в предрассветных потемках. Но дрожала она больше от прохладного ветерка и неуюта, чем от страха. На душе у нее было на удивление спокойно после того, как она так явственно и окончательно проснулась. За это время она словно бы приготовилась к великим переменам и в ней проснулась неведомая сила, суля переход в иные миры. Дорина выпрыгнула из лодки и принялась оглядывать остров. Андроник должен был быть где-то здесь. Он не обманывал, его слова претворялись в явь, и сам он должен был быть где-то здесь, неподалеку, и ждать ее.

Дорина решила пуститься в обход острова. Босые изнеженные ноги не ощутили ни колкости травы, ни сырости. Глаза Дорины давно приспособились к предрассветным потемкам. И как только она сделала шаг в глубину острова, так перестала ощущать и дуновение ветра. Чувствовала она только необычайную пьянящую радость, но не пыталась понять, откуда она. Незаметно переселившись из сна в явь этого поросшего травой и неведомыми деревьями острова, она словно бы и в самом деле обрела новый путь, путь Божий, по которому будет идти все дальше и дальше. Все мнимости исчезли... Тело, остранившееся, незнакомое, наслаждалось влажностью травы на исходе ночи. Ни смуты, ни страха, ни робости, — всеобъемлющее болезненное счастье, исторгнутое из глубин естества; ее разбудили, и у нее оказалась другая душа, о которой она никогда не подозревала, и другое тело, более счастливое, более божественное.

Она шла, и с каждым шагом крепла сила, бьющая из глубинных тайников ее сущности, и благодаря ей расцветала ее плоть, кровь, ширилось дыхание, гибче становились движения и ум. Все могло быть теперь. Удивительные золотые птицы могли вспорхнуть с дремлющих ветвей и окликнуть ее по имени. Стволы деревьев в любой миг могли вздохнуть, превратившись в великана или змея. Под землей бродили белобородые гномы, звери беседовали между собой. Ничто не могло ее больше напугать, никакая встреча, никакое чудо... Чудом казались ей эти серые сумерки, которые собирались с каждой минутой светлеть, отдавая тьму земле и водной глади; все было так, словно до сих пор не разгаданная тайна разрешилась, изменив разом весь мир, в котором все теперь казалось изумительным.

Возле самого ее лица вспорхнула птица и полетела к озеру. Дорина проводила ее взглядом, и вдруг у нее перехватило дыхание. Птица медленно летела над Андроником; глазам девушки он открылся весь — лежал, растянувшись на траве, и смотрел в небо. Она чуть ли не бегом побежала к нему. Она была во власти чар волшебных, нежных всесильных.

— Я пришла, — прошептала Дорина, подходя.

Андроник повернул голову и смотрел на нее, улыбаясь и не двигаясь.

— Я ждал тебя с полуночи, — сказал он. — Искал тебя в лесу, звал...

Дорина радостно засмеялась. Секунду она смотрела ему в глаза, потом взгляд ее без боязни и робости заскользил по его телу. «Как прекрасен любимый мой...»

— Что же ты делала? — спросил Андроник, приподнимая голову.

— Думала, что смотрю сон, — прошептала Дорина, усаживаясь рядом с ним.

— Все вы такие, — медленно произнес Андроник. — Не спешите понять...

Дорина прилегла рядом с Андроником и, полулежа, постаралась пригладить волосы.

— Стало быть, это остров, — сказала она, счастливо оглядываясь вокруг.

— И на нем самая замечательная пара? Да? — спросил Андроник.

Девушка кивнула, прикрыв глаза. И улыбка несказанного изумления осветила ее лицо.

— Ты такая красивая, — прибавил Андроник, заглядывая ей глубоко-глубоко в глаза, словно стараясь разглядеть ту неведомую жизнь, что таилась в ней. — А зачем тебе эти тряпки?

— Сейчас сниму, — прошептала она, улыбаясь.

Встала и, передернув плечами, выскользнула из рубашки. Теперь и она была голый, но смущение не затенило ей взор, и всплеск крови не окрасил щеки. Она оглядела себя и не спеша направилась к воде. Ноги у нее были в песке и иле. Медленно, словно бы пробуя дно, девушка входила в воду. Когда вода закрыла ей живот, она приостановилась и обернулась к Андронику — Андронику, который, лежа на берегу, смотрел на нее и улыбался.

— Мне боязно заходить глубже, — крикнула она, поднимая руку.

Андроник вскочил на ноги и тоже вошел в воду. Он шел уверенно, напористо, шумно вздымая брызги. Несколько шагов, и он уже возле Дорины.

— Ты не умеешь плавать? — спросил он. Девушка по-детски огорченно кивнула.

— Ничего, я тебя научу, — успокоил ее Андроник. — Только не бойся... Держись за меня...

Он взял ее за руку и медленно повел вглубь за собой. Когда вода дошла ей до груди, Андроник поплыл; Дорина продолжала держаться за его плечо. Засмеявшись, она опустила лицо в воду. Вода хлынула ей в рот, нос, уши, и это неведомое ощущение развеселило ее и ошеломило.

— Напугалась? — спросил Андроник.

Дорина не слышала. Она чувствовала, что плывет, поддерживаемая сильной рукой, этой силе она доверилась всем своим существом и мягко скользила по водной глади, теплой, бескрайней. Она удивилась, когда опустила ногу и не нащупала дна. И удивление сменило опьяняющее ликование свободы.

— Что ты чувствуешь? — спросил Андроник, не слишком настаивая на ответе.

Теперь он все так же мягко и нежно вел ее к берегу. Оба, смеясь, вышли из воды. Дорина смотрела ему в глаза и ласково к нему приблизилась.

— Все было так просто, — прошептала она.

— Я научу тебя лазить по деревьям, — пообещал Андроник. — Но сначала нужно спрашивать у деревьев согласия. Среди них есть старые и больные, и им может быть больно... И тогда они могут тебя сбросить...

— А как ты узнаешь, что дерево болеет? — спросила Дорина.

— Слышно, как оно жалуется или плачет... Бедняги... Тяжелее всего со старыми и больными...

Они уселись на пригорок над ложбинкой. Андроник положил ей голову на колени, и девушка невольно принялась гладить его волосы.

— И с цветами всегда непросто... Они всегда влюблены. И если бы ты слышала, как они плачут...

Он рассмеялся. Поднял глаза к лицу Дорины и внимательно посмотрел на нее:

— Как тебя зовут?

— Дорина.

Андроник задумался. Словно старался припомнить, где он слышал это имя.

— А тебя как зовут? — шепотом спросила Дорина, отводя ему волосы со лба.

Андроник грустно улыбнулся, глаза его глядели в никуда, и Дорина терпеливо ждала, когда он к ней вернется.

— Тебя зовут Серджиу, да? — попросила она подтверждения.

— Если ты хочешь, пусть Серджиу, — с улыбкой ответил Андроник и поглядел на нее с удивлением.

— Серджиу — красивое имя, — сказала Дорина. — Если бы я была мальчиком, мне бы нравилось, что меня зовут Серджиу... Как тебя, — добавила она.

— Не говори так, — прервал ее Андроник, беря за руку и поглаживая. — Ты не мальчик, ты девушка.

— Плохо быть девушкой, — сказала Дорина. Андроник весело рассмеялся. Крепко сжал ей руку и погладил по голове.

— А если бы ты была жалкой искоркой? — спросил он, чтобы ее огорчить.

Он внезапно смолк, но искал глазами ее глаза, словно хотел поговорить с тем, что таилось в глубине.

— Ты не знаешь, что это значит — быть человеком, — прибавил он задумчиво. — Это так хорошо...

Он раскинул руки, как крылья, и запрокинул голову.

— ...И никогда не умирать, — сказал он, глядя на небо. — И быть, словно та звезда, прекрасным и бессмертным...

Он показал рукой на утреннюю Венеру. Дорина вздрогнула.

— Чего ты боишься? — спросил ее удивленно Андроник.

— Смерти, — прошептала Дорина.

— Но и там люди, — улыбнулся Андроник. — Всюду люди...

— Ты ведь знаешь все-все, правда? — спокойно спросила Дорина. — И как ты говоришь, так оно и есть...

Андроник не ответил... Он смотрел на Венеру. Мало-помалу светало. Все другие звезды исчезли, и небо посветлело.

— Где ты живешь? — спросила Дорина, чтобы вернуть его.

— Здесь, — показал Андроник на лес на берегу озера. — А ты где?

Дорина задумалась. Она старалась хорошенько припомнить, чтобы не перепутать и не сказать о том, что было во сне.

— В Бухаресте, — ответила она совершенно правильно.

— И что ты там делаешь?

Андроник улыбался, спрашивая ее об этом. Лицо его почти светилось, и ему едва удавалось сдержать смех.

— Живу, — в замешательстве ответила девушка.

Но Андроник уже смеялся, охваченный безумием веселья. Он подхватил Дорину на руки, словно поднял с земли ветку, так легка была для него ее тяжесть.

Со смехом поднимал он девушку все выше, словно хотел показать ей все небо, лес и свет, который лился теперь со всех сторон. Дорина прильнула к его груди, Андроник подбросил ее, поймал и понес в глубину острова. Он бежал, бежал как сумасшедший, перепрыгивал через болотца, через ямы, под ногами у него ломались сухие ветки, его хлестали высокие травы, задевали кусты, колючие, цветущие, благоуханные.

Счастливая, околдованная, напуганная, Дорина закрыла глаза. Она чувствовала порой на коже ожог царапины, но никакая боль не могла сравниться с новым, опьяняющим дыханием, одухотворившим ее жизнь. Она слышала, как торопится кровь Андроника и как бьется его мощное гулкое сердце. Тепло его тела было непривычно ей и пьянило, как вино. Иногда она чувствовала своей обнаженной кожей лишь объятия крыл ветра. Она позабыла обо всем, и не стоило даже открывать глаза и узнавать, где же она... Когда Дорина все-таки очнулась, она лежала на песке по другую сторону острова. Она узнала лодку, на которой приплыла, та стояла уткнувшись носом в песок. Раскрасневшийся Андроник смотрел на нее яркими блестящими глазами. Ярко блестели и капли пота у него на груди. Грудь торопливо вздымалась и опускалась. Волосы слиплись на влажном лбу.

- Начинается день, — сказал он, как только Дорина открыла глаза.
- Я так устала, — прошептала Дорина. — Откуда у тебя столько сил?
- Пойдем посмотрим, как просыпается солнце, — позвал он, позабыв ответить.

Он помог ей встать и взял за руку. Девушка медленно шла рядом с ним, наслаждалась влажностью земли под босыми ногами. Волосы ее растрепались от сумасшедшего бега, укрывали плечи, спину. На руке алела кровавая царапина.

- Давай поднимемся на пригорок, — сказал Андроник.

И он подхватил ее на руки, хотя была это всего-навсего маленькая земляная горка, выбрал самое удобное место и бережно опустил.

— Мне так хочется спать, любимый, — прошептала Дорина, глядя умоляющими глазами.

— Сперва посмотрим, как встает солнце. Он сел рядом с ней и с улыбкой погладил по голове.

- Ты прекрасна, когда хочешь спать, — сказал он.

— Это ты сделал меня прекрасной, — просто сказала Дорина. — Когда ты выбирал меня, я не была красивой.

- Ты была уродиной, — засмеялся Андроник.

И замолчал, задумавшись и устремив глаза на восток. Небо на востоке было кровавым, но теперь от ожидания побледнело.

- Ты и на солнце был? — спросила Дорина сонно.

— Нет, туда слишком трудно добраться, — не поворачиваясь, отозвался Андроник.

Дорина счастливо закрыла глаза. Она положила руку под голову, а другой обняла Андроника за пояс.

- Не спи, — прошептал он. — Это большой грех...

- Долго еще? — устало спросила Дорина.

- Для того, кто любит, ничего не бывает долгим, — ответил Андроник.

Дорина решительно прикусила губу и открыла глаза. Ей показалось, что вокруг все переменялось. Деревья стояли розовые, трава сверкала, озеро было похоже на золотое зеркало.

- Теперь... — жарко прошептал Андроник.

Будто тысяча птиц защебетала разом. У Дорины закружилась голова. Откуда это неслыханное волшебство звуков: пронзительный писк в воздухе, ласковое и непонятное бормотание из трав и кустов? Все проснулось в одночасье или тайно и глухо бодрствовало и до этого?

- Смотри!..

Андроник поднялся, встав на колени, и в счастливом изумлении замер. Кровавое око солнца раскрылось около них, над ширью водной глади. Дорина смотрела растерянно, словно первый раз в жизни видела, как восходит над землей солнце. И ее осветило вдруг голубиное, бесхитростное понимание всего, оно жило в ней давным-давно, но она его не искала. Ей показалось, что она очнулась для иной жизни, и счастье ее было столь велико, что глаза у нее затуманились и их прикрыли отяжелевшие сонные веки.

Когда Андроник отвел глаза от солнца, он увидел, что она спит возле него и лицо ее светится детской улыбкой. Он положил руку ей на голову и, ласково поглаживая, попробовал разбудить. Дорина едва приоткрыла глаза.

- Не буди меня, мой любимый, — прошептала она.

Ей показалось, что лицо Андроника изменилось, оно стало грустным, нерадостным.

Но у нее не осталось сил удивиться, и она опять заснула счастливым сном, крепко обняв его за пояс.

— И мне спать хочется, — прошептал он, склоняясь над ней. — До заката солнца мы не увидимся... А на закате, кто знает...

Он смотрел, как она спит возле него, — чудесный живой голыш, невообразимо прекрасный и трогательный в доверчивой своей искренности. И, словно бы желая помочь чуду и колдовству, Андроник подул в лицо девушки, широко улыбнулся и вытянулся рядом с ней, уткнувшись лицом ей в грудь.

Солнце катилось белое, раскаленное. Гудели пчелы, и пестрые бабочки тяжело и неловко перепархивали с места на место. Изредка над водой слышалось «ку-ку», долетавшее из лесу.

Лодка причалила к берегу, домнул Соломон с Владимиром и Мануилэ поспешно выбрались из нее, сразу же увязнув в иле.

— Дорина-а-а! — громко принялся кричать Владимир.

Но долго искать не пришлось. Пройдя несколько шагов по берегу, они застыли, не решаясь поглядеть друг на друга, чтобы не обнаружить своих чувств, ошеломленные созерцанием юной парой, которая спала голышом, прильнув друг к другу. Владимир залился краской и прикусил губу. Мануилэ отступил назад. Только домнул Соломон нашел в себе мужество все-таки двинуться вперед, хоть и ему было не по себе.

Когда домнул Соломон склонился над Дориной, он увидел, что девушка крепко спит, нежно обняв мускулистого прекрасного Андроника.

1937 год

Вяч. Вс. Иванов.

Мирча Элиаде и фантастический реализм XX века

Мирча Элиаде (1907-1986) принадлежит к числу писателей, характерных для культуры XX века и в какой-то мере определивших ее облик. Многочисленные научные исследования Элиаде благодаря оригинальности тем, динамизму и изяществу стиля приобрели известность далеко за пределами круга специалистов. Большинство этих книг написано на французском и английском языках, на которых с 1945 года он преподавал, выступал с докладами в крупнейших научных центрах Франции, Италии и Германии, а с 1956 года и до конца жизни — в Америке. Сочинения Элиаде охватывают широчайший диапазон сюжетов и образов, связанных с мифологией и космогонией, религиозными верованиями и магией разных культур и эпох. Его книги по истории религиозных и мистических идей не стали академическими, в них всегда сохранялась необычная для ученого живость посвященного, пережившего в юности как личное событие встречу с одной из древнейших религий Востока, изучившего философию и практику йоги в гималайских монастырях. Он касался таких ключевых для сознания и культуры XX века тем, как Мефистофель и Андрогин, вечное возвращение, символика алхимии и астрологии. Уже в этом выборочном перечне есть особенность, характерная и для художественных произведений Мирчи Элиаде. Мне представляется, что те сферы культуры нашего столетия, которые тяготеют к иррациональному, отличаются парадоксальным сближением научного и индивидуально-интуитивного постижения.

В начале 1990 года мне выпало счастье работать в Амстердаме, в Герметической Философской Библиотеке — частном собрании оккультных, гностических и розенкрейцеровских сочинений, по компетентному свидетельству знатока и коллекционера подобных книг Умберто Эко — лучшим в Европе. Основатель этого собрания доктор Ритман познакомил меня с букинистом, чей магазин немало способствовал созданию Библиотеки.

Этот книжный магазин показался мне как бы моделью всей данной области культуры. Он многоэтажен. На верхнем этаже разместились драгоценная коллекция самых ранних оккультных, алхимических и астрологических изданий, на среднем этаже — современные переиздания и толкования этих текстов, в том числе и книги Элиаде. Нижний этаж, размещающийся в полуподвале, представляет собой выставку современного астрологического, алхимического и оккультного китча.

Включаясь в массовое сознание XX века и становясь частью общедоступного книжного рынка, такие существенные оккультные системы, как, например, символика карт Таро, теряют часть раннего крута своих исторических черт и обретают некие новые черты. Иррационализм XX века не прямо продолжает оккультную мысль Средневековья и эпохи барокко. Двухвековой перерыв, наступивший после Просвещения XVIII столетия, преобразовал эту традицию, и Элиаде, как и другие авторы, в нашем столетии к ней вернувшиеся, не избежал воздействия нового социального заказа. Его мистика обращена к читателю нашего времени, уставшему от научных позитивистских схем и в них разочаровавшемуся.

Европеец, которому ничего уже не говорит рациональная философская мысль, в поисках духовных откровений отправляется, вслед за немецкими романтиками, на Восток. Так и Мирча Элиаде совсем молодым человеком (двадцати одного года от

роду), едва окончив университет у себя на родине, в Бухаресте, уехал в Индию, чтобы постичь индийские философские и религиозные системы и их главный традиционный язык - санскрит. Но он приобрел и особый психологический опыт: полюбил молодую индианку, в доме которой жил некоторое время по приглашению ее отца. Подробности разыгравшейся любовной драмы Элиаде описал в дневнике, из которого выросла его будущая проза. Дневник он начал и на протяжении всей жизни вел только на своем родном - румынском - языке, ставшем и языком его художественных произведений. Потому-то дневниковые признания индийской поры с любопытными пояснениями более позднего времени, как бы их остряющими, и легли в основу романа «Майтрейи», написанного залпом, в духе мгновенной импровизации, как это бывает в молодости.

Судьба европейца в Индии после Киплинга и Форстера (чье «Путешествие в Индию» принесло автору славу за девять лет до написания «Майтрейи») стала одной из популярных тем европейской литературы. В ней угадывалось грядущее противостояние Запада и Востока, окрасившее в самые тревожные, кровавые краски последующие десятилетия.

Роман Элиаде строится на контрасте обыденного европейского сознания героя-рассказчика и ускользящей от него мистической одухотворенности и особого рода, пантеистической чувственности его возлюбленной — Майтрейи. Сперва рассказчик старается сохранить невозмутимость вполне рационального восприятия, отмечая в дневнике необычайную интенсивность чувств индийских женщин. Но постепенно Майтрейи втягивает его в мир своих эстетизированных переживаний, европейская культура спадает с него, как старая оболочка, и уже ничто не может разорвать узы этой любви. Психологический рисунок любовной драмы передан Мирчей Элиаде с такой естественностью и силой, что его дебют как писателя стал сенсацией.

Популярная для всей литературы и эстетики века проблема возможности познания чужого «я» получает в романе пессимистическое решение: герой так и не смог пробиться сквозь преграды другой религии, другой культуры, другого пола. Его стремление проникнуть в мир чувств Майтрейи все время ведет к ошибкам и самообману, что он безжалостно фиксирует в своих пояснениях к дневниковым записям. И хотя подобное противопоставление психологии и социального поведения индийца и европейца не было открытием Элиаде, ему все же удалось сказать нечто новое. Достоинство романа состоит и в постоянном изменении точки зрения героя на свою возлюбленную. Она может порой показаться простым собранием тех черт индийской женщины, которые отличают ее от европейки, но каждая из этих черт узнается героем с болью и страданием, а известная литературность сюжета лишь подчеркивает динамику страстей. Цветистость иных описаний идет в русле традиционного изображения Востока и литературных образцов, коим следует рассказчик: среди этих декораций изображаемые им явления и люди переменчивы и неуловимы, и потому мы всякий раз ищем новый ключ, новую разгадку. Одна из них — название романа. Имя Майтрейи, по словам Элиаде, принадлежит автобиографическому фону романа и в этом смысле случайно, однако мне представляется, что писатель сохранил его (изменив другие) по причинам достаточно существенным: это имя в центральноазиатских буддийских обрядах принадлежит высшему божественному началу, которое периодически воплощается в человека.

Удалось автору передать и атмосферу традиционного индийского дома, его пространство, отношения между людьми внутри этого пространства, решающую роль старших, семьи, касты в судьбе каждого человека. Хотя сам Элиаде за годы, проведенные им в Индии, изучил эту страну достаточно обстоятельно, в романе его герой только на время приблизился к постижению мира Майтрейи, ее языка, строя мыслей

и чувств, в конце же он снова отдаляется от Индии — или Индия от него. И потому можно сказать, что главная тема романа — противостояние Запада и Востока, проходящее через любовный роковой поединок.

Роман «Майтрейи», написанный в жанре автобиографической прозы, относится к числу тех сочинений Элиаде, где магический или мистический элемент не становится доминантой; в «Майтрейи» эта сфера чудесного — в экзотике чужой культуры, в героине и в том, как ее воспринимает герой. Все же остальные элементы повествования не выходят за рамки традиционного реализма.

Совершенно иное впечатление производят новеллы Мирчи Элиаде, с которыми читатель может познакомиться в этой книге. Реалистические подробности, по признанию самого писателя, особенно существенны для начала повествования, фантастика же входит в него незаметно, так же незаметно проникает она во все поры и к финалу полностью вытесняет реальность. Поскольку подобная новеллистика составляет стержень художественного Творчества Мирчи Элиаде, оно с полным основанием может быть отнесено к тому большому литературному направлению, которое называется фантастическим, или магическим, реализмом. Для литературы западной предвестниками этого направления были некоторые из немецких романтиков, но в особенности Эдгар По, в связи с публикациями рассказов которого Достоевский, в издаваемом им журнале, впервые употребил термин «фантастический реализм». Согласно Достоевскому, которого (вслед за Гоголем) самого можно считать одним из предшественников и зачинателей «фантастического реализма», суть метода состоит в сочетании фантастических образов с такими достоверными бытовыми подробностями, которые заставили бы читателя поверить в подлинность всего повествования, включая и наиболее фантастические его элементы. Как видим, эта характеристика достаточно близка к той, которую много спустя даст своим фантастическим новеллам Элиаде.

Фантастический реализм на рубеже XIX и XX веков испытал воздействие Уэллса, романы которого часто называют научной фантастикой, хотя возможность как бы научного (рационального) объяснения является только частью той реалистической декорации, которая сообщает достоверность художественным вымыслам. Эта особенность уэллсовского творчества была раскрыта в эссе Е. Замятина, продолжившего социальную антиутопию и научную фантастику Уэллса в романе «Мы», синтезировавшем опыт первых семи послереволюционных лет и предсказавшем многое в последующем тоталитарном развитии русского общества. Здесь мы сталкиваемся с поразительной особенностью фантастического реализма XX века: в самых диковинных и страшных вымыслах содержится точное отображение будущей реальности. По поводу замечательного романа Андрея Белого «Петербург», продолжавшего традицию фантастического реализма Гоголя и Достоевского, русский философ Бердяев еще в 1915 году в своей статье «Астральный роман» писал, что на романе Белого и кубистической живописи Пикассо авангардное искусство кончается. Его функции берет на себя новейшая история и политика. Они творят чудовищный гротеск, с которым искусство не в силах тягаться. И действительно, Гарсиа Маркес вспоминает, что, готовясь к написанию «Осени патриарха», он перечитал множество биографии латиноамериканских диктаторов и был крайне озадачен: с гротеском реальности невозможно соревноваться.

В век, когда история берет на себя обязанности антиутопии, что остается делать искусству? Оно обращается к архетипическим образам, тем самым, которые были в центре внимания Элиаде-ученого. Недаром их же мы найдем и в его прозе. Искусство Элиаде, родившееся в Юго-Восточной Европе в канун Второй мировой войны, по своим мифологическим истокам близко к философской прозе Центральной Европы межвоенного времени, книгам Кафки, Броча и Мейринка. Поясняя реальность исход-

ного образа «Метаморфозы» Кафки, В. Набоков в прекрасной лекции из посмертно опубликованного курса говорит, что нас не должно удивлять самоощущение человека, внезапно проснувшегося насекомым. С каждым происходит — может произойти — нечто подобное или еще более удивительное.

Нигде фантастический реализм не раскрылся в тридцатые годы нашего века с такой силой, как в не допущенных тогда к печати книгах Андрея Платонова, особенно в его «Котловане» и «Чевенгуре», и в «Мастере и Маргарите» Булгакова. Этими некогда запрещенными, а теперь признанными произведениями нашей словесности мы подготовлены и к восприятию фантастического реализма таких писателей иных культурных традиций, как Мирча Элиаде.

Среди истоков архетипических древних образов, которыми проникнуто мифопоэтическое творчество Мирчи Элиаде, едва ли не на первом месте можно назвать фольклорные. Недаром Элиаде и в самом начале своих научных изысканий, и в последние годы жизни занимался фольклором. Первая — и едва ли не из лучших! — книга Элиаде была посвящена старинной румынской народной балладе о Мастере Маноле в свете этнологии. Здесь он выясняет древние обрядовые и мифологические истоки общеполышанской легенды о строителе, приносящем в жертву свою возлюбленную.

Фольклорные мотивы, народное мистическое сознание, отразившееся в обрядах и верованиях, составляют основу многих художественных вещей Элиаде. Например, повесть «Змея» в соответствии с поэтикой фантастического реализма начинается с описания светской компании, банальной и потому очень узнаваемой, знакомой. Но после появления загадочного Андроника в повествование постепенно входит элемент таинственной игры, перерастающей в до сих пор известный на Балканах (и универсальный) древний обряд заклинания змея. Здесь кульминация магической стихии, идущей непосредственно из фольклора, а грезы и сны героев переплетаются с их поступками. Кончается повесть символической сценой, словно переносящей нас в иное существование.

Две особенности «Змея» присущи многим магическим новеллам Элиаде: появление неожиданного человека, наделенного древним даром, и постепенное распространение магической атмосферы на все изображение.

Чисто фольклорным, и в этом смысле традиционным, можно считать центральный образ новеллы Мирчи Элиаде «Великан», возводящий нас к космогоническим мифам. В прозе Элиаде тема великана возникает дважды: в этой новелле и в поздней его повести «На улице Мынтулясы», где старый учитель, выступающий в роли Шах-разады, пытается перехитрить свою судьбу, рассказывая о дивной великанше Оане, которой приписываются и сказочные победы в единоборстве с мужчинами, и мифологическая любовь с быком, и заключительная свадьба с великаном.

Стилистически Мирча Элиаде весьма многообразен: в его новеллах легенды и фольклорные байки соседствуют с политической сатирой на румынскую госбезопасность недавнего времени («На улице Мынтулясы»), психологически заостренные портреты носителей двух типов магии — народной и выморочной («Дочь капитана») — с «черной» фантастикой, где царят потусторонние силы («Гадальщик на камешках»)...

К числу шедевров магической прозы Элиаде принадлежит рассказ «Двенадцать тысяч голов». В нем можно найти поразительно емкое отражение румынской жизни военной поры и одну из основных тем, объединяющих прозу Элиаде с фольклором и мифологией.

Тема эта — время, с его символами, ритуалами, философией. Для Элиаде она переплетается с идеей циклического вечного возвращения, противоположности мифологического и исторического сознания. Он возрождает исчезнувшие было из художественной картины мира космогонические мифы, без которых мы, дети Космоса,

становимся ущербными и даже опасными существами. Читатель может познакомиться со взглядами Элиаде на эти проблемы, прочитав сборник его эссе, изданный на русском языке вскоре после его смерти.

Проблема времени чрезвычайно важна для всей культуры XX века. Вокруг нее причудливо переплетаются, как и в жизни и творчестве Элиаде, течения современной науки, мистики, литературы. Из незаслуженно забытых русских авторов, которые, как и Элиаде, могли бы послужить примером подобного сплава, назову П. Д. Успенского — плодовитого писателя, перу которого принадлежали до Первой мировой войны популярные книги о четвертом измерении, где уже видны были опыты нового обращения со временем. По признанию Дж. Б. Пристли, подобные опыты в его пьесах были подсказаны книгой «Новая модель Вселенной» П. Д. Успенского (в эмиграции издавшего ее по-английски). Читая в архивах библиотеки Йельского университета в США сохранившиеся там материалы, касающиеся жизни Успенского и Гурджиева в эмиграции, я был поражен тем, как много в литературной жизни Лондона и Парижа между двумя войнами было сопряжено с их влиянием.

Элиаде принадлежал к той же литературной и научной среде, разделяя ее вкусы и увлечения. В новелле «У цыганок» преподаватель музыки совершает путешествие в прошлое, к своей утраченной первой любви и возвращается (реально? или он уже не существует в реальности?) к обычной жизни с опозданием на несколько лет. Отчасти похожие эксперименты со временем встречаются у романтиков, в частности в «Рип Ван Винкле» Вашингтона Ирвинга. Но Элиаде не только помещает своего героя вне жизни, а заставляет его погрузиться в мир возможного, того, что в жизни не сбылось. Эта проблема возможных миров, все более занимающая философов, математиков, логиков и физиков в наш век, чрезвычайно волновала Элиаде. Герой выпадает не только из времени, но и из своей осуществившейся было жизни, чтобы начать реализацию упущенных им возможностей. Установка на возможности, пожалуй, роднит Элиаде из больших писателей нашего века с Музилом. Но по своей стилистике он принадлежит к тому направлению фантастического реализма, которое объединяет лучших европейских писателей XX столетия — Платонова, Булгакова, Хармса — с Кафкой и латиноамериканскими романистами, прежде всего с Варгасом Льосой, который в последних своих романах строит возможные миры применительно не к людям, а странам и их истории.

Самому Элиаде казалось, что его художественная проза лишь косвенно связана с его научными сочинениями. Он был прав в том только отношении, что не сравнительная мифология, а собственный житейский и духовный опыт, символика собственного воображения подсказывали ему конкретные художественные образы.

По мере перевода литературного наследия М. Элиаде на русский язык он становится широко известен в нашей стране. Это отрадно: пришла пора и нам прочитать Мирчу Элиаде — и как ученого, и как художника слова.